

ISSN 2308-4804

SCIENCE AND WORLD

International scientific journal

№ 10 (14), 2014, Vol. II

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2013 (September)

Volgograd, 2014

UDC 80+340+371+61+7.06+159.9+316+008
LBC 72

SCIENCE AND WORLD

International scientific journal, № 10 (14), 2014, Vol. II

The journal is founded in 2013 (September)
ISSN 2308-4804

The journal is issued 12 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 53534, 04 April 2013

Impact factor of the journal «Science and world» – 0.325 (Global Impact Factor 2013, Australia)

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Ignatova Anastasiya Alexandrovna

Lukienko Leonid Viktorovich, Doctor of Technical Science

Musienko Alexander Vasilyevich, Candidate of Juridical Sciences

Borovik Vitaly Vitalyevich, Candidate of Technical Sciences

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences

Valouev Anton Vadimovich, Candidate of Historical Sciences

All articles are peer-reviewed. Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles. Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 «G»

E-mail: info@scienceph.ru

Website: www.scienceph.ru

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 80+340+371+61+7.06+159.9+316+008
ББК 72

НАУКА И МИР

Международный научный журнал, № 10 (14), 2014, Том 2

Журнал основан в 2013 г. (сентябрь)
ISSN 2308-4804

Журнал выходит 12 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 53534 от 04 апреля 2013 г.**

Импакт-фактор журнала «Наука и Мир» – 0.325 (Global Impact Factor 2013, Австралия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович

Ответственный редактор: Игнатова Анастасия Александровна

Лукиенко Леонид Викторович, доктор технических наук

Мусиенко Александр Васильевич, кандидат юридических наук

Боровик Виталий Витальевич, кандидат технических наук

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Валуев Антон Вадимович, кандидат исторических наук

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»

E-mail: info@scienceph.ru

www.scienceph.ru

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological sciences

Borovskikh O.S.
WORD AS AN EXPRESSION OF THOUGHT FORMS OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS 10

Goretskaya S.D.
DEVELOPMENT OF COMMUNICATION STRATEGIES
OF THE DRUG PROBLEM COVERAGE AT UKRAINIAN PRINTED MASS MEDIA 12

Kursakova E.I.
LITERARY ORIGINS OF THE SLOVAK CATHOLIC MODERNISM 19

Petrova E.Yu.
EFFECT OF FOREIGN LANGUAGE STUDY ON THE LEVEL OF NATIVE LANGUAGE 22

Polyanskaya N.V.
THE ROLE OF SEMANTIC THINKING IN THE MECHANISM OF FORMATION
AND FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL MODIFICATIONS (BASED ON THE CZECH LANGUAGE) 27

Jurisprudence

Borovlev S.S.
DISCUSSION QUESTIONS OF «TAX SYSTEM» DEFINITION 29

Burlachka A.O.
MEASURES OF INSURANCE SUPERVISION: THE LEGAL BASIS 32

Burmagin S.V.
PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY IMPLEMENTATION FOR PERJURY IN A CRIMINAL CASE..... 34

Mussin A.K.
MONEY LAUNDERING:
THE CONCEPT AND CONDITIONS FACILITATING THE COMMISSION OF THE CRIME 37

Simonyan R.Z.
CIRCUMSTANCES THAT EXCLUDE THE GUILT
OF MEDICAL WORKER WHO HAVE COMMITTED PROFESSIONAL CRIME..... 41

Solovyova Yu.I., Pospelov O.V.
ACTUAL PROBLEMS OF ACQUISITION
OF THE LAWYER STATUS AND PREPARATION FOR ADVOCACY 44

Pedagogical sciences

Absalyamova R.A., Emelyanova S.E.
COMMUNICATIVE AND INTERACTIVE MODEL OF TEACHING
OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION OF STUDENTS OF NON-LANGUAGE SPECIALTIES 48

Degaltseva V.A.
THE QUESTION OF CULTURE METHODOLOGY
OF TEACHERS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION 51

Dolgopolova L.V.
THE QUESTION OF PROFESSIONAL AND
CREATIVE SKILLS FORMATION OF TEACHERS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION 53

<i>Dotsenko A.I., Salnikova O.D.</i> INCLUSIVE EDUCATION IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS	56
<i>Ivanova S.M.</i> INCREASE IN COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS	58
<i>Ilyichenkova Z.V.</i> AXIOMS. IS IT INTERESTING?.....	60
<i>Karnaikh L.A.</i> HUMANIZATION AND HUMANITARIZATION OF PROFESSIONAL TRAINING IN THE CONDITIONS OF COMPETENCE PARADIGM	62
<i>Orazakhinova N.A.</i> LANGUAGE AS A REFLECTION OF CULTURE	65
<i>Ostrikova E.A.</i> DESIGN IN THE STRUCTURE OF TEACHERS PROFESSIONAL ACTIVITY	67
<i>Prokhorova E.A.</i> PREPARATION OF MANAGERS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF CHANGING REQUIREMENTS OF EDUCATIONAL STANDARDS	69
<i>Ruban D.A.</i> THE PROBLEM OF TRAINING OF FUTURE EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS TO THE IMPLEMENTATION OF SOCIALLY ORIENTED ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT	71
<i>Saydazimova D.Kh.</i> PERSONALITY-ORIENTED APPROACH AS A MEAN OF DEVELOPMENT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING	74
<i>Seregina O.S.</i> CLASSIFICATION OF NOTES AND THE MAIN CRITERIA FOR THEIR ALLOCATION	76
<i>Toshpulatova M.I.</i> IMPROVING METHOD OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE ELEMENTARY SCHOOL TEACHERS	78
<i>Chernaya N.A., Chernaya M.D.</i> USE OF TECHNOLOGY ELEMENTS OF THE PROBLEM DIALOGUE ON THE LESSONS IN THE HIGHER AND SECONDARY SCHOOLS	81
<i>Shepelenko S.N.</i> MODERN SCIENTIFIC VIEWS ON THE PROBLEM OF FUTURE SPECIALISTS PREPAREDNESS TO PROFESSIONAL AND CAREER SELF PERFECTING	84

Medical sciences

<i>Baitanayev A.O.</i> UPDATING OF THE SCHEME OF LANDSCAPE AND EPIDEMIOLOGICAL DISTRICTS OF KAZAKHSTAN BY CONGO – CRIMEAN HEMORRHAGIC FEVER	88
<i>Didenko N.M., Stefanidy A.V., Dukhovnikova I.M.</i> OCCLUSIVE DISORDERS AS FACTOR OF MUSCULAR FASCIAL HEADACHES	93
<i>Zhaksylykova A.K., Almabayev I.A., Tkachenko N.L., Idrisov A.A., Abildayev D.A.</i> STRUCTURE AND FUNCTIONAL CHANGES IN PARENCHYMATOUS ORGANS UNDER EXOTOXICOSIS	97
<i>Petunina E.S., Kashkarov R.S., Yanpolsky A.S., Stepanyan L.V.</i> UTERINE ARTERY EMBOLISATION IN TREATMENT OF UTERINE FIBROIDS	100

Study of art

<i>Bakushkina E.S.</i> ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AS A FACTOR OF THE ENVIRONMENTAL ARCHITECTURE.....	104
<i>Mukhaev R.A.</i> «TOTAL THEATER» AND EUROPEAN THINKING	107
<i>Politov S.I., Politov Ya.S., Aybazova M.Yu.</i> MEANDER AND THE UNIVERSE.....	112

Psychological sciences

<i>Bakushkina I.A.</i> FORMATION OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AT WORKING TEAM	116
<i>Basov D.A.</i> SEMANTICS OF THE STUDENTS' PERCEPTION OF MANIPULATOR PERSONALITY AND HIS VICTIMS.....	118
<i>Borovskikh L.A.</i> LANGUAGE AS A FACTOR OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS OF SOCIETY	123
<i>Dmeterko N.V.</i> THE PROBLEM OF REFLECTIVE THINKING IN THE PSYCHODYNAMIC APPROACH.....	127
<i>Kozlova N.S., Sushkov I.R.</i> EFFECTS OF COMMUNICATION SPHERE OF A PERSON ON THE SPECIFICS OF ITS ACTIVITY IN THE INTERNET	131
<i>Nazarova E.S., Shalaeva N.Yu.</i> BEHAVIORAL ASPECT IN THE ASSESSMENT OF INTERPERSONAL ATTRACTIVENESS	135
<i>Sviridov A.K.</i> PSYCHOLOGICAL PERSONALITY STYLE AS A SUBJECT OF LAW	138
<i>Sumarokova V.A., Zhuravleva L.A.</i> SOME TYPES OF PERSON TRUST IN THE INTERACTION WITH OTHERS	141
<i>Shakhova I.S.</i> CIVILIAN INSTALLATIONS AS AN INDICATOR OF THE GENERAL LEVEL OF SEMANTIC DEVELOPMENT SOLDIER	144

Sociological sciences

<i>Rakhmaylov V.V.</i> COLONIZERS AND THE COLONIZED: THE PROBLEM OF SEPARATION	147
---	-----

Culturology

<i>Anuchin O.I.</i> SOCIAL AND CULTURAL FEATURES OF CHARITY SYSTEM IN THE MIDDLE VOLGA REGION (SECOND HALF OF XIX).....	151
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

Боровских О.С.
СЛОВО КАК ВЫРАЖЕНИЕ МЫСЛЕФОРМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ..... 10

Горецкая С.Д.
РАЗРАБОТКА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАРКОМАНИИ В УКРАИНСКИХ ПЕЧАТНЫХ МАСС-МЕДИА 12

Курсакова Е.И.
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ СЛОВАЦКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ МОДЕРНЫ..... 19

Петрова Е.Ю.
ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РОДНЫМ ЯЗЫКОМ..... 22

Полянская Н.В.
РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
В МЕХАНИЗМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА) 27

Юридические науки

Боровлев С.С.
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ» 29

Бурлачка А.О.
МЕРЫ СТРАХОВОГО НАДЗОРА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 32

Бурмагин С.В.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ 34

Мусин А.К.
ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕГ
ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ:
ПОНЯТИЕ И ПРИЧИНЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ЭТОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ..... 37

Симолян Р.З.
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ВИНУ
МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ 41

Соловьева Ю.И., Поспелов О.В.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРИБРЕТЕНИЯ СТАТУСА АДВОКАТА И ПОДГОТОВКИ К АДВОКАТУРЕ..... 44

Педагогические науки

Абсаямова Р.А., Емельянова С.Е.
КОММУНИКАТИВНО-ДИАЛОГОВАЯ МОДЕЛЬ
ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ..... 48

<i>Дегальцева В.А.</i> К ВОПРОСУ О МЕТОДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА	51
<i>Долгополова Л.В.</i> К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА	53
<i>Доценко А.И., Сальникова О.Д.</i> ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ	56
<i>Иванова С.М.</i> ПОВЫШЕНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ	58
<i>Ильиченкова З.В.</i> АКСИОМЫ – ЭТО ИНТЕРЕСНО?	60
<i>Карнаух Л.А.</i> ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В УСЛОВИЯХ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ	62
<i>Оразахынова Н.А.</i> ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ	65
<i>Острикова Е.А.</i> ПРОЕКТИРОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА	67
<i>Прохорова Е.А.</i> ПОДГОТОВКА МЕНЕДЖЕРОВ В ВУЗАХ В АСПЕКТЕ ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ТРЕБОВАНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ	69
<i>Рубан Д.А.</i> ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ АСПЕКТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»	71
<i>Сайдазимова Д.Х.</i> ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	74
<i>Серегина О.С.</i> К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КОНСПЕКТОВ И ОСНОВНЫХ КРИТЕРИЯХ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ	76
<i>Тошпулатова М.И.</i> МЕТОДИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ	78
<i>Черная Н.А., Черная М.Д.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ДИАЛОГА НА ЗАНЯТИЯХ В ВЫСШЕЙ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛАХ	81
<i>Шепеленко С.Н.</i> СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОБЛЕМУ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ И КАРЬЕРНОМУ САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ	84

Медицинские науки

<i>Байтанаев А.О.</i> КОРРЕКТИРОВКА СХЕМЫ ЛАНДШАФТНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ КАЗАХСТАНА ПО КОНГО-КРЫМСКОЙ ГЕМОРРАГИЧЕСКОЙ ЛИХОРАДКЕ	88
---	----

<i>Диденко Н.М., Стефаниди А.В., Духовникова И.М.</i> ОККЛЮЗИОННЫЕ НАРУШЕНИЯ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЫШЕЧНО-ФАСЦИАЛЬНЫХ ГОЛОВНЫХ БОЛЕЙ	93
<i>Жаксылыкова А.К., Алмабаев Б.А., Ткаченко Н.Л., Идрисов А.А., Абильдаев Д.А.</i> СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ В ПАРЕНХИМАТОЗНЫХ ОРГАНАХ ПРИ ЭКЗОТОКСИКОЗЕ.....	97
<i>Петунина Е.С., Кашикарров Р.С., Янпольский А.С., Степанян Л.В.</i> ЭМБОЛИЗАЦИЯ МАТОЧНЫХ АРТЕРИЙ В ЛЕЧЕНИИ МИОМЫ МАТКИ.....	100

Искусствоведение

<i>Бакушкина Е.С.</i> ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ	104
<i>Мухаев Р.А.</i> «ТОТАЛЬНЫЙ ТЕАТР» И ЕВРОПЕЙСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	107
<i>Политов С.И., Политов Я.С., Айбазова М.Ю.</i> МЕАНДР И ВСЕЛЕННАЯ.....	112

Психологические науки

<i>Бакушкина И.А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЯ В РАБОЧЕМ КОЛЛЕКТИВЕ	116
<i>Басов Д.А.</i> СЕМАНТИКА ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ ЛИЧНОСТИ МАНИПУЛЯТОРА И ЕГО ЖЕРТВЫ	118
<i>Боровских Л.А.</i> ЯЗЫК КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА	123
<i>Дметерко Н.В.</i> ПРОБЛЕМА РЕФЛЕКСИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПСИХОДИНАМИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ.....	127
<i>Козлова Н.С., Сушков И.Р.</i> ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ НА СПЕЦИФИКУ ЕЕ АКТИВНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ	131
<i>Назарова Е.С., Шалаева Н.Ю.</i> ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОЦЕНКЕ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ	135
<i>Свиридов А.К.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ПРАВА	138
<i>Сумарокова В.А., Журавлева Л.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ДОВЕРИЯ ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ОКРУЖАЮЩИМИ	141
<i>Шахова И.С.</i> ГРАЖДАНСКИЕ УСТАНОВКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОБЩЕГО УРОВНЯ СМЫСЛОВОГО РАЗВИТИЯ СОЛДАТ ПО ПРИЗЫВУ	144

Социологические науки

<i>Рахмайлов В.В.</i> КОЛОНИЗАТОРЫ И КОЛОНИЗИРУЕМЫЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СЕПАРАЦИИ	147
---	-----

Культурология

<i>Анучин О.И.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА).....	151
---	-----

Philological sciences
Филологические науки

УДК 37.033

СЛОВО КАК ВЫРАЖЕНИЕ МЫСЛЕФОРМ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

О.С. Боровских, ассистент кафедры языкознания и славянских языков
Кемеровский государственный университет (Кемерово), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы формирования экологического сознания в современном обществе, описывается механизм работы мыслеформ и их выражение посредством слова.*

***Ключевые слова:** экологическое сознание, мысль, мыслеформа, язык, слово.*

Введение

В условиях развития современного общества особо остро стал вопрос о формировании экологического сознания. Экологическое сознание – это отражение в общественном сознании взаимодействия человека как существа социального с окружающей его природной средой, предпосылкой которого является знание объективных закономерностей самой природы. Взаимодействие человека и природы до последнего времени было направлено на познание окружающего мира с целью его адаптации к себе (потребительское отношение). Однако, еще в 30-е годы XX века знаменитый русский ученый В.И. Вернадский высказывал идею бережного отношения к природе, к земле, к человеку. Он говорил о сознательном характере социальных поступков. Здесь имеется в виду не просто любое осознанное действие, но осознание необходимости единения человечества на базе научного прогресса с миром природы, единение в планетарном масштабе, которое позволит повысить уровень духовности социума и перейти в новую глобально-информационную эру.

Для гармонизации отношений человека с природой, необходимо изменить нравственное сознание самого человека, его духовную природу. И начинать необходимо с головы, точнее, с мысли человека. Уже научно подтверждено, что мысли способны формировать события. Мысли человека и его сознание – важнейший фактор мироустройства, они определяют его бытие и состояние общества.

1. Мысль как творческая сила преобразования

Человек способен силой мысли как творить, так и разрушать. Об этой способности мысли было известно в древности. Платон еще в IV в. до н.э. говорил: «Мысли правят миром». По пути исследования возможностей разума и способности мыслеформ воплощаться в дела и события шли многие западные просветители и естествоиспытатели, среди которых Д. Карнеги, Р. Хаббард, Л. Хейли, В. Вульф, Э. Холмс. В своей книге «Созидательный разум и успех» Эрнст Холмс писал: «Мы погружены в ауру, образуемую нашим мышлением. Эта аура – следствие всего нами сказанного, подуманного или сделанного. Она определяет, что должно произойти в нашей жизни. Она привлекает к себе похожее и отталкивает чужое. Когда мы поймем этот закон, то единственное, что нужно будет сделать, сознательно воплощать то, что мы хотим. ...Если мы будем думать о себе как о бедных и несчастных, закону ничего не останется, как сделать нас такими. Закон и не мог действовать иначе. Все, что мы думаем – это чертеж, а разум – его строитель».

В большей массе люди думают негативными категориями. Они более склонны осуждать, грозиться, ссориться. Но поскольку мысль как энергия духовного плана, согласно эзотерическим учениям и современной торсионной теории, не может быть уничтожена, то можно предполагать, что все злые мысли и угрозы, эмоции ненависти, вражды и зависти притягиваются по закону «подобное к подобному», объединяются в огромные энергоформы, взаимно усиливаются, а затем обрушиваются на человечество в виде войн, всевозможных стихий, преступности, эпидемий и болезней. Человечество, само того не ведая, накапливает вокруг поверхности Земли тяжелые отрицательные энергии, создаваемые нашими негативными поступками, помыслами, эмоциями.

В этой связи остро встает вопрос об экологии сознания людей как факторе выживания земной цивилизации. Очень важно следить за тем, о чем мы думаем. Необходимо, чтобы мысли были положительными, конструктивными, подкреплялись верой в их исполнение. Именно в изменении мыслей на позитивную направленность видится путь сохранения жизни.

2. Язык как выражение мыслеформ экологического сознания

Экологическое сознание находит свое выражение в языке. Язык пронизывает все структуры бытия и сознания, отражает и выражает общественное сознание, что в свою очередь является отражением общественного бытия. Язык – органическая способность сознания, связанная со всеми его структурами, с психикой, бессозна-

тельным. Через язык сознание связывается с культурой, а культура влияет на сознание через язык. На сегодняшний день исследование роли языка в познании и общении считается одним из самых продуктивных подходов, дающих достаточно полное представление о его природе. Язык находится под влиянием общества, и его законов развития, но, в то же самое время, и сам оказывает влияние на общество, схематизирует, отражает реальность.

Слово является важнейшей единицей языка. Основная функция слова – номинативная, она служит для именования предметов, их качеств и характеристик, их взаимодействий, а также именования мнимых и отвлеченных понятий, создаваемых человеческим воображением. Слово как главная номинативная единица языка во многих случаях представляет собой некую ссылку на объект или явление как элемент реальной действительности, связующее звено между объектом или явлением и мыслью о нем, что делает слово центром субъектно-объектного бытия вещи. Если существующий в социальной реальности объект не имеет наименования, то он к нему стремится; если же, наоборот, в сознании носителей какого-либо языка есть мысль об объекте и существует некое потенциальное имя для этого объекта, то при воплощении этого проекта элемент переходит из субъективного мира в объективный. Таким образом, именование и проектирование являют собой два условных противоположных друг другу процесса, которые через слово как главную единицу языка связывают мир человеческого сознания и социальную реальность.

Однако, слово – это не просто репрезентант вещи или явления. Слово – это символ, который несет в себе увеличенный запас энергии. Эта энергия накапливается поколениями людей. Слова сопровождают нас от рождения до смерти. О могущественной силе слова известно с древних времен. «Раньше слова считались чем-то магическим, священными звуками, тесно связанными с вещами, которые они обозначают» (Джордж Джонсон «Во дворцах воспоминаний»). Большинство людей не задумываются о силе и качестве сказанных слов. Есть такая поговорка: «Не бросай слов на ветер». Произнесенное слово становится обязательным для исполнения, становится нашей реальностью. Слова всемогущи. Способность языка оказывать влияние на общество и социальную реальность объясняется силой воздействия, которое вызывает слово при своем произнесении. Когда слово произносится, оно обязательно влечет за собой действие.

Заключение

Таким образом, слова выражают мысли человека, это мост между сознанием человека и реальностью, в которой мы находимся. Необходимо очень ответственно относиться к тем мыслям, которые мы думаем, к тем словам, которыми мы их выражаем, к интонации, с которой мы эти слова произносим. Слова обладают силой окрылять человека, стимулировать на подвиги. Словом можно убить, и словом можно спасти. Это высказывание относится не только к другим людям, но и к самому себе. Какими мыслями человек думает о себе, какими словами выражает эти мысли, такова и будет его жизнь. А из жизней каждого отдельно взятого человека складывается жизнь семьи, города, страны, и человечества в целом. Если сознание человека экологично, позитивно, направлено на всеобщее благо, то и слова всегда будут нести созидательное, позитивное действие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова, Е. В. Экологическое сознание и эколингвистика / Е. В. Иванова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск : ООО Элит-Печать», 2012. – № 7. – С. 248–258.
2. Медведев, В. И., Алдашева, А. А. Экологическое сознание : учебное пособие / В. И. Медведев, А. А. Алдашева ; изд. Второе, доп. – М. : Логос, 2001. 384 с.
3. Ульянова, Н. В. Экологическое сознание и экологическая культура. Проблемы и перспективы / Н. В. Ульянова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2007. – № 6. – С. 57–61.
4. Хряпченкова, О. С. Язык и экологическое сознание: практическое исследование / О. С. Хряпченкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия, социология, право. – 2013. – № 2 (145) Выпуск 23. – С. 264–276. (1 п.л.)

Материал поступил в редакцию 27.09.14.

WORD AS AN EXPRESSION OF THOUGHT FORMS OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS

O.S. Borovskikh, Teaching Assistant Lecturer of Linguistics and Slavic Languages Department
Kemerovo State University (Kemerovo), Russia

***Abstract.** This article discusses the formation of ecological consciousness in modern society and describes the mechanism of thought forms activity and expression of them through words.*

***Keywords:** environmental consciousness thought, thought form language, word.*

УДК 80

РАЗРАБОТКА КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НАРКОМАНИИ В УКРАИНСКИХ ПЕЧАТНЫХ МАСС-МЕДИА

С.Д. Горецкая, аспирант кафедры языка и стилистики

Институт журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченка (Киев), Украина

***Аннотация.** В статье приведены результаты исследования разработки коммуникативных стратегий освещения проблемы наркомании в украинских печатных масс-медиа, предложена новая методика анализа журналистских материалов с использованием адаптированной методики SWOT-анализа. Также был приведен пример использования этой методики и разработки коммуникативной стратегии на примере подборки материалов по проблеме наркомании издания «День» за период 2005–2013 годов.*

***Ключевые слова:** наркомания, печатные масс-медиа, средства массовой коммуникации, коммуникативные стратегии, SWOT-анализ, адаптированная методика.*

Постановка проблемы. Сегодня проблема наркомании остается одной из актуальных для современного государства, потому что, наркозависимыми в основной массе являются молодые люди, а это будущее страны. Масштабы проблемы наркомании очень велики и их невозможно переоценить. Сегодня эта проблема вышла на один уровень с такими проблемами, как война, финансовый кризис, терроризм и коррупция. СМИ, в том числе и печатные издания, сегодня являются самым важным каналом информации для населения страны, который может повлиять на отношение аудитории к наркотикам и их распространению.

Поэтому, разработка коммуникативных стратегий борьбы с наркоманией и влияние на оценку аудиторией опасности наркотиков с помощью печатных СМИ, сегодня является очень актуальным направлением исследования для журналистики Украины.

Исследования последних публикаций. Анализ последних публикаций свидетельствует о том, что проблема наркомании рассматривается в исследованиях как отечественных, так и зарубежных ученых. В частности, вопросом социологических исследований наркомании занимаются такие исследователи как М. Н. Гернет, А. Е. Личко, А. А. Реджепов, В. Н. Михлин, Е. А. Дюбин, А. В. Козаченко, Н. О. Мирошниченко и другие, вопросам освещения проблемы наркомании в масс-медиа занимались такие исследователи как А. И. Сербина, Л. М. Рыбакова, Т. А. Андреева, А. В. Довбах, Л. С. Красовский, Д. А. Головченко. Проблемами коммуникативных стратегий освещения социальных проблем занимаются В. В. Мясник [10], Л.В. Завгородняя [4], А. Я. Гойхман, Т. М. Надеина [2], Е. В. Клюев [7], Ф. С. Бачевич [1], В. Б. Кашкин [6], А. Иссерс [5], М. Гусар, Т. Ван Дейк, В. Кинч [3] и другие.

Постановка задачи. Целью научной статьи является разработка коммуникативных стратегий освещения проблемы наркомании в украинских печатных масс-медиа.

Изложение основного материала. Средства массовой коммуникации (СМК) играют в информационной грамотности населения очень большую роль. Это связано с тем, что СМК являются мощным средством воздействия на общество, и позиция журналистов по поводу актуальных социальных проблем во многом определяет отношение общества к этим проблемам; и от того, насколько подробно и в каком ключе освещается та или иная тема в СМК зависит мнение общества по этому вопросу. К тому же, СМК в поисках сенсационного материала освещает наиболее актуальные темы, которые волнуют общество и привлекают к себе общественное сознание [1].

На данный момент очень остро перед журналистской наукой стоит задача выявления наиболее продуктивных коммуникативных стратегий и тактик, коммуникативных технологий, которые могли бы активно использоваться в борьбе с наркоманией, способствуя решению познавательных, образовательных, воспитательных, организационно-управленческих задач в обществе.

Создание и внедрение коммуникативной стратегии невозможно без стратегического замысла, который определяет применение набора коммуникативных тактик и необходимых коммуникативных средств и технологий.

На данный момент в журналистике еще не очень исследован вопрос разработки коммуникативных стратегий по решению различных вопросов и освещению их в СМИ. Но использование стратегического анализа очень популярно в других науках и дисциплинах, например, в политике, филологии, планировании, маркетинге.

Особенно разработкой стратегий, в том числе и коммуникативных, занимается такая наука как маркетинг.

Хотелось бы отметить, что для анализа среды объекта и его потенциала очень эффективным является использование SWOT-анализа.

Проведение стратегического анализа на основе данного метода предполагает следующую последовательность шагов:

Шаг 1: определение объекта SWOT-анализа.

Шаг 2: анализ внутренней среды и деятельности объекта на предмет выявления его сильных и слабых сторон.

Шаг 3: анализ внешней микро- и макросреды с целью выявления возможностей и угроз для объекта исследования.

Шаг 4: сравнительный анализ объекта на основе качественных и (или) количественных оценок.

Шаг 5: определение основных стратегических направлений и разработка рекомендаций для их практической реализации.

Логическая схема SWOT-анализа приведена на рисунке 1.

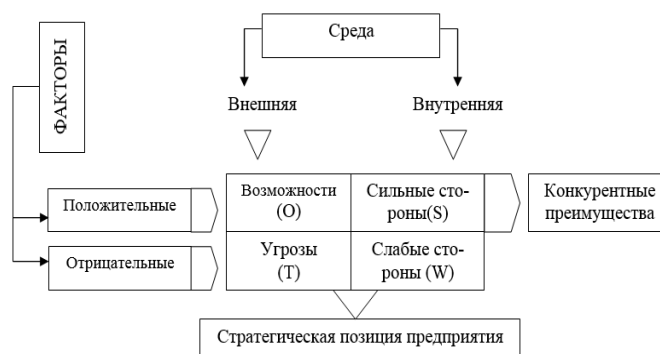


Рисунок 1. Логическая схема SWOT-анализа [2]

Основой метода SWOT-анализа является исследование двух подмножеств факторов, которые позволяют составить представление о ситуации во внешней среде объекта и его внутренней среде.

Если адаптировать маркетинговую методологию SWOT-анализа для журналистики, то на основе приведенной ниже адаптированной методики анализа можно анализировать тексты на разные тематики, или комплекс текстов какого-то издания, чтобы затем на основе этого анализа разрабатывать коммуникативные стратегии для усовершенствования освещения проблематики и повышения ее эффективности.

Рассмотрим адаптированную методику SWOT-анализа для журналистики.

Анализ можно проводить как на уровне одной публикации, так и на других уровнях, вплоть до уровня издания.

Таким образом, выделим уровни SWOT-анализа, на которых можно его проводить:

- низший уровень – уровень одной публикации;
- средний уровень – уровень комплекса публикаций (например, публикаций на одну тему, одного автора);
- высокий уровень – уровень комплекса публикаций на уровне издания (например, публикаций издания «День» по проблематике наркомании).

Как правило, каждая публикация, или комплекс публикаций имеют определенные преимущества и наделены недостатками. SWOT-анализ (strength, weaknesses, opportunities and threats) – позволяет выявить те сильные и слабые стороны, которые требуют наибольшего внимания и усилий со стороны журналиста. Перед началом SWOT-анализа комплексно сосредотачиваются на возможных угрозах (трудностях изложенной проблемы) и возможностях, стоящих перед журналистом при раскрытии того или иного материала. После этого следует выяснить, какие угрозы (трудности) являются наиболее вероятными и какие риски они способны вызвать при подаче материала. Именно они требуют наибольшего внимания и концентрации усилий с целью их устранения.

Оценивая возможности, следует взвесить их потенциальную привлекательность и вероятность их реализации, а также те, запланированные достижения, которые могут превзойти вероятные потери в результате реализации возможностей. Иногда возможности несут в себе как большую привлекательность, так и большой риск. В зависимости от ситуации один и тот же фактор способен быть как угрозой, так и возможностью.

Целью SWOT-анализа не является выявление всех сильных и слабых сторон, это слишком сложно и не обеспечивает достижения эффективности. Журналист должен сосредоточиться на тех из них, которые могут стать ключевыми факторами успеха или провала, а слишком широкий перечень нивелирует то, что является самым важным.

Итак, рассмотрим процесс анализа сильных и слабых сторон, шансов и угроз.

Процесс такого анализа охватывает три этапа:

- идентификацию сильных и слабых сторон;
- идентификацию шансов и угроз, отображение их с точки зрения слабых и сильных сторон публикации;
- оценивание на основе трехбальной шкалы уровня слабости или силы, шанса или угрозы для конкретной публикации (или комплекса публикаций, в зависимости от уровня анализа).

Оценивание проводится на основе, так называемых, экспертных оценок. Экспертом, в данном случае, может быть, как сам журналист, так и другие эксперты. Их может быть не один, а несколько. Полученные таким образом оценки, затем усредняются.

Дальнейшие примеры анализа будем проводить на высоком уровне – на уровне комплекса публикаций антинаркотической направленности издания «День» за период 2005–2013 гг.

Схема анализа приведена на рис. 2.

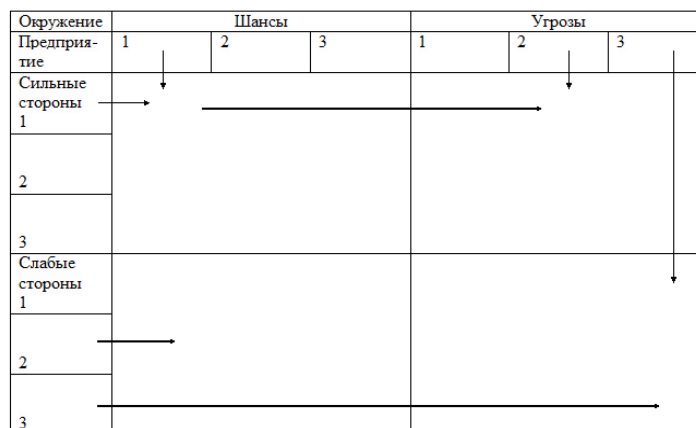


Рисунок 2. Анализ шансов и угроз, сильных и слабых сторон.

Идентификация сильных и слабых сторон публикации заключается в оценивании отдельных ее элементов. Для адекватного отражения ситуации такой анализ должен использовать данные предварительного анализа – анализа жанровых особенностей, смыслового наполнения публикаций, количества раз повторения некоторых слов, лексические и стилистические средства, рекламные или антирекламные средства и другое.

В поиске сильных и слабых сторон можно использовать определенную систему критериев (таблица 1).

Таблица 1

Поиск сильных и слабых сторон публикаций

Критерий	Слабые стороны (значения)			Сильные стороны (значения)		
	большое	среднее	малое	большое	среднее	малое
Заголовки публикаций	+					
Композиция публикаций		+				
Использование ключевых слов в текстах			+			
Учет психологии аудитории				+		
Использование рекламных средств					+	
Четкость позиции авторов публикаций						+
Логическая последовательность изложения информации	+					
Изложение четкого и реально возможного решения проблемы		+				
Использование новых методов, приемов, технологий			+			
Стилистические особенности публикаций				+		

Изложенные критерии не являются жестко закрепленными, более того, они должны меняться в зависимости от направленности и специфики публикаций, или они должны охватывать все возможные особенности и признаки публикаций на ту или иную тему, для того или иного издания и учитывать требования, которые предъявляются к этим публикациям.

Проведем анализ сильных и слабых сторон публикаций на антинаркотическую тематику издания «День» за период 2005–2013 гг.

Полученные после анализа данные с оценками занесем в таблицу 2.

Таблица 2

Поиск сильных и слабых сторон публикаций на антинаркотическую тематику издания «День» за период 2005-2013гг.

Критерий	Слабые стороны (значения)			Сильные стороны (значения)		
	большое	среднее	малое	большое	среднее	малое
1. Заголовки публикаций	+					
2. Композиция публикаций		+				
3. Использование ключевых слов в текстах					+	
4. Учет психологии аудитории	+					
5. Использование рекламных средств					+	
6. Четкость позиции авторов публикаций	+					
7. Логическая последовательность изложения информации				+		
8. Изложение четкого и реально возможного решения проблемы		+				
9. Использование новых методов, приемов, технологий					+	
10. Стилистические особенности публикаций					+	
11. Жанровые особенности публикаций		+				
12. Количество публикаций						+

Таким образом, по таблице 2 видно, что публикации имеют 6 слабых сторон и 6 сильных сторон. Аналогично используется анализ возможностей и угроз (трудностей), пример которого приведен в таблице 3.

Таблица 3

Поиск возможностей и трудностей (угроз) публикаций на антинаркотическую тематику издания «День» за период 2005–2013 гг.

Критерий	Трудности, угрозы (значения)			Возможности (значения)		
	большое	среднее	малое	большое	среднее	малое
1. Влияние на количество наркоманов				+		
2. Влияние на работу медицинских институтов				+		
3. Влияние на работу социальных институтов				+		
4. Влияние на работу государственных органов		+				
5. Влияние на правовую базу страны		+				
6. Влияние на работу правоохранительных органов		+				
7. Влияние на работу церковных организаций			+			
8. Влияние на работу международных организаций		+				
9. Влияние на работу отечественных СМИ					+	
10. Влияние на работу международных СМИ		+				
11. Влияние на рекламу					+	
12. Влияние на общественное мнение и общественные отношения				+		

Изложенные критерии также не являются жестко закрепленными, и также, они должны меняться в зависимости от направленности и специфики публикаций, или они должны охватывать все возможные особенности и признаки публикаций на ту или иную тему, для того или иного издания и учитывать требования, которые выставляются к этим публикациям.

Таким образом, по таблице 3 видно, что публикации имеют 6 возможностей и 6 трудностей.

Теперь, на основе построенных таблиц составляется SWOT-матрица, на основе которой строится коммуникативная стратегия.

В таблице 4 приведена построенная SWOT-матрица для публикаций на антинаркотическую тематику издания «День» за период 2005–2013 гг. Таким образом, в ячейки матрицы записываются ранее выделенные слабые и сильные стороны, трудности и возможности, а на перекрестии записываются результаты влияния слабых и сильных сторон на трудности и возможности издания, и дальнейшие рекомендации, или разработка стратегических направлений коммуникативной стратегии.

По таблице 4 видно, что результаты влияния сторон объединены в один или два стратегических направления, но работа над слабыми сторонами и поддержанием сильных сторон предполагается по каждому из факторов подробно.

Анализ клеток матрицы и комбинирование факторов из подмножеств возможностей и угроз с элементами подмножеств слабых и сильных сторон позволяет сформулировать четыре общих стратегии (рис. 3).

Стратегия «макси-макси»: публикации имеют больше сильных сторон, чем слабых, и открываются новые возможности при практическом отсутствии угроз. То есть уровень публикаций очень высок и необходимо лишь поддержание достигнутого уровня, проведение необходимых мероприятий по ликвидации несущественных слабых сторон и использованию новых приемов и мероприятий при освещении различных проблем и тематик. Благоприятная ситуация позволяет расширить спектр тем, проблем для повышения популярности и имиджа издания.

Стратегия «мини-макси»: не смотря на преимущества слабых сторон, публикации имеют больше возможностей, чем угроз, что открывает для них возможность после работы над ликвидацией и серьезной работой над слабыми сторонами значительно повлиять на общественное мнение, действия различных служб и организаций, а как следствие поднять имидж и популярность издания.

Таблица 4

SWOT-матрица для публикаций на антинаркотическую тематику издания «День» за период 2005-2013 гг.

SWOT-матрица	Возможности:	Трудности:
	1. Влияние на количество наркоманов – 3 балла	1. Влияние на работу государственных органов – 2 балла
	2. Влияние на работу медицинских институтов – 3 балла	2. Влияние на правовую базу страны – 2 балла
	3. Влияние на работу социальных институтов – 3 балла	3. Влияние на работу правоохранительных органов – 2 балла
	4. Влияние на работу отечественных СМИ – 2 балла	4. Влияние на работу церковных организаций – 1 балл
	5. Влияние на рекламу – 2 балла	5. Влияние на работу международных организаций – 2 балла
	6. Влияние на общественное мнение и общественные отношения – 3 балла	6. Влияние на работу международных СМИ – 2 балла
	Средняя оценка – 2,67 балла	Средняя оценка – 1,83 балла

<p>Сильные стороны:</p> <p>1. Использование ключевых слов в текстах – 2 балла</p> <p>2. Использование рекламных средств – 2 балла</p> <p>3. Логическая последовательность изложения информации – 3 балла</p> <p>4. Использование новых методов, приемов, технологий – 2 балла</p> <p>5. Стилистические особенности публикаций – 2 балла</p> <p>6. Количество публикаций – 1 балл</p> <p>Средняя оценка – 2 балла</p>	<p>Все перечисленные сильные стороны публикаций напрямую, каждая по-своему, влияют на количество наркоманов, общественное мнение и работу различных институтов</p>	<p>К сожалению, сегодня публикации на тему наркомании мало чем могут повлиять на работу государственных органов и вышеперечисленных организаций и служб, а также на изменение правовой базы страны, но можно предложить новые приемы и технологии для преодоления этих трудностей</p>
<p>Слабые стороны:</p> <p>1. Заголовки публикаций – 3 балла</p> <p>2. Композиция публикаций – 2 балла</p> <p>3. Учет психологии аудитории – 3 балла</p> <p>4. Четкость позиции авторов публикаций – 3 балла</p> <p>5. Изложение четкого и реально возможного решения проблемы – 2 балла</p> <p>6. Жанровые особенности публикаций – 2 балла</p> <p>Средняя оценка – 2,5 балла</p>	<p>Все слабые стороны не являются факторами влияния на количество наркоманов, общественное мнение и работу различных институтов, потому что они недостаточно продуманы, разработаны и проработаны.</p>	

Стратегия «макси-мини»: хотя ситуация характеризуется преобладанием сильных сторон, но угрозы и трудности не дают публикациям значительно повлиять на внешнюю среду по причинам, которые на данный момент не зависят от издания или проблематики публикаций, поэтому предлагается стратегия дальнейшей работы над слабыми сторонами, разработкой новых проблем и тем, состояние ожидания изменения ситуации снаружи.

Внутренние факторы	Сильные стороны	Слабые стороны
Внешние факторы	Слабые стороны	Сильные стороны
Возможности	Стратегия Макси – Макси	Стратегия Мини – Макси
Угрозы	Стратегия Макси – Мини	Стратегия Мини – Мини

Рисунок 3. Стратегические рекомендации при SWOT-анализе

Стратегия «мини-мини»: работа выполнена недостаточно солидно и качественно, поэтому слабых сторон больше чем сильных, к тому же такой уровень публикаций и издания не может существенно повлиять на внешнюю среду, поэтому предлагается стратегия серьезных, кардинальных изменений в кадрах, методах работы и поиска новых проблем, тематики, формата и постепенного поднятия имиджа, и популярности издания с очень низкого хотя бы на средний.

Приведенная градация стратегий очень адаптирована под тему исследования, но ее очень просто потом адаптировать под другие исследования по аналогии.

Таким образом, после определения средней оценки каждого фактора для выбора стратегии необходимо рассчитать значения интегральных показателей четырех парных комбинаций:

1. Сильные стороны и возможности.
2. Сильные стороны и угрозы.
3. Слабые стороны и возможности.
4. Слабые стороны и угрозы.

Интегральный показатель (ИП) каждой комбинации выявленных факторов представляет собой произведение средних оценок показателей, которые сравниваются. Для примера, рассматриваемые значения интегральных показателей в баллах составили:

$$1. ИП_{CB} = 2,00 * 2,67 = 5,34.$$

$$2. ИП_{CV} = 2,00 * 1,83 = 3,66.$$

$$3. ИП_{СЛВ} = 2,50 * 2,67 = 6,68.$$

$$4. ИП_{СЛУ} = 2,50 * 1,83 = 4,58.$$

Расчеты показали, что для исследования в соответствии с рекомендациями по рис. 3, наиболее приемлемой является стратегия «Мини-Макси», для которой значение интегрального показателя оказалось самым большим и составило 6,68 балла.

То есть, это значит, что несмотря на преимущества слабых сторон, публикации имеют больше возможностей, чем угроз, что открывает для них возможность после работы над ликвидацией и серьезной работой над слабыми сторонами значительно повлиять на общественное мнение, действия различных служб и организаций, а как следствие поднять имидж и популярность издания.

Это очень хорошо, потому что вторичной цели исследования – повлиять на общественное мнение по теме наркомания, ничего не мешает, и основной проблемой является только недостаточный уровень журналистского профессионализма, что не является нерешимой проблемой.

Таким образом, основную коммуникативную стратегию по изданию «День» для комплекса публикаций по теме наркомании возможно сформулировать по следующим стратегическим направлениям:

1. Работа над качеством журналистского материала:
 - более подробная и внимательная работа над заголовками публикаций;
 - более подробная и внимательная работа над композицией публикаций;
 - учет психологического фактора при подготовке материалов по проблеме наркомании;
 - четче определять позицию авторов публикации относительно проблематики наркомании;
 - изложение более четкого, реального и возможного для обычного человека решения проблемы наркомании (для этого еще необходимо продумать направления помощи со стороны различных организаций и служб страны);
 - пересмотреть и усовершенствовать жанры, в которых предлагается освещение проблемы наркомании на страницах издания;
2. Работа над сотрудничеством издания по проблеме наркомании с различными организациями и службами страны:
 - медицинскими службами;
 - социальными и социологическими;
 - правоохранительными и государственными органами;
 - церковными организациями;
3. Работа над сотрудничеством с международными организациями;
4. Работа над сотрудничеством с рекламодателями.

Полученную от организаций, служб и рекламодателей информацию и помощь необходимо правильно с точки зрения журналистской компетентности подавать в публикациях по теме исследования, как реальные и надежные меры по борьбе с проблемой наркомании.

Таким образом, используя адаптированную методику SWOT-анализа журналистских публикаций можно разработать адекватную и эффективную коммуникативную стратегию по освещению проблем наркомании на страницах СМИ.

Кроме определения основной коммуникационной стратегии SWOT-анализ подсказывает ответы на стратегические вопросы: какие сильные стороны публикаций следует поддерживать и развивать для повышения эффективности информации и популярности издания; от которых слабых сторон необходимо избавиться в первую очередь, использование каких возможностей способно принести быструю выгоду и эффект; от каких угроз следует немедленно защищаться и учитывать их.

Выводы и предложения.

В целом исследование посвящено коммуникативным стратегиям освещения проблемы наркомании в прессе, но в статье лишь кратко показана адаптированная методика SWOT-анализа журналистских материалов и разработка коммуникативной стратегии на примере материалов по проблематике наркомании издания «День» за период 2005–2013 годов. Работа над журналистским материалом – это задача самого журналиста, его руководства и всей науки журналистики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацевич, Ф. С. Основы коммуникативной лингвистики: Учебник. / Ф. С. Бацевич. – К. : Издательский центр «Академия», 2004. – 344 с.
2. Гойхман, О. Я. Речевая коммуникация / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. Под ред. Проф. О. Я. Гойхмана. Серия «Высшее образование». – М. : ИНФРА-М, 2003. – 272 с.
3. Дейк ван Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М. : Прогресс, 1998. – С. 153–211.
4. Завгородняя, Л. В. Автореф. Дис. Канд. Филол. Наук : 10.01.08 / Л. В. Завгородняя. – К. : КНУ, Институт журналистики, 2003. – С. 16.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М : ЛКИ. – 2008. – 288с.
6. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
7. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия : Учебное пособие для университетов и институтов / Е. В. Ключев. – М. : Рипол-классик, 2002. – 317 с.
8. Котлер, Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. / Ф. Котлер. – М. : 2007. – 656 с.
9. Маркетинг : Учебное пособие для подготовки к итоговому междисциплинарному экзамену профессиональной

подготовки маркетолога / Под общей ред. В. Э. Ланкина. – Таганрог : ТРТУ, 2006. – 241 с.

10. Ризун, В. В. Наброски к методологии исследований социальных коммуникаций [Электронный ресурс] // [Научная страница профессора Владимира Ризуна] / Институт журналистики : Электронные данные. – Киев, 2011. – Режим доступа : страница профессора Владимира Ризуна

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

DEVELOPMENT OF COMMUNICATION STRATEGIES OF THE DRUG PROBLEM COVERAGE AT UKRAINIAN PRINTED MASS MEDIA

S.D. Goretskaya, Postgraduate Student of Language and Stylistics Department
Institute of Journalism of Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv), Ukraine

***Abstract.** The article presents the results of the study of communication strategies development of presenting problems of drug addiction in Ukrainian printed media. The author proposed a new method of analysis of journalistic materials with the usage of adapted the methodology of SWOT-analysis. There was also made an example of using of this technique and the development of a communication strategy on the example of materials related to drug addiction of “Day” edition for the period 2005–2013 years.*

***Keywords:** addiction, printed media, mass media, communicative strategy, SWOT-analysis, adapted technique.*

УДК 821.162.4

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ СЛОВАЦКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ МОДЕРНЫ

Е.И. Курсакова, аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва), Россия

***Аннотация.** В предложенной работе рассматривается словацкое литературное движение межвоенного двадцатилетия – Католическая Модерна, – сформировавшееся под прямым влиянием реформации на рубеже XIX–XX веков. Католическое возрождение в европейских странах фактически активизировало деятельность христиански ориентированных авторов со всей Европы (в том числе опосредованно способствовало зарождению чешской и словацкой Католических Модерн), возродило древние литературные традиции христианской поэзии. Мы попытались определить ключевые литературные источники влияния на творчество поэтов-католиков. Актуальность данной работы продиктована, прежде всего, незначительным количеством литературоведческих исследований по предложенной теме как в самой Словацкой Республике, так и среди российских и зарубежных словакистов.*

***Ключевые слова:** Католический Модернизм, христианские традиции, католическая поэзия*

Параллельно с надреалистическими авангардными движениями в Словакии 30-х годов XX века появляется группа католически ориентированных поэтов, впоследствии получившая название Католическая Модерна (термин заимствован словаками из чешского литературоведения).

С 1932 г. Поэты-католики начали активную издательскую деятельность, однако движение осталось локальным литературным явлением, связанным с традиционными центрами католицизма в Словакии (Трнава, Спишска Капитула, Братислава, Ружомберок, Банска Быстрица). Условно поэтическое творчество авторов Католической Модерны делят на два периода: до 1945 (развитие поэзии на национальной почве, в словацком литературном контексте) и после 1945 года (большая часть представителей группы писала в эмиграции до 1989 года).

Само название «Католическая Модерна» имеет двойное значение: с одной стороны, оно указывает на религиозную ориентацию поэтов, с другой стороны – на литературные традиции Словацкой Модерны 1900–1918 гг. Стоит отметить, что в действительности большинство авторов этого литературного движения являлись католическими священнослужителями.

Основной целью своего творчества католически ориентированные мыслители провозгласили восстановление утраченной некогда связи человека с Богом, воплощение в жизнь принципов христианского гуманизма. В творчестве поэтов словацкой Католической Модерны можно вычлени две полярные тенденции: первая – сродни ранним средневековым представлениям (мир как юдоль греха и страдания), вторая – тенденция прославления мира Божьего как чуда Творения в духе святого Франциска Ассизского.

Католическая Модерна сформировалась под воздействием нескольких факторов, прямо или косвенно повлиявших на образование этого литературного движения на словацкой почве. Во-первых, это поэтическое течение в Чехии с одноименным названием – чешская Католическая Модерна, по аналогии с которой сформировалась и словацкая группа поэтов-католиков. Разница состоит лишь в том, что поэтическое движение в Чехии образовалось немного ранее – на переломе веков в конце 90-х гг. XIX века. Деятельность философов-католиков привнесла распад существующей философско-религиозной концепции мира. Христианско-ориентированная литература, парализованная этим распадом устоявшейся системы нравственных ценностей, предприняла попытку предотвратить «антипросвещенческие», рационалистские и либералистские настроения в обществе. С этой целью в чешской литературе рубежа веков появляются христианские идеи доктринальной ортодоксальности и соборности как абсолютного источника истины.

80-90-е гг. XIX века представляют собой возрождение католической философской мысли. В 1897 году Папа Лев XIII издает энциклику *Aeterni patris*, в которой он призывает изучать философско-богословские труды Фомы Аквинского, благодаря чему в среде творческой интеллигенции возрастает интерес к современной католической философии. В результате вышедшей в свет энциклики были актуализированы также сочинения по философии античного мыслителя Аристотеля.

Существующая на тот период чешская католически ориентированная литература до сих пор опиралась на фольклорные и морально-дидактические традиции Болеслава Яблонского, что само по себе не могло не вызывать у читающей публики ощущение художественного анахронизма в современной литературной жизни Чехии. В 1895 году выходит альманах «Под единым знаменем», главная цель которого – поднять католическую литературу на качественно новый уровень. В альманахе были опубликованы сочинения более чем 50 авторов, но основными инициаторами публикации являлись три священника: С. Боушка, К. Дворжак, К. Досталь-Лутинов.

Чешский философ и социолог Франтишек Крейчи назвал это движение поэтов и писателей Католической Модерной по аналогии с Чешской Модерной. Однако сами участники новой литературной группы от этого названия дистанцируются. Основной целью движения представители чешской Католической Модерны провозгласили сближение христианско-ориентированной литературы с современными литературными течениями и наполнение ее эстетической религиозностью (как это можно наблюдать в работах французского писателя, авто-

ра первого романа в стиле европейского декаданса «Наоборот» Дж. К. Гюисманса).

В творчестве авторов чешской Католической Модерны можно условно выделить две тенденции. Во-первых, это стремление соединить творческие достижения Модерны с новейшими литературными веяниями современной эпохи, в частности, с символизмом. Во-вторых, продолжение линии домашних традиций в национально-фольклорном стиле Франтишка Сушила. Это противоречие с самого начала снижало уровень литературно-критического подхода к творчеству чешских католиков-модернистов, в результате чего движение не сумело реализовать на практике всех поставленных художественных задач и осталось на окраине литературного процесса.

Помимо соседней чешской литературы на словацких поэтов огромное влияние оказало творчество французских католически ориентированных авторов (Верлен, Клодель, Бремонд, Маритэн и др.). Во второй волне словацкой Католической Модерны особым успехом пользовалось творчество одного из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века немецкого автора Р. М. Рильке.

Если в основе надреалистического авангардного движения лежали философские идеи одного из его лидеров и создателей Андре Бретона, то философской базой словацкой Католической Модерны можно с уверенностью назвать труды французского католического теолога, аббата Анри Бремона. Его книга «Молитва и поэзия» (1926) была переведена на словацкий язык поэтом-католиком первой волны П. Г. Глибиной лишь в 1943 году, когда активизировались силы католического движения в литературной словацкой среде. Помимо названного труда целый ряд книг Бремона вызывал неподдельный интерес у словацких поэтов Католической Модерны. Уже сами названия отдельных глав книги Бремона «Молитва и поэзия» свидетельствуют о том, какие литературные ориентиры были намечены автором: «К мистической философии поэзии», «Поэзия и мистика», «Поэтическое таинство», «Дух и душа», «Призрак поэзии», «Катарсис и магия стихов», «Поэт и мистик». Таким образом, непреодолимая тяга ко всему мистическому, тайному, призрачному, а также неподдельный интерес к душевным переживаниям человека, к магии поэтического слова – это необходимый «базис» поэтики и гносеологии отдельных представителей Католической Модерны.

Стоит отметить, что помимо религиозно-мистических трудов французского философа Анри Бремона поэтов-католиков вдохновляло творчество словацких символистов предшествующей генерации, а именно их поэтическое наследие религиозного содержания. Сюда относится творчество словацкого символиста, ярчайшего представителя Словацкой Модерны, Ивана Краско, также можно отметить поэзию неосимволиста Эмиля Болеслава Лукача. В отличие от надреалистов, интерес католиков к символизму имел аффирмативный характер. Объединяющим Католическую Модерну с группой надреалистов было лишь то, что оба литературных течения использовали приемы французского сюрреализма и чешского поэтизма, но существенным различием являлась цель обращения: в отличие от «религиозного спиритуализма» католиков у надреалистов главной поэтической задачей оставалась агитация революционных настроений.

Таким образом, можно выделить три основных литературных источника вдохновения словацких поэтов-католиков. На национальном уровне – это поэтическое наследие представителей Словацкой Модерны, главным образом, ее ключевой фигуры – Ивана Краско, в творчестве которого удачно переплетены импрессионистские и символистские приемы, а также религиозно-мистические стихи-откровения первого словацкого неосимволиста Э. Б. Лукача. Поэтической базой для словаков становятся сформировавшиеся на двадцать лет раньше традиции соседней чешской Католической Модерны. За философскую основу Модерны поэты-католики взяли труды французского мыслителя Анри Бремона, представителя так называемой «чистой христианской» линии поэзии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. Католический модернизм и кризис современного сознания / Н. Бердяев // Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии 1907–1909 гг. – СПб, 1910 г.
2. Воронцова, И. В. Основополагающие черты христианского модернизма (конец XIX – начало XX в.) / И. В. Воронцова // Вопросы философии. – 2010. – № 10.
3. История литератур западных и южных славян. – Т. 3, М, 2001.
4. Мень, А. Модернизм католический и библистика / А. Мень // Библиологический словарь. Словарь оп. В трех томах фондом Меня. – СПб., 2002.
5. Троицкий, С. В. Что такое модернизм. Энциклика Пия X Pascendi dominici gregis и ее значения / С. В. Троицкий. – СПб., 1908.
6. Sedlák, I. Dejiny slovenskej literatúry II. / I. Sedlák a kol. – Matica Slovenská. – Martin. –2009.
7. Poézia slovenskej Katolickej Moderny. Knižnica slovenskej literatúry. – Bratislava, 2008.
8. Putna, M. C. česká katolícká literatúra v evropskom kontextu 1948–1918 / M. C. Putna. – Torst, 1998.
9. Tomčík, M. Symbolizmus v poprevratovej poézii / M. Tomčík // Dejiny slovenskej literatúry V. Literatúra v rokoch 1918–1945. – Bratislava, 1948.

Материал поступил в редакцию 26.09.14.

LITERARY ORIGINS OF THE SLOVAK CATHOLIC MODERNISM

E.I. Kursakova, Postgraduate Student
Lomonosov Moscow State University (Moscow), Russia

***Abstract.** The paper considers the Slovak literary movement of the 20 years period between the wars i.e. Catholic Modernity that was formed under the direct influence of the reformation on the boarders of XIX–XX centuries. Catholic revival in Europe actually intensified the activities of Christian oriented authors from all over Europe (besides it indirectly contributed to the birth of the Czech and Slovak Catholic Modernism), and it revived the ancient literary tradition of Christian poetry. The authors have attempted to identify the key literary sources of influence on the works of Catholic poets. The relevance of this work is dictated primarily by small number of literary studies on the proposed topic both in the Slovak Republic, as well as among Russian and foreign specialists in Slovak literature.*

***Keywords:** Catholic Modernism, Christian traditions, Catholic poetry.*

УДК 811.111+811.161.1

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА НА УРОВЕНЬ ВЛАДЕНИЯ РОДНЫМ ЯЗЫКОМ

Е.Ю. Петрова, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков Департамента иностранных языков
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), Россия

***Аннотация.** Центральной темой данной статьи является понятие обратного переноса (влияние иностранного языка на родной). Во-первых, описываются процессы, к которым приводит обратный перенос. Во-вторых, объясняются причины, почему происходят данные изменения. В-третьих, приводится классификация видов обратного переноса. Помимо этого, рассматриваются изменения в восприятии мира под влиянием изучения иностранного языка.*

***Ключевые слова:** обратный перенос, иностранный язык, родной язык, влияние языка, владение языком*

Исследование контактов языков, в целом, сводилось к исследованию степени переноса из одного языка в другой. Основной темой таких работ являлось рассмотрение положительного (переноса) или негативного влияния (интерференции) родного языка на изучение иностранного. Исследование переноса из одного языка в другой начались еще в 50-е гг. XX в. С работы ученого Э. Хогена (Einar Haugen) «The Analysis of Linguistic Borrowing and Problems of Bilingualism». Исследования переноса затрагивали все сферы языка: фонологию, морфологию, синтаксис и дискурс как при восприятии речи, так и при ее производстве. Однако обратный перенос – влияние иностранного языка на родной – исследовался мало. В последнее время интерес к нему возрос, и ученые изучают его с целью выяснить его важность и влияние на общество, культуру и образовательную систему.

Влияние языков друг на друга приводит к 1) “заимствованиям (лексическим) (borrowings), 2) потере языка (language loss) и 3) слиянию языков (language blending)” [Lammiman, 2009–2010].

1) Самый простой способ переноса – это заимствование слов. Говорящие на нескольких языках начинают использовать слова из иностранного языка в том случае, когда средств родного языка оказывается недостаточно. Так происходят заимствования, в основном, между языками, которые близки типологически, независимо от того, в каком порядке они были выучены.

Несмотря на широкое распространение какого-либо языка другой язык может сопротивляться заимствованию слов. Это, в основном, связано с “историческими событиями и взаимоотношениями культур..., а также насколько данный язык открыт к иностранным заимствованиям.” [Sapir, 1921: 208; перевод мой – Е. П.]

2) Под потерей языка имеется в виду забывание родного языка по каким-либо причинам. Например, новые лексические или синтаксические единицы на иностранном языке присоединяются к знаниям на родном языке; со временем, если данный человек преимущественно использует иностранный язык и/или долго проживает в стране, в которой говорят на иностранном для него языке, он может перестать использовать альтернативы этим словам или конструкциям на родном языке, что может привести к потере (забыванию) этих эквивалентов.

Человек начинает забывать слова на родном языке, что приводит к росту использования слов-заменителей, например, «like» и «thing» в английском.

Похожие реакции были зафиксированы у билингвов исследователем М. Каушанской и ее коллегами. Ученые пришли к выводу, что “знание слов родного языка слабее у билингвов, чем у монолингвов. Например, билингвам требуется больше времени, чтобы найти слово на родном языке, чтобы описать предъявленную картинку, а также они сталкиваются с проблемой «Как же это слово? Не могу вспомнить!»” [Kaushanskaya & el., 2011:58-59; перевод мой – Е. П.]

Данную точку зрения высказывала и профессор Б. Лауфер (Batia Laufer). Забывание или контаминирование родного языка может быть связано с “функционированием памяти, с наличием возможности (или ее отсутствия) сохранить родной язык, с идентификацией себя как члена сообщества, говорящего на родном для данного человека языке” [Laufer, 2001: 25; перевод мой – Е. П.], т.к. приобретение знаний и их свободное использование зависят от количества практики и частоты повторений.

3) Под слиянием языков имеется в виду эрозия родного языка под воздействием иностранного языка, которая наблюдается, в основном, в лексиконе, когда слова иностранного языка вставляются в синтаксические конструкции родного языка.

Почему это происходит? Ученые выделяют следующие причины: 1) статус языка / отношение людей к этому языку; 2) дистанция между родным и иностранным языками (структурная и географическая); 3) продолжительность проживания в стране, в которой говорят на языке, являющегося иностранным для данного человека; 4) возраст, когда началось изучение иностранного языка; 5) тип обучения (погружение vs. Школа); 6) продолжительность обучения; 7) частота использования иностранного языка данным человеком ежедневно. [Kaushanskaya & el., 2011; Lammiman, 2009–2010; Winsler & el., 1999]

1) Что касается статуса языка, то обратный перенос зависит от того, насколько престижным и/или влиятель-

ным в международном плане является этот язык. Английский язык признан языком международного общения, поэтому, как установил в своем исследовании ученый К. Мэсден (Kirk Masden), среди японских студентов, изучающих английский язык, проявлялась большая степень обратного переноса (т.е. перенос из английского языка в японский), чем среди англичан, изучающих японский язык (т.е. перенос из японского языка в английский). [Masden, 2002]

2) Второй причиной наличия или отсутствия переноса является дистанция между языками. Э. Келлерман (Eric Kellerman) был одним из первых, кто указал на то, что степень влияния языков друг на друга зависит от психотипологии языков (относится к различиям и сходствам в структуре языков). [Kellerman, 1983] “Дистанция между языками может быть объективной и субъективной. Объективная сторона связана с типологией языков, т.е. классификацией языков на основе их структурных особенностей. Типологическая отдаленность или близость взаимосвязана с культурной отдаленностью или близостью, перенос сильно зависит от того, насколько эти культуры отдалены друг от друга географически.” [Kecskes & Papp, 2000: 88]

Похожую точку зрения высказывали ученые Дж. Йямашито и Н. Джиань. “Перенос с родного языка на иностранный или наоборот происходит не всегда, даже если в обоих языках существуют похожие формы слов. Это связано с тем, насколько отдален в восприятии студентов иностранный язык от их родного.” [Yamashita & Jiang, 2010: 662; перевод мой – Е. П.]

3) Уровень владения языком и его потеря также зависят от того, как часто данный человек им пользуется и как долго он проживает или находится в стране, в которой используется этот язык.

4) Относительно возраста, когда началось обучение иностранному языку, то, например, ученые А. Уинзлер, Р. Диаз, Л. Эспиноза и Дж. Родригез (Adam Winsler, Rafael M. Diaz, Linda Espinoza & James L. Rodriguez) в своем исследовании пришли к выводу, что те дети, которые посещали билингвальные программы дошкольного образования в течение одного или двух лет, достигли определенного уровня владения английским языком без вреда для родного языка. [Dixon & el., 2012] Однако, возможно, что ухудшение уровня владения родным языком может иметь место в более поздний период при продолжении обучению иностранному языку.

5) Если принимать во внимание тип обучения, то, например, ученые К. Хакута и Д. Д’Андрия (Kenji Nakuta & Daniel D’Andrea) предполагают, что изменение уровня владения языком связано с тем, на каком языке дети общаются дома, а не в школе [Nakuta & D’Andrea, 1992], поэтому при погружении, когда дети оказываются в монолингвальной среде, в которой используется язык, являющийся для них иностранным, влияние на родной язык будет сильнее, чем при проживании в родной для них семье.

6) Что касается продолжительности обучения, то здесь можно привести те же аргументы, как и в случае с постоянным или длительным проживанием в другой стране. Чем дольше студент изучает язык, тем шире будет перенос или интерференция.

7) Обратный перенос хорошо заметен в тех случаях, когда иностранный язык широко используется в данном обществе и/или является обязательным (в некоторых странах английский язык является языком, на котором ведется обучение).

Постоянный контакт с двумя языками может привести к понижению уровня владения одного из них, но, предположительно, это связано с тем, какой язык они используют в разных ситуациях больше всего.

Р. Серрано и Э. Говард выделили три вида языкового переноса¹:

1) механический перенос: следование правилам иностранного языка в написании слов, использования заглавных букв и пунктуации в родном языке;

2) лексический перенос: перенос слов иностранного языка в родной без изменений; перенос слов иностранного языка в родной с использованием морфологических черт родного языка; семантический перенос для обозначения предметов и явлений, для которых в родном языке уже есть слова;

3) перенос, связанный с единицами больше, чем слово: например, перенос идиом или словосочетаний; порядок слов; использование синтаксических структур иностранного языка. [Serrano & Howard, 2003]

Механический перенос не так широко распространен в случае влияния английского языка на русский, т.к. в этих двух языках отличаются системы записи (латиница vs. Кириллица). На настоящий момент можно привести только один пример: использование заглавных букв в начале каждого слова в названиях: *Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»* (ср. англ. *National Research University “Higher School of Economics”*).

К случаям лексического переноса относятся заимствования, которым посвящено много работ. Здесь будут приведены только несколько примеров:

а) перенос слов иностранного языка в родной с использованием морфологических черт родного языка, например: *файнецько* (fine + рус. Суф.); *океюшки* (OK + рус. Суф.); *пиариться* (PR + окончание рус. Глагола);

б) использование морфологических черт иностранного языка в словах родного языка (в основном, для создания комического эффекта), например: *крутобл* (круто + able).

В данной работе особое внимание будет уделено третьему виду переноса, выходящего за пределы слова.

А) порядок слов, который в свою очередь связан с актуальным членением предложения, например:

And in this agreement there is a positive potential aspect as Hamas is very weakened by the fall of the Muslim Brotherhood government in Egypt last summer. – Так же в этом договоре есть потенциально положительный момент, так как Хамас находится в очень слабом положении из-за того, что пало правительство Братьев-мусульман в Египте прошлым летом.

В переводе воспроизведен порядок слов английского предложения, поэтому в русском предложении смещается акцент с события (падение правительства Братьев-мусульман) на время и место этого события (в Египте прошлым летом).

Другой пример: *Сейчас нормально скептически относиться к этому* (ср. англ. *Now it's OK to be skeptical about this*).

Второй случай представляет собой наглядный пример, как порядок слов английского предложения (дано в скобках, оно не было озвучено говорящим [носитель русского языка] в момент общения; когда собеседник указал ему на порядок слов в русском предложении и на возможно неправильно расставленные акценты, говорящий признался, что воспользовался английским предложением как образцом и не успел поменять порядок слов, чтобы правильно поставить логическое ударение. Должно быть: «Сейчас нормально относиться к этому скептически»).

Б) перенос словосочетаний, например:

«спросить вопрос» (ср. англ. *To ask a question*) и «дать вопрос» (ср. англ. *To give a question*) вместо «задать вопрос» или «спросить»; «поймать автобус» (ср. англ. *To catch a bus*) вместо «сесть в автобус» или «успеть на автобус»; «оригинальные запчасти» (ср. англ. *Original parts*) вместо «исходные» или «от производителя».

В) перенос правил образования форм некоторых времен

Два года назад во время экскурсии в Осташковке гид регулярно использовала нестандартную форму будущего времени. Вот примеры: «будем выходить из автобуса» и «будем осматривать». Первоначально автор этих строк подумала, что, возможно, так образуют будущее время в Тверской области. Однако данное явление наблюдалось и во время экскурсий в городах в других областях. Спросив одного из экскурсоводов, почему он образует будущее время не совсем ортодоксальным способом, был получен следующий ответ: «Почему-то, когда я говорю, у меня в голове постоянно вертятся две формы: русская и английская, и английская форма появляется быстрее. Может быть потому, что она проще образуется: один и тот же вспомогательный глагол плюс смысловой глагол. Вот поэтому вместо “войдем в церковь и остановимся справа от входа” получается “будем ходить и останавливаться справа от входа» (ср. англ. *Will enter and stop to the right of the church entrance*)».

Г) сохранение слов там, где в русском языке они будут избыточными, например:

Я передернулась от отвращения, когда я увидела на стене сороконожку.

Использование подлежащего в придаточном предложении в русском языке в данном случае является избыточным в то время, как в английском предложении оно должно быть употреблено (ср. англ. *I shuddered with disgust when I saw a centipede on the wall*).

Другой пример: «Он взял ее за ее руку» (ср. англ. *He took her hand*) или «Он протянул ей свою руку» (ср. англ. *He gave her his hand*).

В обоих случаях использование притяжательного и возвратного местоимений является избыточным.

Ученые Дж. Ван Хелл и Т. Дийкстра в результате своего исследования пришли к выводу, что иностранный язык влияет на то, как данный человек обрабатывает слова на родном языке, и это подтверждает предположение, что механизм обработки языкового материала у людей, знающих и говорящих на нескольких языках, не зависит от языка. Родной язык не имеет особого, неязвимого статуса по отношению к другим языкам. «Результаты дают возможность предположить, что в случае воспоминания определенного слова параллельно активируются эквиваленты в обоих языках. Слова на родном языке активируют слова другого языка, скорее всего схожие орфографически, по произношению и/или семантике» [Van Hell & Dijkstra, 2002:786] и именно поэтому становится возможным замещение единиц родного языка единицами иностранного языка или их контаминирование за счет единиц иностранного языка.

Изучение иностранного языка влияет не только на уровень владения родным языком, но и на восприятие мира. Объяснить это можно двумя способами: 1) в связи с изучением не только языка другой страны, но и ее культуры и 2) в наличие связи между языком и культурой.

Эту идею высказывал еще В. Фон Гумбольдт (Wilhelm von Humboldt): «Разница между языками не только в звуках, но и в восприятии мира. Разница в грамматике отражает не только уже существующие различия в мышлении, но и формируется благодаря им». [цит. По Deutscher, 2011:135–136]

Так как за каждым вербальным знаком стоит фрагмент образа мира конкретной культуры, языковое сознание характеризуется этнокультурной детерминированностью. Культура включает всю совокупность социально наследуемых идей, норм, практических навыков, ценностного опыта, что характеризует образ жизни социума и индивида. Культура определяет видение мира, а язык это фиксирует.

«Мысли о мире прошлых поколений, закрепленные в языке, делают этот мир таким, каким его видим мы.» [Deutscher, 2011: 137] «Однако это не означает, что язык – тюрьма для мысли, что он ограничивает способность носителя мыслить логически и понимать идеи, выдвинутые говорящими на других языках.» [Ibid: 149] «Разница между языками не в том, что язык позволяет его носителями выражать, а в том, какую информацию он обязывает их выражать.» [Ibid: 151]

«Человек устроен так, что знание не отделимо от языка. Приобретая представление о внешнем мире..., детализируя и развивая свою картину мира..., человек одновременно овладевает языком..., развивая свою языковую способность, или компетенцию» [Караулов, 2004: 200]. При обучении же иностранному языку, развивая свою языковую способность, человек одновременно через прецедентные тексты получает представление о внешнем мире, как его видят носители изучаемого языка. «Изучение языка – это не только овладение средствами кодирования концептов, но и средствами социальной коммуникации, т.е. различие как языковых

выражений, так и ситуаций их употребления и, наконец, соотнесение одних с другими» [Халеева, 1989: 68].

Студенты старших курсов начинают в общении на родном языке использовать коммуникативные стратегии, характерные для носителей языка, который изучают студенты и который для них является иностранным (в данном случае – английский). Например:

1) стратегия «активного слушания» (active listening). В разговоре с однокурсниками и друзьями студенты начинают употреблять слова, сигнализирующие о том, что они внимательно слушают собеседника, и отражающие их отношение к тому, о чем / ком говорят («*Ага*», «*Точно*», «*Не может быть!*», «*Ты гонишь!*», «*Да ты что!*», «*Правда?*» и т.д.). Иногда встречаются их английские эквиваленты («*Right*», «*OK*», «*No way!*», «*Really?*», «*Seriously?*», «*Indeed!*», «*Indeed?*», «*Impossible!*», «*Is that so?*» и т.д.).

2) использование языковых средств, указывающих на неуверенность (tentative language). Данная стратегия характерна в большей степени для англичан, чем для американцев. Студенты начинают употреблять модальные слова («*(мало)вероятно*», «*может быть*», «*должно быть*» и т.д.) и, в частности, модальные глаголы («*мочь*» и т.д.), сослагательное наклонение, а также слова и конструкции, указывающие на возможность разной интерпретации фактов («*кажется*», «*иметь тенденцию*», «*предполагается*» и т.д.).

3) сдержанное высказывание (understatement) и/или преувеличение (overstatement). Первая стратегия характерна, в основном, для англичан, вторая – для американцев. Студенты-носители русского языка могут использовать обе стратегии в разных ситуациях, т.е. в большинстве случаев у них нет предпочтения какой-то одной стратегии. Верность одной стратегии может объясняться отношением студента/ов к той или иной нации, например, предпочтение американской идеологии.

Примеры:

а) сдержанное высказывание:

- *Я немного не доделал домашнее задание* (в случае, когда домашнее задание вообще не сделано);
- *Нам немножко осталось* (в случае, когда не сделано даже половины);
- *Результаты экзамена очень хорошие* (в случае, когда результаты удовлетворительные).

б) преувеличение:

- *Я отлично знаю английский язык* (в случае, когда уровень владения – средний, если не ниже);
- *Я начал работать в компании отца, будучи еще простым школьником* (в случае, когда трудовая деятельность началась на последнем году школы, т.е. в 16–17 лет);
- *Я выучу весь материал к экзамену за вечер*.

В заключение, можно отметить, что изучение иностранного языка не подразумевает мировоззренческой «перестройки» обучаемого, т.е. не предполагает создания системы иных аксиологических установок. По мере овладения иностранным языком индивид не формирует вторую концептуальную систему (образ мира) на подобие той, что существует на родном языке и связана с родной культурой. Существующая концептуальная система (образ мира) становится не удвоенной, а сдвоенной, т.е. когнитивные структуры, сформированные в результате рефлексии над различиями между родной и второй культурами, инкорпорируются в когнитивные структуры, сформированные на базе родной культуры. В знаниях, стоящих за словом, наблюдается интеграция составляющих разных культур. При этом в определенной речевой ситуации актуализируется тот или иной компонент образа в рамках создающейся в процессе речепорождения функциональной системы смыслов.

Примечание

¹ Примеры, приводимые для иллюстрации каждого вида переноса, были подобраны автором (Е.П.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е, стереотипное / Ю. Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2004 – 264с.
2. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) / И. И. Халеева. – Высшая школа, М., 1989 – 238с.
3. Deutscher, G. Through the Language Glass. Why the World Looks Different in Other Languages / G. Deutscher. – Arrow Books, 2011.
4. Dixon, L.Q. What We Know About Second Language Acquisition : A Synthesis From Four Perspectives / L.Q. Dixon, J. Zhao, J.-Y. Shin and others. REVIEW OF EDUCATIONAL RESEARCH, February 2012, DOI : 10.3102/0034654311433587
5. Hakuta, K. & D'Andrea, D. Some properties of bilingual maintenance and loss in Mexican background high school students / K. Hakuta & D. D'Andrea // Applied Linguistics, №. 13, 1992, pp. 72–99.
6. Kaushanskaya, M. The Effect of Second-Language Experience on Native-Language Processing Vigo International / M. Kaushanskaya, J. Yoo, V. Marian // Journal of Applied Linguistics, № 8, 2011, pp. 55–77.
7. Kecskes, I. & Papp., T. Foreign Language And Mother Tongue, Lawrence Erlbaum Associates / I. Kecskes, & T. Papp., (eds.). – publishers, 2000, London.
8. Kellerman, E. Now You See Now You Don't in Gass S. And Selinker L. (eds.). Language Transfer in Language Learning / E. Kellerman. – Rowley, 1983, MA : Newbury, pp. 112–134.
9. Lammiman, K. Cross-Linguistic Influence of an L3 on L1 and L2, IINERVATE Leading Undergraduate Work in English Studies / K. Lammiman. – Vol. 2 (2009-2010), pp. 274–283.
10. Laufer, B. The Influence of L2 on L1 Collocational Knowledge and on L1 Lexical Diversity in Free Written Expression in Cook V. Effects of the second Language on the First; Multilingual Matter Limited / B. Laufer. – 2003, Clevedon, pp.19–31.

11. Masden, K. (2002). Influence of L2 on L1. In Milligan, K. (Ed.) / K. Masden. – LINGUIST List 13.665, Tuesday March 12, 20026 [electronic resources]. URL : <http://www.linguistlist.org/issues/13/13-665.html>
12. Sapir, E. Language : An Introduction to the Study of Speech / E. Sapir. – Harcourt, Brace and Company : New York, 1921.
13. Serrano, R. and Howard, E. R. Maintaining Spanish Proficiency in the United States : The Influence of English on the Spanish Writing of Native Spanish Speakers in Two-Way Immersion Programs. In Lotfi Sayahi (ed.), Selected Proceedings of the First Workshop on Spanish Sociolinguistics / R. Serrano, E. R. Howard. – Somerville, MA, 2003 : Cascadilla Proceedings Project, pp. 77–88. [electronic resources]. URL : <http://www.lingref.com/cpp/wss/1/paper1010.pdf>
14. Van Hell, J.G., Dijkstra, T. Foreign Language Knowledge Can Influence Native Language Performance In Exclusively Native Contexts / J. G. Van Hell, T. Dijkstra // Psychonomic Bulletin & Review, Vol. 9, № 4, 2002, pp. 780–789.
15. Winsler, A. When Learning a Second Language Does Not Mean Losing The First : Bilingual Language Development In Low-Income, Spanish-Speaking Children Attending Bilingual Preschool, Child Development, March / A. Winsler, R. M. Diaz, D. Espinoza and others. – April 1999, Vol. 70, № 2. Pp. 349–362.
16. Yamashita, J., Jiang, N. L1 Influence on the Acquisition of L2 Collocations : Japanese ESL Users and EFL Learners Acquiring English Collocations / J. Yamashita, N. Jiang // TESOL Quarterly, Vol. 44, № 4 (December 2010), pp. 647–668.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

EFFECT OF FOREIGN LANGUAGE STUDY ON THE LEVEL OF NATIVE LANGUAGE

E.Yu. Petrova, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Department of Foreign Languages
National Research University “Higher School of Economics” (Moscow), Russia

***Abstract.** The central topic of this article is the concept of reverse transfer (the influence of foreign language on native). Firstly, the author describes the results of reverse transfer process. Secondly, the article contains the explanations of reasons for these changes. Besides, the author suggests classification of types of reverse transfer and discusses the changes in the perception of the world under the influence of foreign language study.*

***Keywords:** reverse transfer, foreign language, native language, influence of language, language proficiency.*

УДК 811.162.3

РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА)

Н.В. Полянская, аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета
Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова (Москва), Россия

***Аннотация.** Проблема модифицирования и функционирования фразеологических единиц рассматривается в свете теории о существовании двух видов мышления, лежащих в основе вербального воплощения мыслей, – логического и семантического. Характерным свойством семантической формы мышления является не только его национальный характер, но и его изменчивость, способность к рождению новых смыслов в новых контекстах действительности. Относительно свободная модифицируемость фразеологизмов, их главные и второстепенные функции – косвенная реализация свойств семантического мышления.*

***Ключевые слова:** логическое и семантическое мышление, фразеологические модификации, главные и второстепенные функции фразеологизмов*

Согласно теории об отношении языка и мышления, которую подробно излагает в своей книге «Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности, «языковой картине мира» и марксистско-ленинском языкознании» А. Т. Кривоносов, процесс вербализации мысли происходит за счет взаимодействия двух видов мышления: логического, разлагающего «единое содержание речевого замысла» [Чесноков, 2010, с. 81] на ряд самостоятельных общечеловеческих понятий, и семантического, обеспечивающего соответствующую данному языку национальную окраску этих понятий, их актуализацию в каждой конкретной речевой ситуации (письменной или устной).

Последнее становится возможным благодаря тому, что национальные семантические формы мышления определяют характер, систему конкретного языка, набор представленных в нем выразительных средств, правила их сочетания и модификаций. Результатом функционирования семантического мышления, следовательно, являются и такие специфические свойства языка, как нетождественность содержания выражения простой сумме значений его компонентов, контекстная обусловленность смысла высказывания. Эти особые языковые свойства позволяют преодолеть «относительную ограниченность состава значений языковых единиц» [Бондарко, 1978, с. 50] и выражать в актах речи (устной / письменной) «бесконечное количество новых смыслов» [там же. С. 50], неизбежно возникающих в процессе осмысления человеком окружающего мира.

Вышеописанные качества в полной мере реализуются во фразеологическом составе национальных языков. Так как всякая фразеологическая единица (ФЕ) представляет собой «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [Мокиенко, 1989, с. 5], смысл которого больше, чем простая сумма значений отдельных слов, она способна выполнять в речи (письменной или устной) функцию вторичной номинации, тем самым становясь одним из средств преодоления уже упомянутой «ограниченности состава значений языковых единиц». Экспрессивность ФЕ вместе со столь характерной для этого класса единиц языка вариативностью обуславливает выполнение ещё нескольких характерных функций: контекстуальной актуализации и оживления содержания высказывания посредством придания ему экспрессивной окраски; выражения оценки сказанного говорящим / пишущим. Кроме того, как показали исследования функционирования фразеологических вариантов в письменной и устной речи, произведенные чешскими лингвистками Марией Чеховой и Радкой Крштелиновой, помимо перечисленных главных функций фразеологизмов, фразеологические варианты проявляют и второстепенные функции, тесно связанные с главными [Křelínová, 2008, с. 53]. Продемонстрируем проявление второстепенных функций на примерах, обнаруженных нами в чешских СМИ:

1. усиление значения исходного фразеологизма – усиленной в данном случае может быть любая из основных функций. «Zbývá jen pár doušků a kalich hořkosti Jiřího Bessera bude vypit do dna.» / [vypít kalich hořkosti do dna] («Остается лишь пару глотков и чаша страданий Йиржи Бессера будет испита до дна.» / [испить чашу страданий до дна]) – в приведенном примере усилительная функция сочетается с функцией *актуализации* высказывания, которая происходит благодаря расширению исходного состава фразеологизма включением дополнительного компонента «Jiřího Bessera» (Йиржи Бессер – министр культуры Чехии в 2010-2011 гг., уличенный в коррупции), указывающего на конкретную принадлежность «чаши». Усиление же происходит здесь за счет развертывания фразеологической метафоры через косвенное указание на реальное положение вещей «zbývá jen pár doušků» («остается ещё пару глотков») = «остается ещё немного» и подавшего в отставку политика перестанут корить за допущенные оплошности – «чаша» будет выпита» (от 8.12.2011 на http://www.rozhlas.cz/radiozurnal/publicistika/_zprava/lukas-jelinek-stridani-na-ministerstvu-kultury-987784);

2. внесение в текст юмористического оттенка, который нередко сочетается с авторской *иронией*: «... četba deníků navazuje představu hrozivého a vznášejícího se Damoklova vejce» / [Damoklův meč] («...чтение ежедневных газет вызывает образ грозно возносящегося Дамоклова яйца» / [Дамоклов меч]) – в данном примере автор добивается

улыбки читателя за счет лексической субституции «meč – vejce» (обыватели выражают свое недовольство действиями городского правительства, закидывая их яйцами), которая распространяется за счет дополнительных, усиливающих комический эффект атрибутов «hrozivý» («грозный») и «vznášející» (возносящийся). (от 27.05.2009 на http://www.tyden.cz/tubriky/media/ondrej-stindl-cte-noviny/27-5-vejce-krupou-jachty-duni_121682.html#VCblhdX_Dc);

3. табуизация текста реализуется в тех случаях, когда общественные и языковые нормы не позволяют авторам употреблять в исходной форме фразеологизм, содержащий в себе названия «неприличных» частей человеческого тела и предметов, связанных с различными физиологическими процессами, вульгаризмы. Употребление же модифицированного фразеологизма (в данном случае возможна субституция отдельного компонента нейтральным по смыслу словом или полная замена ФЕ синонимической описательной конструкцией), придающего выражению цензурный облик, делает возможным сохранение крайне экспрессивного, нередко *оценочного* характера выражения. В приведенном ниже примере автору удалось не только избежать употребления вульгаризма, но и сделать эвфемический компонент частью языковой игры, придав тем самым своему высказыванию ироничный оттенок: «A tak jsem koukal, jak na Moravě krásně svítí sluníčko a jak zatímco někdo zachraňuje majetek a životy, tak se jiný vydal na houby, které v tomto dešti rostou – i když pouze *hříby kováři*. <...> Kolega Petr Honzejek z Hospodářských novin se dnes (úterý) směje zastupujícímu pražskému primátorovi: «V roce 2013 se telefonní čísla v kapsičce saka nenosí. Ipad, smartphone, Twitter, Facebook, Google+, Skype, znáte to?» Blackout, znáte to, pane kolego? A už vám upadl chytrý telefon do vody? Pak je vám číslo zapsané v nulách a jedničkách v útrokách nefunkčního přístroje nebo systému **na – houby**. (I když ne *na hříby kováře*.)» / [(je to) na hovno] («Так что я наблюдал, как в Моравии светит ясное солнышко и как в это самое время один спасает имущество и жизни, а другой отправился по грибы, которые растут под этим дождем – хотя растут только *грибы синяки*. <...> Коллега Петр Гонzejek из «Экономической газеты» сегодня (вторник) смеется над заместителем мэра Праги: «В 2013 году номера телефонов в кармане пиджака уже не носят. iPad, смартфон, Twitter, Facebook, Google+, Skype, слышали о таком?» Blackout, вы о таком слышали, господин коллега? А уж если ваш умный телефон упал в воду? После этого номер телефона, записанный в нулях и единицах внутри вашего неработающего аппарата или системы **на – грибы**. (Хотя и не *на грибы синяки*.)» / [это на говно]). (от 5.06.2013 на http://neviditelnypes.lidovky.cz/samanovo-doupe-neintegralni-informace-a-informacni-povoden-pqg-p_doupe.aspx?c=A130604_204557_p_do-uce_wag

Учитывая всё вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что как главные, так и второстепенные функции ФЕ и их вариантов, по сути, являющиеся косвенной реализацией основных функций семантического мышления в рамках конкретной языковой плоскости.

По аналогии с предыдущими рассуждениями заключаем: так же, как семантическое мышление при всем своем модификационном потенциале сохраняет свою связь с логическим мышлением, оперирующим набором общечеловеческих понятий, сохраняет целостность своего значения на фоне довольно широкой мобильности компонентов и фразеологическая единица. [Мокиенко, 1989, с. 26] Следовательно, характерную для фразеологии склонность к вариативности можно признать частным проявлением способности семантического мышления к постоянному развитию и модифицированию, столь необходимым в условиях интенсивно меняющегося мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко, А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1978. 176 с.
2. Кривоносов, А. Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и марксистско-ленинском языкознании / А. Т. Кривоносов. – Москва, Нью-Йорк : ЧеРо, 2006. – 821 с.
3. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учебное пособие для вузов по спец. «Рус. Яз. И лит.». 2-ое изд., испр. И доп. / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. Шк., 1989. – 287 с.
4. Чесноков, П. В. Еще раз о единстве языка и мышления / П. В. Чесноков // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Таганрог : Изд. Отдел Таганрог. Гос. Пед. Ин-та, 2010. Спец. Вып. – № 2 : Гуманитарные науки. – С. 80 – 83.
5. Čechová, M. Dynamika frazeologie / M. Čechová // Naše řeč, ročník 69, číslo 4. – Praha, 1986. 178–186 s.
6. Křelínová, R. Frazémy a jejich funkce v psané publicistice : Doktorská disertace // R. Křelínová. – České Budějovice, 2008. – 80 s.

Материал поступил в редакцию 27.09.14.

THE ROLE OF SEMANTIC THINKING IN THE MECHANISM OF FORMATION AND FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL MODIFICATIONS (BASED ON THE CZECH LANGUAGE)

N.V. Polyanskaya, Postgraduate student, Slavic Philology Department, Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University (Moscow), Russia

Abstract. The problem of modification and operation of phraseological units is considered in the light of the theory is the existence of two types of thinking which are the basis of the verbal embodiment of thoughts: logical and semantic. Characteristic property of the semantic form of thinking is not only its national character, but also its variability, the ability to produce new meanings in new contexts of reality. Relatively free modifiability of phraseological units and their main and secondary functions are the indirect implementation of properties of the semantic thinking.

Keywords: semantic and logical thinking, phraseological modifications, major and minor functions of phraseological units.

Jurisprudence
Юридические науки

УДК 349.3

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ»

С.С. Боровлев, магистрант кафедры государственно-правовых дисциплин
Ростовский филиал «Российской академии правосудия» (Ростов-на-Дону), Россия

Аннотация. В статье рассматриваются спорные вопросы определения понятия налоговой системы страны, высказывается авторское мнение о сложной структуре исследуемой правовой категории.

Ключевые слова: налоговое право, налоговая система, налоги.

В отечественной юридической науке в настоящее время отсутствует единое мнение о понятии «налоговой системы». Данный вопрос является остро дискуссионным на протяжении длительного периода времени. Анализ научной и учебной литературы по финансовому праву показывает, что «налоговая система» как правовая категория активно обсуждается российскими специалистами с начала 90-х годов.

Понятие «налоговая система» в российскую практику было впервые введено Законом РФ «Об основах налоговой системы Российской Федерации» от 27 декабря 1991 г. Согласно ст. 2 Закона «совокупность налогов, сборов, пошлин и других платежей, взимаемых в установленном порядке, образует налоговую систему»¹. Данное определение имело две отличительные особенности:

- в налоговую систему были включены не только налоги и сборы налогового характера, но и различные целевые, лицензионные и иные сборы, не являющиеся налоговыми платежами;
- налоговая система характеризовалась как простая совокупность этих обязательных платежей без выделения различных её элементов.

Данное определение «налоговая система» с момента своего официального опубликования постоянно подвергалось критике со стороны как правоведов, так и сотрудников налоговых органов, поскольку противоречило по своему содержанию ст. 57 Конституции РФ, предусматривающей введение налогов и сборов исключительно законами.

Очевидно, что система налогового законодательства может быть действенной только в том случае, если она опирается на конституционные положения, находящие свою конкретизацию в правовых актах законодательства о налогах и сборах².

В таблице 1 систематизированы определения налоговой системы, данные российскими специалистами налогового права.

Таблица 1

Понятия «налоговая система», встречающиеся в отечественной литературе

<i>Автор</i>	<i>Определение категории «налоговая система»</i>	<i>Источник</i>
1	2	3
И. И. Кучеров	Налоговая система – основанная на определенных принципах система урегулированных нормами права общественных отношений, складывающихся в связи с установлением и взиманием налогов и сборов. Выделяет в структуре налоговой системы «определенные обособленные подсистемы (составы)»: состав налогоплательщиков (налогооблагающий состав); систему налогов и сборов; состав налогоплательщиков (налогооблагаемый состав); систему органов налогового администрирования; систему органов, обеспечивающих налоговую безопасность.	Кучеров И. И. Налоговое право России. М.: Центр ЮрИнфоР, 2006. С. 71.
С. Г. Пепеляев	Налоговая система – это совокупность установленных в государстве существенных условий налогообложения. К существенным условиям С.Г. Пепеляев относит: принципы налогообложения; порядок установления и введения налогов; систему налогов; порядок распределения налоговых поступлений между бюджетами различных уровней; права и обязанности участников налоговых отношений; формы и методы налогового контроля; ответственность участников налоговых отношений; способы защиты прав и интересов участников налоговых отношений.	Финансовое право: Учебник / Под ред. Е. Ю. Грачевой и Г. П. Толстопятенко. М.: Проспект, 2009. С. 238.

Окончание таблицы 1

Автор	Определение категории «налоговая система»	Источник
1	2	3
А. В. Брызгалин	Налоговая система – взаимосвязанная совокупность всех существующих в государстве общественных отношений, складывающихся в сфере налогообложения и имеющих экономический, политический, организационный и правовой характер.	Брызгалин А. В. Система налогов и сборов в Российской Федерации. Установление, введение и отмена налогов // Финансовое право Российской Федерации: Учебник / Отв. Ред. М. В. Карасева. М.: Юрист, 2002. С. 324 – 325.
К. С. Бельский	Налоговая система – основанная на определенных принципах совокупность взаимосвязанных частей (элементов) в сфере налогообложения, к которым относятся налоговая платежеспособность граждан страны, система установленных законом налогов и сборов, налоговая администрация, методы налогового администрирования	Бельский К. С. // Гражданин и право. 2006.
Э. Д. Соколова	Налоговая система является составной частью публичного сектора финансовой системы и включает все налоги и сборы, а также органы, осуществляющие организацию их уплаты и налоговый контроль.	Соколова Э. Д. Теоретические и правовые основы финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М.: Юриспруденция, 2007. С. 29.

Обобщая имеющиеся точки зрения ученых, можно сделать вывод о существовании в науке двух противоположных позиций:

- налоговая система – это совокупность налогов и сборов;
- налоговая система включает в себя, кроме налогов и сборов, другие элементы.

Статья 57 Конституции РФ, как первостепенного национального источника налогового права, определяет, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. В самом общем виде систему налогов и сборов можно определить как перечень налогов и сборов, взимаемых на территории Российской Федерации. Т.е. согласно Конституции РФ словосочетание «налоги и сборы» включает в себя все без исключения платежи, обязанность уплаты которых возлагается на физических и юридических лиц. Напротив, в главе 2 части 1 Налогового кодекса РФ, как основного отраслевого нормативного акта, регламентирующего налоговые отношения, приведен исчерпывающий перечень, составляющий систему налогов и сборов.

Это свидетельствует о различном содержании системы налогов и сборов в конституционно-правовом и налогово-правовом значениях, которое выражается в объеме фискальных платежей, включаемых в данное понятие.

Мы разделяем позицию И. А. Майбурова, который, используя субъектно-объектный подход для раскрытия содержания налоговой системы, выделяет два элемента субъектного характера (налоговые администрации и налогоплательщики) и два элемента объектной направленности (законодательство и сами налоги). При этом каждый из элементов находится в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, которые можно увидеть на рисунке 1.

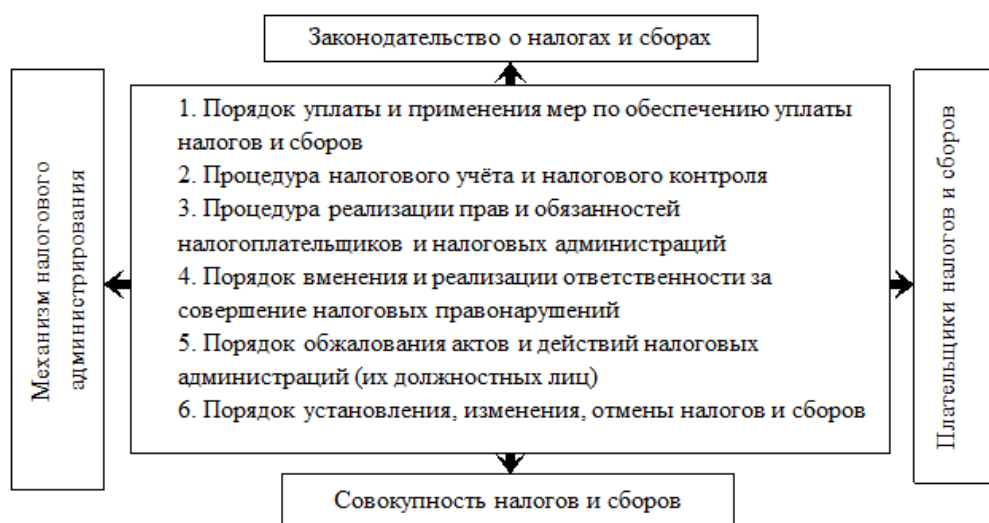


Рис. 1. Основные взаимосвязи между элементами налоговой системы

Из данного рисунка следует очевидный вывод о том, что налоговую систему нельзя отождествлять с системой налогов и сборов. В налоговой системе должна проявляться определённая подчинённость субъектных элементов (налоговых администраций и налогоплательщиков) объектным элементам (законодательству, налогам).

Дальнейшее совершенствование правового регулирования налоговых отношений должно идти по пути наполнения налогового законодательства конституционным смыслом, связанным с приоритетом прав и свобод человека и гражданина³.

Примечания

1. Закон РФ от 27.12.1991 N 2118-1 (ред. От 18.11.1998) «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – № 56.
2. Мирошник, С. В. Источники налогового права / Под ред. С. В. Запольского. – Ростов н/Д : Изд-во РСЭИ, 2010. – С. 6.
3. Мирошник, С. В. Источники налогового права / Под ред. С. В. Запольского. – Ростов н/Д : Изд-во РСЭИ, 2010. – С. 43.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон РФ от 27.12.1991 N 2118-1 (ред. От 18.11.1998) «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – № 56.
2. Мирошник, С. В. Источники налогового права / Под ред. С. В. Запольского. – Ростов н/Д : Изд-во РСЭИ, 2010. – С. 6; С. 43.

Материал поступил в редакцию 12.09.14.

DISCUSSION QUESTIONS DEFINITION «TAX SYSTEM»

S.S. Borovlev, Master Degree Student, Department of State and Legal Disciplines
Rostov branch of “Russian Academy of Justice” (Rostov-on-Don), Russia

Abstract. *The article deals with controversial issues definition of the tax system of the country, the author expresses the view of the complex structure of the investigated legal category.*

Keywords: *tax law, tax system, taxes.*

УДК 349.3

МЕРЫ СТРАХОВОГО НАДЗОРА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

А.О. Бурлачка, аспирант кафедры финансового и административного права
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону), Россия

Аннотация. В статье рассматриваются меры страхового надзора как способ обеспечения законности в страховой сфере, формулируются предложения, направленные на совершенствование страхового законодательства.

Ключевые слова: страховой надзор, меры страхового надзора, предписание, лицензия.

Важнейшим элементом страхового надзора являются меры государственного принуждения, применяемые компетентным государственным органом. Меры государственного принуждения включают в себя меры юридической ответственности, меры защиты субъективных прав и юридических обязанностей, превентивные меры. К сожалению, страховое законодательство не в полной мере закрепляет и реализует меры государственного принуждения.

Согласно Закону РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. От 04.06.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» в случае выявления нарушения норм страхового права орган страхового надзора направляет субъекту страхового дела предписание об устранении выявленного правонарушения [1].

Предписание представляет собой направляемый субъекту страхового дела письменный официальный документ, содержащий обязательные для исполнения требования органа страхового надзора устранить выявленные в работе субъекта страхового дела нарушения норм страхового законодательства и сообщить об этом органу страхового надзора в установленный законом срок (тридцать дней со дня получения предписания).

Полномочия органа страхового надзора по оформлению предписаний ограничены законодательно закрепленным перечнем правонарушений, «предполагающих соответствующую реакцию со стороны компетентного государственного органа».

Основания выдачи предписания в зависимости от субъекта получателя могут быть разделены на две категории:

- предписания, направляемые страховщикам;
- предписания, направляемые субъектам страхового дела.

Дело в том, что такие правонарушения как несоблюдение страхового законодательства в части формирования и размещения страховых резервов, иных страховых фондов; несоблюдение нормативов обеспечения финансовой устойчивости и платежеспособности могут быть совершены только страховщиками.

В то же время страховое законодательство содержит перечень противоправных деяний, которые могут быть совершены не только страховщиками, но и иными субъектами страхового дела. В этом случае «адресатами» предписаний органа страхового надзора могут быть не только страховщики, но и страховые брокеры, страховые актуарии.

Предписания направляются субъектам страхового дела в случае:

- нарушения правил получения лицензий;
- нарушения специальной правосубъектности;
- невыполнения нормативно установленных требований предоставления финансовой, статистической отчетности в орган страхового надзора и (или) его территориальный орган;
- непредставления в установленный срок документов, затребованных органом страхового надзора в порядке осуществления возложенных на него функций;
- предоставление в орган страхового надзора (его территориальный орган) неполной и (или) недостоверной информации;
- нарушение сроков предоставления информации об изменениях и дополнениях, внесенных в документы, являющихся основанием для получения лицензии;
- непредставление документов, подтверждающих изменения и дополнения, внесенные в документы, являющиеся основанием для получения лицензии, в течение 30 дней со дня внесения этих изменений.

Таким образом, предписания органа страхового надзора выдаются в тех случаях, когда требуется принятие незамедлительных мер по их устранению и безотлагательному пресечению противоправных действий.

Субъект страхового дела обязан:

- рассмотреть предписание;
- устранить указанные в нем нарушения страхового законодательства;
- подготовить и направить органу страхового надзора в установленный срок документы, подтверждающие устранение выявленных недочетов. Только в этом случае орган страхового надзора признает предписание исполненным, что в свою очередь, является основанием для снятия предписания.

Предписание можно отнести к мерам пресечения. Оно требует немедленного устранения выявленного правонарушения. В то же время предписание одновременно выполняет и превентивную функцию. Дело в том, что неисполненное предписание не позволит субъекту страхового дела получить лицензии на дополнительные виды страхования.

Предписания, выданные органом страхового надзора, уведомления об исполнении (снятии) предписаний страховщиками обязаны хранить в установленный законом срок [2].

В том случае, если установлены факты предоставления субъектом страхового дела документов, содержащих недостоверную информацию, ранее выданное предписание признается неисполненным.

Неисполненное предписание (включая несвоевременное информирование органа страхового надзора об устранении выявленных правонарушений), а также уклонение субъекта страхового дела от получения предписания являются основаниями для принятия органом страхового надзора более жестких мер в виде ограничения либо приостановления действия лицензии субъекта права.

При этом следует отметить, что ограничение действия лицензии может касаться только страховщиков. Субъектами приостановления действия лицензии могут выступать не только страховые организации, но и иные субъекты страхового дела.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать следующие выводы:

1. Неисполненное предписание, а также уклонение от получения предписания является основаниями для принятия решения об ограничении или приостановлении действия лицензии страховщика. При этом законодательно не разграничены основания их принятия, хотя институт ограничения действия лицензии отличается от института приостановления действия лицензии.

Кроме того, как справедливо отмечает Н. Н. Косаренко, порядок ограничения и приостановления лицензии субъекта страхового дела устанавливается самим органом страхового надзора [3], что, на наш взгляд, недопустимо в условиях правового государства. Практика уже неоднократно обращала внимание на слабые стороны ведомственного нормотворчества, строящего, как правило, на основе приоритета интересов соответствующего государственного органа.

2. Решение органа страхового надзора об ограничении или о приостановлении действия лицензии подлежит обязательному опубликованию в течение 10 рабочих дней со дня его принятия. День опубликования имеет существенное значение, так как именно с днем опубликования решения органа страхового надзора закон связывает момент вступления его в законную силу.

3. О принятом решении, а также о причинах ограничения или приостановления действия лицензии орган страхового надзора обязан письменно известить соответствующего субъекта страхового дела в течение пяти рабочих дней со дня вступления в силу решения компетентного государственного органа.

4. Совершенствование страхового законодательства должно идти через призму развития института ответственности субъектов страхового дела. Именно отсутствие карательных мер и создает благоприятные условия для злоупотреблений со стороны страховщиков.

Меры страхового надзора должны быть действенными. Они представляют собой один из важнейших способов обеспечения законности и правопорядка в страховой сфере, институтом, способствующим эффективному развитию страхового дела в Российской Федерации.

При выборе мер страхового надзора Банк России как орган страхового надзора должен учитывать ряд обстоятельств, а именно, применяемые меры воздействия к субъектам страхового дела должны:

- быть нацелены на защиту прав и законных интересов страхователей как функционально «слабой» стороны страхового правоотношения;
- иметь публичный характер, что позволит повысить уровень общественного финансового контроля за деятельностью субъектов страхового дела и органа страхового надзора.

В связи с этим предлагается п. 3 ст. 30 Закона РФ 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» дополнить подпунктом 4 «а» следующего содержания: «информацию о вынесенных в адрес субъектов страхового дела предписаний об устранении нарушений страхового законодательства, требований об уплате штрафных санкции, а также информацию об исполнении субъектами страхового дела полученных предписаний».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. От 04.06.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «Гарант»
2. Приказ ФСФР России от 06.03.2013 № 13-16 / пз-н «Об утверждении Перечня документов, сохранность которых обязаны обеспечить страховщики, и требований к обеспечению сохранности таких документов» // Российская газета. – 2013. – № 154.
3. Косаренко, Н. Н. Правовое обеспечение публичных интересов в сфере страхования / Н. Н. Косаренко. – М. : Волтерс Клувер, 2010.

Материал поступил в редакцию 10.09.14.

MEASURES OF INSURANCE SUPERVISION: THE LEGAL BASIS

A.O. Burlachka, Postgraduate Student, Department of Financial and Administrative Law
Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don), Russia

Abstract. *The article deals with the insurance supervisory measures as a way to ensure the rule of law in the insurance sector, formulate proposals aimed at improving the insurance legislation*

Keywords: *insurance supervision, insurance supervision measures, prescription license.*

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

С.В. Бурмагин, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск), Россия

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена актуальным вопросам отечественного судопроизводства, связанным с выявлением фактов дачи свидетелями и потерпевшими заведомо ложных показаний по уголовным делам и возбуждением по ним уголовных дел. Автор обращает внимание на ослабление деятельности органов прокуратуры и следствия в этом направлении, на несостоятельность ожиданий инициативы и помощи суда в уголовном преследовании за лжесвидетельство, и делает вывод о необходимости повышения активности прокурора в выявлении случаев дачи ложных показаний и в постановке перед следственными органами вопроса о возбуждении уголовного дела.*

***Ключевые слова:** показания свидетеля, возбуждение уголовного дела, уголовное преследование, органы следствия, прокурор, суд.*

Заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего – самый распространенный вид преступлений против правосудия: в последнее десятилетие в Российской Федерации за год регистрируется по 2–2,5 тыс. и более преступлений, предусмотренных ст.307 УК РФ [2, С. 54]. В тоже время ряд проведенных исследований свидетельствует о высоком уровне латентности данного преступления (по уголовным делам – 50 %, по гражданским – 90 %) [1, С. 15–16]. Общественная же опасность лжесвидетельства высока и обусловлена особой важностью показаний потерпевшего, свидетелей в уголовно-процессуальном доказывании. Несмотря на наличие в российском уголовном процессе разнообразных средств доказывания и их равноценность в установлении обстоятельств дела, показания потерпевшего и свидетелей в целом остаются превалирующими доказательствами (в количестве, а по многим делам и в качественном отношении), и редкое дело расследуется и рассматривается без получения и исследования свидетельских показаний. При этом ложные показания искажают действительность, препятствуют установлению истины по делу и могут повлечь вынесение незаконного, необоснованного и несправедливого приговора либо иного итогового процессуального решения, что, безусловно, наносит вред правам граждан, интересам правосудия и подрывает авторитет органов власти.

Одной из причин недостаточно эффективного противодействия лжесвидетельству, является, на наш взгляд, отсутствие надлежащего уголовно-процессуального реагирования на факты дачи ложных показаний со стороны субъектов уголовного преследования, т.е. органов дознания, следствия и прокуратуры. Далеко не все факты лжесвидетельства, даже когда они были очевидны в ходе предварительного расследования и (или) зафиксированы в приговоре суда, проверяются и расследуются органами предварительного расследования и получают надлежащую юридическую оценку. По многим фактам дачи ложных показаний уголовные дела не возбуждаются и даже не проводятся предварительная (доследственная) проверка имеющихся сведений. В результате этого, а также по причине слабой выявляемости лжесвидетельства меры уголовной ответственности за данное преступление остаются не реализованными, отчего предупредительный (превентивный) эффект от действия ст. 307 УК РФ, имеющей к тому же неадекватную степени общественной опасности преступления санкцию, остается на весьма низком уровне.

В советские времена, в период действия УПК РСФСР 1960 г., когда суд обладал полномочием возбуждать уголовные дела, вопрос выявления фактов дачи ложных показаний и возбуждения по ним уголовного дела решался для органов предварительного расследования очень просто. По сложившейся практике дела о лжесвидетельстве возбуждались только судом одновременно с вынесением приговора по основному (первичному) делу, в котором суд давал недвусмысленную оценку ложным показаниям свидетеля (потерпевшего). Следовательно и прокурор практически были не причастны к этому процессу, последний разве что инициировал иногда судебное решение посредством соответствующего ходатайства, высказанного в судебных прениях при окончательной оценке исследованных доказательств. После возбуждения уголовного дела судом следователю оставалось формально провести предварительное расследование и направить дело в суд. Фактически вопрос о виновности свидетеля (потерпевшего) в даче заведомо ложных показаний предreshался постановлением суда о возбуждении уголовного дела, а судебный приговор по первичному делу являлся убедительным и зачастую основным доказательством намеренного лжесвидетельства (Как же иначе? Сам суд возбудил уголовное дело!).

Положение изменилось с введением запрета судебным органам возбуждать уголовные дела, сначала на основании известных решений Конституционного Суда РФ [5], а затем и нового УПК РФ 2001 года, который воплотил в себе принцип состязательности уголовного судопроизводства, предусматривающий четкое и последовательное отделение судебной функции разрешения дела от функции обвинения. По действующему закону судьи не вправе не только возбуждать уголовное дело, но и констатировать в приговоре факт совершения иного преступления, не вмененного подсудимому либо совершенного иным лицом [6], тем самым предreshать вопрос об уголовной ответственности, который будет разрешаться в рамках отдельного уголовного производства. Суды перестали возбуждать дела о

лжесвидетельстве, а обвинительная власть продолжает пребывать в плену старых привычек и не спешит перенять на себя инициативу в уголовном преследовании за дачу заведомо ложных показаний. Как следствие – заметное сокращение уголовных дел по ст.307 УК РФ, которое можно проиллюстрировать следующим примером. Северодвинским городским судом Архангельской области в период с 1999 по 2002 гг. рассмотрено 38 уголовных дел о лжесвидетельстве, а за аналогичный четырехлетний период 2009–2012 гг. – только 17 [3, С. 115]. Таким образом, отмечается более чем двукратное снижение количества уголовных дел указанной категории.

В поисках путей выхода из сложившейся негативной ситуации одни авторы предлагают возложить на суд обязанность устанавливая при постановлении приговора факт дачи *заведомо* ложных показаний и одновременно с вынесением приговора «решать вопрос о направлении материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела за дачу заведомо ложных показаний...» [4], другие – обязать судебные органы «сообщать о случаях лжесвидетельства в органы прокуратуры РФ» [2].

В обоих вариантах (в первом – более явно) суд выступает в качестве инициатора уголовного преследования, что плохо сочетается с его ролью органа правосудия в состязательном процессе. На деле суды практикуют вынесение частных постановлений (определений), в которых указывают компетентным органам на факты дачи ложных показаний, прямо не требуя возбудить уголовное дело, но как бы намекая на наличие к тому оснований, либо сообщают об этом в непроцессуальной форме – посредством информационного письма. При этом ввиду отсутствия процессуальной обязанности совершать подобные акты и из опасения упреков в принятии на себя несвойственной суду функции обвинения, судьи далеко не во всех случаях реагируют подобным образом на выявленные ими факты ложных показаний.

Кроме того, суды не могут и не должны констатировать в подобных обращениях, как и в первичных приговорах, *заведомую ложность* показаний, чего так ждут от них следователи. Иное означает предрешиение главного вопроса предстоящего дела о виновности свидетеля (потерпевшего) в даче недостоверных показаний. Заведомая ложность – обстоятельство, выражающее наличие умысла в деянии, который относится к обязательным признакам состава преступления, предусмотренного ст.307 УК РФ, и подлежит установлению и доказыванию в ходе проверки сообщения о преступлении и последующем расследовании дела.

В любом случае сообщение суда, в какую бы форму оно не было облечено, – лишь повод для возбуждения уголовного дела. От органов же обвинительной власти требуется не только и не столько формальное реагирование на обращение судов, сколько проявление собственной инициативы и целеустремленности в уголовном преследовании за лжесвидетельство, стремление к повышению его эффективности.

Прокурор, участвуя в судебном заседании в качестве государственного обвинителя, способен самостоятельно без подсказки суда, установить факты дачи свидетелями ложных показаний и, с учетом содержания судебного приговора, оценить перспективу привлечения свидетеля к уголовной ответственности. Наделен прокурор и полномочием ставить перед органом следствия вопрос об уголовном преследовании (п.2 ч.2 ст.37 УПК РФ), а его постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования является одним из установленных в законе поводов для возбуждения уголовного дела (п.4 ч.1 ст.140 УПК РФ). На деле государственные обвинители редко используют данные полномочия в целях уголовного преследования лжесвидетелей, хотя в соответствии со ст. 21 и 37 УПК РФ прокурор возглавляет (в силу своего особого статуса) органы обвинительной власти и обязан в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изблечению лиц, виновных в совершении преступления, и осуществлять от имени государства их уголовное преследование.

Ввиду специфики выявления и закрепления фактов дачи свидетелями и потерпевшими ложных показаний по уголовным делам, на наш взгляд, целесообразно более тщательно проработать механизм возбуждения уголовных дел о лжесвидетельстве и особым образом урегулировать этот вопрос в УПК РФ. Однако, исходя из вышеизложенного, полагаем, что обязанность по информированию следственных органов о наличии в действиях давшего показания свидетеля или потерпевшего признаков преступления, предусмотренного ст.307 УК РФ, должна быть возложена не на суд, а на прокурора, который впоследствии и осуществит надзор за законностью и обоснованностью решений следователя по вопросу об уголовной ответственности лица, «заподозренного» в преднамеренном лжесвидетельстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блинников, В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты лжесвидетельства : Автореф. Дис. ... канд. Юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Блинников. – Н-Новгород, 1998. – 21 с.
2. Голубов, И. И. Неотвратимость наказания – главное условие предупреждения заведомо ложных показаний / И. И. Голубов // Юридический мир. – 2011. – № 6. – С. 54–55.
3. Дерябина, А. А. Проблема возбуждения уголовных дел о лжесвидетельстве / А. А. Дерябина // Право в условиях глобализации : материалы всерос. Науч. Конф. (Архангельск, 10 апреля 2013 г.) / сост. И отв. Ред. Т. А. Зыкина. – Архангельск : ИД САФУ, 2014. – С. 114–117.
4. Коробеев, А. И., Кулешов, Ю. И. «Лжесвидетельство : наболевшие проблемы правовой ответственности» / А. И. Коробеев, Ю. И. Кулешов // Российский судья. – 2005. – № 7. – С. 17–22.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 г. № 19-П // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 50. – Ст. 5679; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 5. – Ст. 611.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (в ред. От 16.04.2013 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7.

Материал поступил в редакцию 29.09.14.

**PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY IMPLEMENTATION FOR PERJURY
IN A CRIMINAL CASE**

S.V. Burmagin, Candidate of Juridical science, Professor of Criminal Law and Procedure Department
Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk), Russia

***Abstract.** This article is devoted to the relevant issues of national judicial proceedings relating to the identification of false evidences, given by witnesses and victims of criminal cases and the initiation of criminal cases. The author draws attention to the reduction of activity of the procuracy bodies and investigation in this direction, the failure of the initiative expectations and the court assist in a criminal prosecution for false evidences. The author also makes a conclusion on the necessity to increase the activity of the prosecutor in identifying of false evidences and presentation of a problem of criminal cases initiation to the investigating authorities.*

***Keywords:** testimony of a witness, initiation of a criminal case, criminal prosecution, investigating authorities, prosecutor, court.*

УДК 343

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДЕНЕГ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ: ПОНЯТИЕ И ПРИЧИНЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ЭТОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А.К. Мусин, докторант PhD
Академия финансовой полиции (Астана), Казахстан

Аннотация. Научная статья посвящена проблемам противодействия отмыванию денег. В исследовании использованы методы сравнительно-правового анализа, синтеза и абстракции. Целью научной статьи является определение понятия и причин, способствующих отмыванию денег, а также поиск решения для этого круга проблем.

Ключевые слова: отмывание денег, криминология, экономические преступления, теневая экономика.

Термин «отмывание» денег (money laundering) впервые был использован в США в первой половине прошлого века, применительно к доходам от наркобизнеса и обозначает процесс преобразования нелегально полученных денег в легальные деньги. В мировой практике предложено много определений этого понятия. Законодательное положение диспозиции статьи 193 УК Республики Казахстан понимает под легализацией денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем – совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным заведомо незаконным путем, а равно использование указанных средств или иного имущества для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности [5].

Несколько отличное понятие дано президентской комиссией США по организованной преступности в 1984 году: «Отмывание денег – процесс, посредством которого скрывается существование, незаконное происхождение или незаконное использование доходов и затем эти доходы маскируются таким образом, чтобы казаться имеющими законное происхождение» [13].

В международном праве определение легализации (отмывания) доходов от преступной деятельности было дано в Венской конвенции ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» от 19 декабря 1988 года, оказавшей большое влияние на развитие соответствующего законодательства западных стран.

Согласно ст. 3 Конвенции, под легализацией (отмыванием) доходов понимаются:

– конверсия или передача имущества, если известно, что такое имущество получено в результате правонарушения или правонарушений, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника имущества или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем, чтобы оно могло уклониться от ответственности за свои действия;

– сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении имущества или его принадлежности, если известно, что такое имущество получено в результате правонарушений или правонарушения, в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

– приобретение, владение или использование имущества, если в момент его получения было известно, что такое имущество получено в результате правонарушения или правонарушений или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

– участие, соучастие или вступление в преступный сговор с целью совершения любого правонарушения или правонарушений, приведенных выше, покушение на совершение такого правонарушения или правонарушений, а также пособничество, подстрекательство, содействие или консультирование при их совершении».

Конвенция Совета Европы № 141 «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 года признала преступлением действия, связанные с «отмыванием» денег, полученных не только от наркобизнеса, но и от других видов преступной деятельности. Статья 6 Конвенции определяет перечень правонарушений, связанных с «отмыванием» средств.

Как следует из положений Страсбургской конвенции и рекомендаций Специальной финансовой комиссии по проблемам отмывания денег, подготовленных в 1990 году, отмывание денежных средств и иного имущества – это процесс, в ходе которого средства, полученные в результате незаконной деятельности, то есть различных правонарушений, помещаются, переводятся или иным образом пропускаются через финансово-кредитную систему (банки, иные финансовые институты), либо на них (вместо них) приобретается иное имущество, либо они иным образом используются в экономической деятельности и в результате возвращаются владельцу в ином «воспроизведенном» виде для создания видимости законности полученных доходов, сокры-

тия лица, инициировавшего данные действия и (или) получившего доходы, а также противозаконности источников этих средств.

По поводу самого существования в термина «отмывание», который употребляется как равнозначный понятию «легализация» высказываются критические замечания. Так, по мнению А. С. Босколова у этих терминов нет общих оснований ни грамматических, ни логических, ни правовых, они из разного понятийного ряда. «Отмывание» он считает сленговым выражением, которое неприменимо ни в науке, ни в социальном процессе криминализации деяний [2].

В. Д. Ларичев понимает под отмыванием процесс, при котором «грязные» деньги, обычно наличные, полученные в ходе преступной деятельности, пропускаются через банковскую систему таким образом, что превращаются в «чистые» деньги, то есть им придается видимость законных доходов, в связи с чем не представляется возможным установить лицо, явившееся инициатором сделки, или преступное происхождение этих средств [4].

С. Б. Чернов понятие легализации (отмывания) доходов, полученных незаконным путем, понимает как умышленное придание правомерного вида пользованию, владению или распоряжению финансовыми средствами, иным имуществом [12].

Ю. В. Коротков считает, что легализацией (отмыванием) незаконных доходов является умышленное сокрытие их происхождения путем искажения информации о подлинном характере доходов, источнике, местонахождении, праве собственности на доходы либо иных прав на них, совершение сделок с незаконными доходами в целях последующего ввода их в юридически легальном (правомерном) виде в различных формах (приобретение движимого или недвижимого имущества, инвестирование в легальную экономическую деятельность и т.д.) в официальный экономический оборот [6].

Б. В. Волженкин легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества рассматривает как «различные действия (финансовые операции, другие сделки), осуществляемые с целью скрыть наличие и (или) происхождение имущества, полученного таким способом для того, чтобы затем извлекать из него доходы» [3].

Обобщая научные суждения и практические определения, Уканов Г.К. выделяет следующие два обязательных признака: первый – совершение действий (финансовых операций или сделок) с преступными доходами; второй – цель действия – придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению такими доходами [11].

В Законе РК от 28.08.09 г. «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма» легализация определяется как вовлечение в законный оборот денег и (или) иного имущества, полученного незаконным путем, посредством совершения сделок, а равно использование указанных денег и (или) иного имущества. Такое определение представляется нам не в полной мере описывающим суть процесса легализации. Более ёмким и близким к мировому стандарту в этом плане выглядит данное в п.10 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 года № 2 «О некоторых вопросах квалификации преступлений в сфере экономической деятельности», которое определяет легализацию как любую форму выпуска в обращение полученных заведомо незаконным путем неподдельных денег или иного в действительности существующего имущества, с официальным приданием им статуса имущества законно находящегося в обороте. Таким образом можно сделать вывод об отсутствии единого определения «легализации» не только в мировом пространстве, но и в действующем национальном законодательстве. При этом считаем, что единообразное понимание и применение определения «легализация» как в национальном, так и в мировом правовом поле явилось бы желаемым результатом. Кроме того, в международном законодательстве вообще нет слова «легализация», а применяется термин «отмывание», который в настоящее время един и понятен всем специалистам, экспертам и ученым, и просто обывателям, кроме того закреплен законодательно на международном уровне. Так, в толковом словаре С. И. Ожегова дается следующее определение: «легализовать» – перевести на легальное положение. Здесь необходимо отметить, что термин «легализация» как раз подходит по смыслу к принятым ранее двум законам: Закон Республики Казахстан от 02.04.2001 г. «Об амнистии граждан Республики Казахстан в связи с легализацией ими денег» и Закон Республики Казахстан от 05.07.2006 г. «Об амнистии в связи с легализацией имущества», в которых как раз идет речь о легализации – как о введении денег и имущества в правовое поле, после чего такое имущество и деньги могут быть используемы гражданами на вполне законных основаниях, во всех имущественных, товарно-денежных, кредитно-финансовых, и иных гражданско-правовых отношениях, независимо от формы и способа их осуществления.

В этой связи, считаем целесообразным ввести в уголовное законодательство понятие «отмывание» и дать расширенное толкование объективной стороне деяния. Современное Казахское законодательство, регулирующие вопросы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, нуждается в существенной корректировке в соответствии с мировыми стандартами. В нормативные акты необходимо включить требования о либерализации режима банковской и коммерческой тайны в целях борьбы с отмыванием денег и конфискации доходов, полученных преступным путем. Следует детально проработать формы и процедуры международного сотрудничества государств и организаций, учитывающих специфику данной деятельности. Она должна осуществляться в рамках мероприятий, направленных на разработку национальной стратегии противодействия отмыванию денег и создания системы международного финансового кон-

троля в банковской сфере и иных финансово-кредитных институтах развитых стран.

Одна из главных задач криминологического исследования это изучение причин преступлений. Существует два подхода к такому изучению: 1) анализ крупных социальных явлений для вычленения из них криминологических детерминант или факторов преступности и установление их взаимосвязи с преступным поведением [8]; 2) анализ преступного поведения, выявление его генезиса, внешних и внутренних обстоятельств, которые его определяют и тем самым выступают в качестве причин и условий, способствующих совершению конкретного преступления. В теории их иногда называют социологическим и психологическим подходами (макро- и микрокриминологией) [7]. И тот и другой методы необходимы для получения представления о причинах отдельного преступления. Переход от общего к индивидуальному, и наоборот, чрезвычайно важен, в первую очередь, для предупреждения преступности, так как позволяет выявлять те узловые моменты, которые подлежат наиболее серьезному воздействию [1]. Изучение причин легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, предполагает теоретический анализ, по меньшей мере, на трех уровнях: общесоциальном – исследование базисных явлений и процессов, обращение к философским, политико-экономическим категориям; социологическом – рассмотрение социальных, экономических, политических и духовных явлений; индивидуальном – изучение нравственных и психологических причин совершения конкретного преступления. Исходя из этого, основные факторы, воздействующие на рассматриваемые преступления, могут быть классифицированы на следующие группы: 1) политико-экономические факторы, опосредованно воздействующие на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем; 2) социально-правовые факторы, влияющие на сферу, в которой непосредственно легализуются (отмываются) доходы; 3) нравственно-психологические факторы, определяющие соответствующее преступное поведение.

Мощным политическим фактором, детерминирующим распространение легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем, является то, что политическая система Республики, которая все еще продолжает находиться в стадии становления, еще не выработала жизненно необходимых ей навыков и рефлексов, в том числе в сфере борьбы с преступностью. В то же время в определенных политических кругах сознательно сдерживается развитие здоровых элементов хозяйственной системы и прогрессивных экономических отношений, идет активное лоббирование интересов субъектов теневой экономики, незаинтересованных в создании эффективного механизма противодействия легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем. Активное вторжение в сферу экономики и политики организованной преступности и коррумпированных чиновников ведет к концентрации огромных денежных средств и имущества в руках небольших групп людей и обнищанию значительной части общества, и мешает созданию «среднего слоя» собственников. Другим важным экономическим фактором, оказывающим существенное влияние на процесс легализации денежных средств или иного имущества, является крупномасштабное распространение «теневой экономики», которая стала основным производителем и потребителем «грязных денег». Широкое распространение «теневой экономики» немислимо без органически важного в ее обороте процесса легализации преступных доходов, поскольку она, во-первых, выступает заказчиком неучтенных денежных средств, во-вторых, крупнейшим производителем нелегальных доходов. Влияние этого фактора стимулирует процесс легализации преступных доходов, расширение его масштабов. Преступная деятельность, приносящая доходы, выпадает из сферы, регулируемой экономическими законами и принципами. А деньги, полученные подобным образом, тратятся на приобретение товаров и услуг, внедряясь в легальный экономический оборот, и, следовательно, вызывают нарушения равновесия (рост цен, инфляцию и т.п.), так как они никак не учитываются и прогнозируются.

Для социального равновесия особую актуальность приобретает выявление, устранение социальных противоречий, особенно в условиях быстро протекающих социальных процессов, ведущих к быстрым изменениям как характера отношений между людьми, так и социальных ролей, и социального взаимодействия. В научной криминологической литературе существует уже устоявшееся мнение о том, что негативные социальные условия и есть причина преступности, так как они (условия) ее (причину) порождают [4]. Социальными факторами, влияющими на развитие преступности могут быть: 1) несоответствие между производством и потреблением; 2) противоречие в видах и формах труда; 3) различия в материальном обеспечении; 4) противоречие в обеспечении законности. Было бы ошибочным считать, что неравенство доходов является следствием только неэффективности перераспределительных процессов. Оно является в большей степени результатом неравного распределения частной собственности на средства производства, которое несет на себе следы социальных институтов (права собственности и наследования) и испытывает влияние социальных факторов (отношений между социальными группами). Социальные нормы призваны следующую задачу из трех элементов: 1) формирование у различных групп населения таких уровней благосостояния, дифференциация которых не противоречила бы принципам социальной справедливости; 2) создание в обществе таких механизмов формирования благосостояния, которые бы стимулировали население к эффективному труду, развитию экономики; 3) удовлетворение разумных материальных потребностей всех членов общества в размерах, максимально способствующих развитию человеческой личности. Для социального равновесия особую актуальность приобретает выявление и устранение социальных противоречий, особенно в условиях быстро протекающих социальных процессов, ведущих к быстрым изменениям как характера отношения между людьми, так и социальных ролей, и социального взаимодействия.

Немаловажная роль в детерминировании процесса легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем, принадлежит нравственно-психологическим факторам. Без понимания современного нравственно-психологического состояния общества любые мероприятия по противодействию преступности могут оказаться малоэффективными. Немаловажным фактором духовно-нравственного характера, существенно влияющим на процесс легализации преступных доходов, стала пропаганда культа обогащения любыми средствами, распространение среди населения традиций уголовного мира. Легализация доходов, полученных преступным путем, рассматривается в качестве одной из естественных составных частей современной банковской деятельности.

К числу причин легализации преступных доходов можно отнести и общие причины преступности, названные В. В. Луневым: системный кризис, разложение структуры ценностей, аномия, господство корыстной политики над законом, отсутствие политической воли у властей, выгодность безнаказанности для нарождающейся ненасытной правящей, политической и экономической элиты, умышленный развал системы уголовной юстиции и т.д. [10].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Политико-экономический подход к рассматриваемой проблеме позволяет сделать следующий вывод: легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем, ведет к нарушению экономического равновесия и через разрушение важнейших принципов свободного предпринимательства: конкуренции, свободного ценообразования, равных стартовых условий для всех хозяйствующих субъектов.
2. Для социального равновесия особую актуальность приобретает выявление и устранение социальных противоречий, особенно в условиях быстро протекающих социальных процессов, ведущих к быстрым изменениям как характера отношения между людьми, так и социальных ролей, и социального взаимодействия.
3. Без понимания современного нравственно-психологического состояния общества любые мероприятия по противодействию преступности могут оказаться малоэффективными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Ю. М. Причины преступного поведения / Ю. М. Антонян. – М., 1992. – С. 20.
2. Босхолов, А. С. Уголовная ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Автореф. Дис. ... канд. Юрид. наук : 12.00.08 / А. С. Босхолов. – Иркутск, 2005.
3. Волженкин, Б. В. Экономические преступления. / Б. В. Волженкин. – СПб., 1999. – С. 107
4. Гернет, М. Н. Социальные факторы преступности / М. Н. Гернет. – М., 1997. – С. 89.
5. Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан (особенная часть) Кн.2 / 2-е изд. Доп. И перераб. Под ред. И. И. Рогова, С. М. Рахметова. Алматы, 2007.
6. Коротков, Ю. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с легализацией незаконных доходов : автореф. Дис. ... канд. Юрид. наук : 12.00.08 / Ю. В. Коротков. – М., 1998.
7. Кудрявцев, В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учебное пособие / В. Н. Кудрявцев. – М., 1998. – С. 3.
8. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации / Н. Ф. Кузнецова. – М., 1984.
9. Ларичев, В. Д. Правовые меры борьбы с отмыванием незаконных доходов / В. Д. Ларичев // Законодательство и Экономика. – 1999. – № 11 (189). – С. 32–36.
10. Лунеев, В. В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2003. – № 7. С. 106–111.
11. Уканов, Г. К. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем : дис. ... канд. Юрид. наук : 12.00.08 / Г. К. Уканов. – Астана, 2008.
12. Чернов, С. Б. Отмывание криминального капитала как угроза экономической безопасности. ВИПК МВД России. / С. Б. Чернов. – 2006. – Домодедово.
13. President's Commission on Organized crime. The each connection, 1984, S. 7

Материал поступил в редакцию 08.10.14.

MONEY LAUNDERING: THE CONCEPT AND CONDITIONS FACILITATING THE COMMISSION OF THE CRIME

A.K. Mussin, Doctoral Candidate
Academy of the Financial Police (Astana), Kazakhstan

Abstract. The scientific article is devoted to the problems of money laundering. The methods of rather-legal analysis, synthesis, and abstraction are used. The goal of the scientific article is to determine the definition and the causes facilitating money laundering, and also solutions to this range of problems.

Keywords: money laundering, criminology, economic crimes, shadow economy.

УДК 343.43

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ВИНУ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Р.З. Симомян, кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения
Курский государственный медицинский университет (Курск), Россия

***Аннотация.** В данной статье рассматривается проблема обстоятельств, исключающих общественную опасность и противоправность деяний в области здравоохранения. Автор считает важным отметить, что исключить уголовную ответственность могут только обстоятельства, прямо предусмотренные Уголовным кодексом. В теории уголовного права под обстоятельствами, исключающими преступность деяния, принято понимать такие обстоятельства, при которых действия лица хотя и причиняют вред интересам личности, общества или государства, но совершаются с общественно полезной целью и не являются преступлениями в силу отсутствия общественной опасности, противоправности или вины. Автор приходит к выводу, что вопрос о правомерности обоснованности подобных рискованных действий, как правило, возникает при неблагоприятном исходе оказания медицинской помощи, что часто требует надлежащей оценки действий медицинского персонала. Следует отметить, что существующее законодательство в области здравоохранения не раскрывает понятия медицинского риска, условий его обоснованности. Это создает реальные проблемы в оценке деятельности медиков в допустимых ими рискованных ситуациях. В связи с этим возникают трудности, как у медицинских работников, так и в правоприменительной практике.*

***Ключевые слова:** обстоятельства, исключающие преступность; уголовная ответственность; уголовный кодекс; общественно опасные деяния.*

Уголовный кодекс как источник уголовного законодательства устанавливает конкретное общественно опасное деяние, т. е. преступление, и приводит уголовную ответственность за него. Между тем он содержит и такие статьи, которые, учитывая особенность обстоятельств или случайное действие, несмотря на очевидные признаки преступления не является таковым, и лицо его совершившее, освобождается от уголовной ответственности. Закон предусматривает такую возможность, чтобы учесть влияние определенных условий на характер действий или бездействия лица, чтобы дать возможность лицу выполнить обязанность даже путем нарушения закона и избежать уголовной ответственности. Такие обстоятельства встречаются в работе представителей ряда профессий, в том числе и медицинской. Особенно это касается таких специальностей, как хирургия, акушерство и гинекология, реаниматология и др.

В медицине для устранения основной опасности и достижения цели – спасения жизни или причинения вреда здоровью больного – иногда приходится действовать в условиях крайней необходимости. Это предусмотрено статьей 39 УК РФ «Крайняя необходимость» в части 1 этой статьи отмечается: «...не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости». В части 2 подчеркивается, что «превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно несоответствующего характера и степени угрожавшей опасности, и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда».

Наиболее часто правомерные медицинские вмешательства, влекущие неблагоприятные для больного последствия, соответствуют условиям обоснованного крайней необходимости, для выявления которой необходим тщательный анализ медицинского происшествия.

Так, Гр-ка Я., 28 лет, страдающая врожденным пороком сердца, забеременела и решила выносить беременность. Однако по прошествии 22 недель беременности состояние ее резко ухудшилось, и было принято решение прервать беременность по медицинским показаниям. Это, несмотря на поздний срок беременности, было правомерно в связи с тем, что ее диагноз входит в перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности. Во время операции выскабливания, проходившей под общим наркозом, произошла перфорация матки с обильным кровотечением, и для спасения жизни женщины, с учетом ее заболевания, матку удалили. Письменного согласия, учитывая состояние наркоза больной, оформлено не было. После выписки из больницы гр-ка Н. обратилась в суд с иском на врачей, лишивших ее материнства. Однако, основываясь на заключении судебно-медицинских экспертов, суд отклонил иск, так как врачи, устраняя непосредственную угрозу жизни, при условии крайней необходимости и отсутствии альтернативных возможностей спасли ее жизнь, удалив матку – источник обильной кровопотери. Истица, ссылаясь на отсутствие ее письменного согласия на

удаление матки, требовала возмещение ущерба, однако суд, отметив, что нарушения статьи 20 ФЗ «Об основах...», с учетом конкретных обстоятельств и на основании результатов судебно-медицинской экспертизы, признал действия врачей правильными и в иске отказал.

Истинная грозящая опасность должна быть: наличной (в данном случае обильная кровопотеря), т. Е. непосредственно угрожающей причинением тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни; быть действительной, т. Е. реально существующей, а не мнимой; не устранимой другими средствами, кроме использованной врачами (удаление источника опасной острой кровопотери). Наконец, еще одно условие состоит в том, чтобы реально нанесенный вред (удаление матки) был менее значителен, чем тот, из-за которого он причинен.

Не менее часто в медицинской практике встречается еще одно обстоятельство, при котором совершенное преступное деяние не является преступлением, – это обоснованный риск. Профессия врача (и особенно некоторые ее специальности, как сказано выше) предусматривает риск, ибо главная его задача – оказание помощи больному, что нередко требует неординарных действий с учетом древней заповеди «не навреди».

Возможность использовать право на риск гарантирована врачу или другому медработнику, являющемуся источником, порождающим опасность причинения вреда правоохраняемым интересам пациента, статьей 41 УК РФ «Обоснованный риск».

В ней прямо отмечается, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. Риск признается обоснованным, разъясняется во второй части статьи, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Отсутствие этой статьи в УК РФ ограничивало бы действия медицинского работника во вред пациенту потому, что он при наличии риска бездействовал бы или выбирал менее опасные, но ненадежные методы. Многие медицинские работники осознанно идут на риск и, обоснованно рискуя, оказывают необходимую помощь во спасение больного. При этом вынужденно нанося вред его здоровью, зная, что закон освобождает их от уголовного преследования, даже при наступлении тяжких последствий. Однако оправданность медицинского работника в конкретной сложившейся ситуации, согласно этой статье, может быть законной только в том случае, если соблюдаются определенные условия и правильно составлена документация, обуславливающая и доказывающая правомерность риска.

Прежде всего рискованные действия должны быть направлены только для достижения общественно полезной цели, к которым в медицинской практике, конечно, относятся сохранение жизни и здоровья пациента или причинение меньшего вреда здоровью по сравнению с имеющимся. При этом выгода должна касаться не медика, а только его пациента. Риск правомерен, если цель не могла быть достигнута нерискованным обычным способом, и врач использовал эту возможность, не получив желаемого результата. Объективный критерий, прежде чем рискованное решение принимается, включает учет всех мер предосторожности, разработанных современной наукой и практикой и предусмотренных специальными инструкциями для обеспечения безопасности. Это особенно важно в хирургических специальностях.

Бывают ситуации, когда медицинский работник, решаясь на рискованное действие, ошибается в расчетах и наступивший вред оказывается большим, чем он мог бы быть при нерискованных действиях. Такой исход расценивается как превышение пределов обоснованного риска вследствие неосторожности в виде самонадеянности, за что может наступить уголовная ответственность, хотя и при смягчающем вину обстоятельстве.

Вообще обоснованный риск, в отличие от крайней необходимости, носит лишь вероятностный характер, когда причиненный вред возможен, но необязателен, в то время как при обстоятельствах крайней необходимости вред причиняется умышленно для достижения главной цели – устранения большей опасности.

О риске в новом Законе «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» сказано крайне недостаточно. Нужны уточнения формулировки, ибо рискованные действия подразумевают выход за рамки устаревших нормативов и правовых норм, а это является формальным признаком неправомερных действий и основанием для пересмотра существующих норм. Актуально принять предложения ряда ученых о степенях риска: 1) незначительная, 2) умеренная, 3) относительно умеренная, 4) значительная, 5) чрезвычайная, обозначаемых в зависимости от некоторых факторов в примерных баллах.

Пример из экспертной практики, в котором очевидность нанесения вреда вызвала подозрение в неправомерности действий врача и обосновала жалобу и назначение судебно-медицинской экспертизы. Однако обстоятельства, которые были доказаны экспертной комиссией, позволили следователю обратиться к статье 43 УК РФ, доказать обоснованность риска и тем самым исключить преступление.

Так, врач-терапевт сельской участковой больницы машиной скорой помощи доставляла травмированного после наезда автомашины пятилетнего ребенка в травматологическое отделение областной больницы. В пути следования состояние ребенка резко ухудшилось, проявились клинические признаки критического состояния. Решив, что наступит смерть, врач не бездействовала, а решила произвести катетеризацию подключичной артерии и начать инфузионную терапию прямо в машине во время следования, чтобы быстрее доставить ребенка в специализированное учреждение. В областную больницу ребенок был доставлен живым, но в тяжелом состоянии с АД 80 на 40. Несмотря на принятые меры к концу суток появились признаки резкого ухудшения состояния, и наступила смерть. При вскрытии обнаружены признаки закрытой травмы груди с переломами ребер, ушибом сердца, кровоизлиянием в ткань левого легкого. Кроме того, выявлены признаки патологии терапии – сквозной прокол правой подключичной вены и верхушки легкого,

наличия в правой плевральной полости до 800ш жидкости (инфузионного раствора). Эксперты, установив причину смерти – тяжелая травма груди, указали на повреждение легкого при катетеризации. Вместе с тем они обратили внимание на необходимость, с одной стороны, срочной доставки больного в специализированное учреждение, с другой, на оказание реанимационной помощи в виде катетеризации ребенка в тяжелом состоянии. Последняя проводилась в неблагоприятных условиях, при которых врач не устранился, а пошел на рискованное действие.

Подобные осложнения, к сожалению, нередки, но в нормальных условиях стационара, когда врач, прошедший специализацию по анестезиологии, допускает подобные осложнения, это может расцениваться как неосторожное действие, причинившее смерть больного, т. Е. преступное действие. В данном случае имели место обстоятельства, исключающие преступность. Это справедливо, ибо осуждение врача приведет к его бездействию, особенно в неприспособленных условиях.

К статье 28 УК РФ «Невиновное причинение вреда» относят причинение вреда, когда лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий либо не предвидело наступления таких последствий и по обстоятельствам дела не могло их предвидеть. Другим видом невиновного причинения вреда по этой статье могут быть случаи, когда лицо, его совершившее, хотя и предвидело наступление опасных последствий своих действий, но в силу экстремальных условий или несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам, в которых оно находилось, не могло их предотвратить. Подобные обстоятельства тоже бывают в медицинской практике.

Редким примером может быть случай, когда после тяжелого ночного дежурства хирургу сельской участковой больницы, не сомкнувшему глаз, пришлось приступить к экстренной многочасовой операции доставленного травмированного после ДТП больного. При этом критическое состояние больного, неожиданно встретившаяся аномалия сосудов привели к трудностям по остановке кровотечения и другим осложнениям, что привело к неблагоприятным последствиям. Это обстоятельство и субъективное состояние врача являлись критерием его невиновности.

Следует отметить, что во всех подобных случаях на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства основанием для признания отсутствия вины или невиновного причинения вреда является заключение комиссионной судебно-медицинской экспертизы с участием высококвалифицированных специалистов, которое может быть положено в основу обвинительного заключения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Акопов, В. И. Медицинское право : современное здравоохранение и право граждан на охрану здоровья / В. И. Акопов. – Ростов н/Д : Феникс, 2012.
- 2.Акопов, В. И. Правовое регулирование деятельности медицинского персонала : учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб / В. И. Акопов. – Ростов н/Д : Феникс, 2014. – С. 265–272.
- 3.Бедрин, Л. М. Ответственность медицинских и фармацевтических работников за профессиональные правонарушения / Л. М. Бедрин. – Ярославль, 1996. – С. 31.
- 4.Конституция Российской Федерации
- 5.Леонтьев, О. В. Нарушения норм уголовного права в медицине / О. В. Леонтьев. – СПб. : СпецЛит, 2002. – С. 13.
- 6.Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Проф. Б. В. Здравомыслова. – М. : Юристъ, 2002.
- 7.Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

Материал поступил в редакцию 22.09.14.

CIRCUMSTANCES THAT EXCLUDE THE GUILT OF MEDICAL WORKER WHO HAVE COMMITTED PROFESSIONAL CRIME

R.Z. Simonyan, Candidate of Historical Sciences, Senior Teacher,
Department of Public Health and Healthcare
Kursk State Medical University (Kursk), Russia

Abstract. *This article deals with the problem of the circumstances that exclude the public danger and wrongfulness in the field of health. The author considers important to notice that only circumstances expressly provided by the Criminal Code can exclude criminal liability. The theory of criminal law understands the circumstances excluding criminality as circumstances in which the person's actions harms the interests of the individual, society or the state, but are committed to a socially useful purpose and does not constitute a crime because of the lack of public danger, unlawfulness or guilt. The author concludes that the question of legality of such risky actions validity usually occurs in the situation of an adverse outcome of medical care, which often requires a proper assessment of the actions of medical staff. It should be noted that the existing legislation in the field of health care does not disclose the concept of medical risk and the conditions of its validity. This creates a real problem in assessing the performance of physicians admitted their risky situations. In this regard, there are difficulties, as among health care workers, as well as in law enforcement.*

Keywords: *circumstances excluding crime; criminal liability; Criminal Code; socially dangerous acts.*

УДК 34

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ СТАТУСА АДВОКАТА И ПОДГОТОВКИ К АДВОКАТУРЕ

Ю.И. Соловьева¹, О.В. Поспелов²

¹ аспирант, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

² научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Вологда), Россия

***Аннотация.** В статье дается описание вопросов, касающихся приобретения статуса адвоката. Установленные высокие требования к лицам, допускаемым к адвокатской деятельности, обусловлены тем, что адвокат в своей профессиональной деятельности оказывает содействие государству в выполнении его конституционных обязательств по обеспечению граждан квалифицированной юридической помощью. В статье также приведены примеры регулирования вопроса допуска к адвокатской практике в законодательстве некоторых зарубежных стран (на примере Германии), подчеркивается необходимость повышения внимания к вопросам подготовки к адвокатуре в России.*

***Ключевые слова:** правовой статус адвоката, допуск к адвокатской практике в зарубежных странах, подготовка к адвокатуре в России, квалификационный экзамен, квалифицированная юридическая помощь.*

Несомненно, важнейшая роль в обеспечении законности в нашем государстве принадлежит адвокатуре, которая на протяжении всей истории своего существования выполняла свое главное предназначение – защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц [3]. Известный дореволюционный ученый и адвокат Е. В. Васильковский в одной из своих работ («Организация адвокатуры. Очерк всеобщей истории адвокатуры», СПб, 1893) писал: «Общество ценит и уважает адвокатов преимущественно потому, что видит в них борцов за свои драгоценнейшие права, защитников жизни, свободы и чести граждан» [1]. По мнению М. М. Винавера, «адвокат, исполняющий свой долг, отстаивающий закон, борющийся в рамках этого закона, опирающийся твердо на начала, провозглашенные судебной реформой, действует на принципах, защита которых составляет жизненную задачу адвокатуры» [6]. Выполнение адвокатом вышеуказанных задач возможно только при наличии высокого профессионального уровня (обладание основательными теоретическими знаниями и практическими навыками, а именно: способностью применить полученные знания на практике, быстро и правильно разрешать сложные юридические ситуации). Кроме того, немаловажно наличие у адвоката системы профессиональных идеалов и моральных ценностей, без которых невозможна его работа. Рассмотрим современные требования, предъявляемые к лицам, желающим получить статус адвоката в Российской Федерации.

В соответствии со ст. 2 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатом является лицо, получившее в установленном законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Согласно ст. 9 указанного закона, статус адвоката в Российской Федерации вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное в имеющем государственную аккредитацию образовательном учреждении высшего профессионального образования, либо ученую степень по юридической специальности. Указанное лицо также должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании в сроки, установленные настоящим законом. Помимо этого, лицо, претендующее на приобретение статуса адвоката, должно сдать квалификационный экзамен (ст. 10, 11) [10]. Квалификационный экзамен является средством установления того, действительно ли претендент обладает знаниями, соответствующими его образованию.

Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации утверждено Положение «О порядке сдачи квалификационного экзамена и оценки знаний претендентов» [7], регламентирующее условия допуска к квалификационному экзамену и порядок его сдачи, а также разработан Перечень вопросов, предлагаемых претендентам¹. Квалификационный экзамен, согласно указанным документам, состоит из двух частей – письменных ответов на вопросы либо тестирования и устного собеседования. Вместе с тем, законодательство, регулирующее условия приобретения статуса адвоката, не содержит четких критериев, по которым должны оцениваться знания претендента; кроме того, не регламентирован перечень дополнительных вопросов, которые вправе задать претенденту квалификационная комиссия. На практике – это любые вопросы из 445, указанных в перечне. Представляется, что данный момент должен быть урегулирован на законодательном уровне во избежание спорных вопросов в работе квалификационных комиссий и в целях обеспечения принципа равенства адвокатов (а именно, равного доступа к профессии адвоката). Представляется также целесообразным установление объема вопросов для сдачи экзамена, при котором в билеты для устного экзамена будут включены не более 150 вопросов, соответствующих определенной специализации адвоката, а остальные вопросы могут быть рекомендованы для тестов. С. Пепеляев считает, что «нужно перестать считать, что адвокат и швец, и жнец, и на дуде

игрец. То есть, он может и уголовное дело провести, и бракоразводный процесс, и хозяйственный спор разрешить. Есть такие «умельцы», которые, казалось бы, всюду поспевают, а на самом деле нигде. У адвокатов, как и у врачей, должна быть своя узкая направленность. Это касается и экзаменов» [6]. По нашему мнению, экзамен также должен включать решения практической задачи и составление процессуального документа в целях выявления у претендента способности применять полученные знания на практике.

В целях реализации объективного подхода квалификационных комиссий при оценке соответствия лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката, требованиям, установленным Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», *предлагается система критериев, по которым должен оцениваться претендент, сдающий квалификационный экзамен:*

– лицо, претендующее на приобретение статуса адвоката, должно обладать основательными теоретическими знаниями;

– лицо, претендующее на приобретение статуса адвоката, должно обладать практическими навыками, а именно способностью применить полученные знания на практике, быстро и правильно разрешать сложные юридические ситуации;

– лицо, претендующее на приобретение статуса адвоката, должно обладать оригинальным (творческим) профессиональным мышлением (способность лица, претендующего на приобретение статуса адвоката, предложить несколько вариантов разрешения юридической проблемы, оценить целесообразность применения каждого из них в конкретной юридической ситуации, предложить наиболее эффективный и выгодный вариант; способность лица, претендующего на приобретение статуса адвоката, иметь свое мнение при ответе на сложные юридические вопросы, аргументировать свою точку зрения, грамотно обосновывать и отстаивать свою позицию);

– лицо, претендующее на приобретение статуса адвоката, должно обладать безупречной репутацией (наличие у данного лица системы профессиональных идеалов и моральных ценностей, без которых невозможна работа адвоката: нетерпимость к проявлениям несправедливости, ориентированность на содействие в реализации прав и свобод человека и гражданина при оказании юридической помощи, недопустимость формального отношения к своим профессиональным обязанностям, участие и желание помочь при обращении конкретного лица за оказанием юридической помощи, уважение к правам человека).

Следует отметить, что законодательство некоторых зарубежных стран также предусматривает установление достаточно высоких критериев для допуска к адвокатской практике. Так, в Германии к адвокатской деятельности допускается только тот, кто в соответствии с законом о судостроительстве может быть признан пригодным к исполнению судебных обязанностей. Кроме того, в Германии существует система подготовки к адвокатуре. Соискатель, имеющий высшее юридическое образование, должен прослушать курс права в течение 6 семестров в одном из университетов Германии. Затем он должен успешно сдать два специальных экзамена. Первый экзамен можно назвать «выпускным», поскольку сдается он в том учебном заведении, в котором обучался будущий судья или адвокат. Следующий этап – стажировка (от трех с половиной до четырех лет) в органах суда, прокуратуры, нотариата или адвокатуре. После окончания стажировки наступает время для сдачи второго экзамена. Этот экзамен проводится под эгидой министерства (управления) юстиции соответствующей административной территории (земли). Именно министерство (управление) разрабатывает программу экзамена и формирует «экзаменационные билеты», издает методические пособия, создает экзаменационную комиссию. Это уже не экзамен на знания, а экзамен на практические навыки, на овладение профессией. Сдавший его, может стать и судьей, и адвокатом [8].

В Российской Федерации имеет место необходимость повышения внимания к вопросам системы подготовки к адвокатуре. Согласно данным Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей к дисциплинарной ответственности привлечено 5 341 адвокат. Прекращен статус 867 адвокатам, в том числе по требованию органов юстиции – 41. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей при осуществлении защиты по уголовным делам в порядке ст. 50 и 51 УПК РФ в 2011–2012 гг. к дисциплинарной ответственности привлечено 672 адвоката, в отношении 28 адвокатов статус был прекращен. Таким образом, можно выделить проблему качества юридической помощи, оказываемой адвокатами [5]. Можно с уверенностью сказать, что указанные нарушения вызваны, в основном, недостаточной профессиональной подготовкой адвокатов.

В соответствии с п. 4 ст. 29 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокатские палаты субъектов Российской Федерации обязаны осуществлять контроль за профессиональной подготовкой лиц, допускаемых к осуществлению адвокатской деятельности. Однако, порядок прохождения лицами, допускаемыми к осуществлению адвокатской деятельности, профессиональной подготовки, не регламентирован законодательно, как не определено и в чем заключается данная подготовка. *Предлагается следующая система подготовки к адвокатуре.* Начнем с института стажировки. Согласно ст. 28 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», стажерами адвоката могут быть лица, имеющие высшее юридическое образование. Стажер адвоката осуществляет свою деятельность под руководством адвоката, выполняя его отдельные поручения. Стажер адвоката не вправе самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью. Стажер адвоката обязан хранить адвокатскую тайну. По данным практики адвокатских палат, со стороны стажеров допускаются нарушения закона и норм профессиональной этики. На их действия поступают жалобы. Самое распространенное нарушение: самостоятельное ведение дел стажерами. Кураторы – адвокаты, в

свою очередь, ссылаются на то, что стажеры ведут дела как физические лица. Как отмечает Президент адвокатской палаты Вологодской области С.С. Иванов, подобная ссылка неправомерна, поскольку, получив статус помощника или стажера, это лицо выступает в отношениях с третьими лицами именно в этом качестве, а не как физическое лицо. Имеют место и случаи разглашения адвокатской тайны со стороны стажеров адвокатов [4]. Предлагается установление для стажеров адвоката экзамена, который может проводиться адвокатом-куратором, при поступлении стажера в адвокатское образование. Данный экзамен должен освещать базовые направления адвокатской деятельности, этику адвоката. Экзамен может своевременно выявить пробелы в знаниях стажера и определить направления совершенствования его теоретической подготовки при прохождении стажировки. Это позволит вызвать у стажера стремление к повышению уровня знаний, приведет к осознанию роли будущей профессии, будет способствовать более серьезному отношению к основам адвокатской деятельности, выработке необходимых моральных качеств, а также выступит в качестве превентивной меры по отношению к совершению стажером нарушений норм законодательства и адвокатской этики.

По мнению И. И. Степанова, «сплоченная сознанием своего единства, связанная общностью дела и интересов адвокатура живет своей особой жизнью, вырабатывает особые взгляды на задачи и цели своей деятельности, на способы их осуществления, на взаимные отношения своих членов и на отношения их к клиентуре и суду. Выработанные таким путем правила обращаются в обычаи, объединяя отдельных членов сословия, дают их объединению известный нравственный облик, определенную моральную физиономию. Этим порядком создаются особые правила адвокатской дисциплины, правила профессионального поведения и так называемой адвокатской этики» [9]. На наш взгляд, целесообразно предоставить право стажерам адвокатов на окончательных этапах стажировки принимать участие в конференциях адвокатов (без права голоса). Это будет способствовать формированию у данных лиц системы профессиональных идеалов и моральных ценностей. Кроме того, если стажер показал за время прохождения стажировки высокий уровень знаний, не нарушал этических правил, и, по мнению куратора-адвоката, способен к осуществлению самостоятельной адвокатской деятельности, ему может быть предоставлена возможность самостоятельного ведения дела под руководством адвоката. Данное положение следует закрепить на законодательном уровне.

Установление обязательной для всех стажировки для приема в адвокатуру, как в ряде зарубежных стран, считаем нецелесообразным, поскольку лица, получившие стаж работы по юридической специальности, необходимой для приобретения статуса адвоката (например, в качестве судьи, нотариуса и т.д.) приобретают необходимые практические навыки в рамках осуществления профессиональных обязанностей в указанных должностях.

Считаем необходимым в рамках подготовки к адвокатской деятельности обязательное участие как стажеров адвокатов, так и иных лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката (независимо от стажа работы по юридической специальности), в конференциях, семинарах и круглых столах, проводимых адвокатскими палатами и ведущими юридическими вузами страны. Это первый и один из основных этапов подготовки к адвокатуре, включающий совершенствование теоретических знаний указанных лиц, а также формирование практических навыков по разрешению юридических задач, способности выражать свое мнение при ответе на сложные юридические вопросы, аргументировать свою точку зрения, грамотно обосновывать и отстаивать свою позицию.

Следующим этапом является проверка практических навыков претендента на приобретение статуса адвоката, а именно, сдача квалификационного экзамена, включающего тестирование по разным отраслям права, решение практической задачи и составление процессуального документа. Такой экзамен позволит выявить у претендента способности применять полученные знания на практике.

К адвокатуре на протяжении всей истории ее существования предъявлялись самые высокие требования, в том числе с точки зрения профессионализма, этики и стандартов поведения. Для того чтобы и в настоящее время адвокаты оставались эталоном профессионалов, оказывающих именно квалифицированную юридическую помощь, обладающих безупречной репутацией, необходима разработка системы подготовки к адвокатской деятельности, установление на законодательном уровне четких критериев, по которым должен оцениваться претендент, сдающий квалификационный экзамен, сосредоточение внимания на практической направленности данного экзамена.

Приложение

1. «Перечень вопросов для включения в экзаменационные билеты при приеме квалификационного экзамена от лиц, претендующих на приобретение статуса адвоката» (Утвержден решением Совета ФПА РФ 30 ноября 2010 г. (протокол № 7)) // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васьковский, Е. В. Организация адвокатуры. Часть 1. Очерк всеобщей истории адвокатуры / Е. В. Васьковский – СПб, 1893. – 396 с.
2. Винавер, М. М. Адвокатура и правовое государство / М. М. Винавер // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1905. – № 13. – С. 989.
3. Кучерена, А. Г. Адвокатура / А. Г. Кучерена. – М. : Юристь, 2009. – С. 751 с.
4. Обзор дисциплинарной практики Квалификационной комиссии Совета Адвокатской палаты Вологодской обла-

сти за 2008 год. // Бюллетень адвокатской палаты Вологодской области. – 2009. – № 1 (21). – С. 7–8.

5. Отчет «О деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации за период с апреля 2011 года по апрель 2013 года» (материалы VI Всероссийского съезда адвокатов) // Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL : www.fparf.ru. (последнее посещение – 20 сентября 2014 г.).

6. Пепеляев, С. Взаимный процесс / С. Пепеляев // Российский адвокат. – 2010. – № 4. – С. 6.

7. Положение о порядке сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката (утверждено Советом ФПА РФ 25 апреля 2003 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Смоленский, М. Б. Адвокатская деятельность в России / М. Б. Смоленский. – М. : Ростов на Дону, 2004. – 356 с.

9. Степанов, И. И. Основные начала дисциплинарного суда присяжной адвокатуры / И. И. Степанов // Вестник права: органы адвокатуры, нотариата, суда. – 1916. – № 43. – С. 1025–1026.

10. Федеральный закон Российской Федерации «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ // «Российская газета», № 100.

Материал поступил в редакцию 30.09.14.

ACTUAL PROBLEMS OF ACQUISITION OF THE LAWYER STATUS AND PREPARATION FOR ADVOCACY

Yu.I. Solovyova¹, O.V. Pospelov²

¹ Postgraduate Student, Teacher of Criminal Law and Criminology Department

² Research Advisor, Candidate of Law Sciences, Associate Professor
Northwest Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (Vologda), Russia

Abstract. *This article describes the issues related to obtaining a lawyer status. The high standards set for persons admitted to the profession are explained by the fact that the lawyer in his professional activities assist state in meeting its constitutional obligation to provide citizens with qualified legal assistance. The article also gives examples of regulation on the issue of admission to the law practice in some foreign countries (for example Germany), emphasizes the need for increased attention to the training for the legal profession in Russia.*

Keywords: *legal status of a lawyer, admission to the practice of law in foreign countries, preparation for the legal profession in Russia, qualifying examination, qualified legal assistance.*

Pedagogical sciences
Педагогические науки

УДК 372.881.111.1

**КОММУНИКАТИВНО-ДИАЛОГОВАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ
ОБЩЕНИЮ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Р.А. Абсалямова¹, С.Е. Емельянова²

¹ кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации, ² кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии
Тюменский государственный университет (Тюмень), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена формированию межкультурной коммуникации у студентов неязыковых специальностей. Диалог рассматривается как метод обучения общению и как способ взаимодействия личности.*

***Ключевые слова:** речевое общение, моделирование речевого процесса, модели диалога*

Процесс глобализации, сближение и смешение культур, развитие экономических связей способствовали тому, что изучение иностранных языков стало одной из основных составляющих содержания современного образования. Требованием уже стало не только знание языка, а знание функциональности языка, т.е. возможности использования языка как средства общения с иноязычными партнерами. Поэтому формирование межкультурной компетенции у студентов неязыковых специальностей является основной задачей при обучении иностранным языкам в вузе. Проблеме формирования межкультурной компетенции посвящены исследовательские работы многих отечественных и зарубежных ученых (Н. В. Барышников, Н. Д. Гальскова, Л. Самовар, П. В. Сысоев, Р. Портер, Г. Хофштеде). Выпускники неязыковых вузов должны быть готовы строить осознанное речевое общение с партнером другой лингвокультурной общности, познавая особенности этой культуры и особенности взаимодействия культур. Т.е. будущие специалисты должны быть в состоянии достичь взаимопонимания в профессиональной сфере. Профессиональное общение имеет ряд особенностей, которые надо развивать на основе знаний, умений и навыков, которые имеют профессионально ориентированный характер. Если для реализации коммуникационного акта необходимо иметь:

- представление о культурных реалиях, об общих «алгоритмах поведения и общения, характерных для большинства социальных субъектов;
- представление о стереотипах и способах их преодоления;
- представление о способах достижения взаимопонимания, т.е. иметь активную и открытую позиции в общении;
- то профессиональное общение предполагает знание:
- предметной базы, корпуса или свода, полномерно охватывающих понятия, определения и термины специальной области знаний или сферы деятельности;
- структур и сценарий профессионально-деловых ситуаций.

Задача обучения иностранным языкам в высшей школе – развить студентов речеповеденческие стратегии путем последовательного изучения иноязычной культуры, интерпретации моделей речевого и неречевого поведения в профессиональной сфере. И затем научить рефлексировать эти умения в собственном поведении и учитывать в поведении собеседников.

Для выпускника неязыкового вуза важно иметь сформированные умения понимать и преодолевать трудности общения в научно-профессиональной сфере на иностранном языке. Не менее значимую роль имеют рефлексивные умения – вести самоанализ, пересматривать собственные точки зрения, находить решения, вследствие этого узнавать в процессе межкультурного общения иноязычную культуру, и постигать собственную. Результатом всего этого – построение собственного речевого поведения в соответствии с нормами культуры стран изучаемого языка.

Программа по иностранному языку (базовый уровень) в неязыковых вузах предусматривает изучение коммуникативных речевых стратегий в реальных ситуациях иноязычного общения. На протяжении курса анализируются типы повседневных ситуаций речевого общения, создается система представлений о коммуникативных интенциях, об алгоритмах развертывания коммуникативных стратегий. Анализ лингводидактической литературы показал, что наиболее эффективной при формировании межкультурной компетенции является

коммуникативно-диалоговая модель. Идея диалога, как формы общения личностей и как способ взаимодействия личности с объектами различных культур рассматривалась многими учеными (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.). Иноязычное обучение, построенное на основе диалога предполагает создание бытовых, профессиональных ситуациях общения и конкретизацию речевого материала и речевых действий, гарантирующих студентам успешное общение. Диалог, имея ярко выраженную социальную направленность, служит потребностям непосредственного общения и опирается на общность восприятия окружающего мира собеседниками, общность ситуации, знание предмета речи. В лингводидактических исследованиях большое внимание уделено содержанию диалога, т.к. оно важно для усвоения нравственно-эстетических ценностей в процессе обучения, для дальнейшей интерпретации текста. Диалог как метод актуален для развития познавательной, эмоциональной, рефлексивной и креативной функций и влияет на динамику личностного и профессионального развития участников общения, что ведет к творческой самореализации и раскрытию индивидуальности. Можно привести ряд моделей диалога используемых в практике обучения иностранным языкам: репродуктивного; программированного; эвристического; проблемного; модельного.

Выбор реплик (высказываний) в определенных моделях диалогов развивает у будущих специалистов тактику планирования, вероятностного прогнозирования, принятия решений. Ряд других моделей предлагает комплекс речевых действий по выходу из ситуации коммуникативного затруднения при помощи переспроса, просьбы о помощи, объяснении, оперирования описанием, перефразирования, использования догадки, использования средств невербальной коммуникации. Коммуникативно-диалоговая модель обучения иноязычному общению студентов неязыковых специальностей направлена на усвоение системы действий, на то чтобы студенты могли оперировать своими знаниями, извлекать информацию из памяти, реагировать на поведение собеседника.

Для того, чтобы развивать навыки иноязычного речевого поведения необходимо моделировать в учебном процессе ситуации межкультурной коммуникации. Моделирование процесса обучения иноязычному общению включает в себя конкретизацию иноязычного речевого учебного материала преподавателем и осознание речевого материала студентами, действий с речевым материалом и достижение определенного уровня владения этим материалом. Данный процесс моделирования предполагает последовательное использование упражнений, развивающих речевые навыки и умения. На основе аутентичных текстов/диалогов студентам предлагается ряд упражнений. В ходе выполнения этих упражнений, направленных на приобретение, усвоение различных видов знаний, видов информации соотносятся характеристики коммуникативного поведения речевых партнеров иноязычной культуры, например, в вежливости поддержании контакта, определенных правил поведения. Упражнения, направленные на выявление общего и различного напр. Манер общения в деловых кругах; типичных речевых формул; правил вежливости имеют сопоставительный характер и наиболее эффективны при формировании межкультурной коммуникации. Следующий этап – интерпретация усвоенного материала предполагает создание собственных текстов и представление их в виде монолога, диалога или полилога. Для того чтобы актуализировать мышление и способность к самообразованию используются такие приемы как формирование частей нового диалога; создание из частей диалога. На этом этапе в процессе создания нового диалога происходит определение намерений речевых партнеров выбор и использование необходимых речевых средств для выражения собственного намерения в соответствии с ситуацией и особенностями коммуникативного стиля. В данном случае такие действия и операции как анализ, синтез, интерпретация характеризуют процесс познания и изучения языка. Содержание диалогов существенно зависят от целей и задач, которых стремятся достичь партнеры, языкового материала, а также экстралингвистических компонентов коммуникативной ситуации. Важна и роль конкретной ситуации общения, учитываются такие факторы, как заинтересованность, осведомленность речевых партнеров, их мотивы и желания.

Анализ лингводидактической литературы и опыт преподавания в высшей школе показал, что процесс формирования межкультурной компетенции у студентов неязыковых специальностей эффективен, если сформирован фонд знаний в области бытового общения если дидактическое обеспечение дисциплины построено на основе принципов профессиональной направленности, активности и рефлексии, если педагогическое взаимодействие организовано на основе активизации субъектного опыта студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бим, И. Л. Подход к системе упражнений с позиции иерархии целей и задач / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 5. – С. 30–37.
2. Бочкарева, О. В. Дидактический диалог в профессионально-педагогической подготовке будущих учителей музыки / О. В. Бочкарева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008. – 320 с.
3. Семёнов, И. Н. Философия гуманизации образования и рефлексивность диалога. Рефлексивные процессы и управление // Международный научно-практический междисциплинарный журнал. – 2001. – Т. 1, № 1, июль-декабрь. – С. 113–119.

Материал поступил в редакцию 09.09.14.

**COMMUNICATIVE AND INTERACTIVE MODEL OF TEACHING OF FOREIGN LANGUAGE
COMMUNICATION OF STUDENTS OF NON-LANGUAGE SPECIALTIES**

R.A. Absalyamova¹, S.E. Emelyanova²

¹ Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Department of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication,

² Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Philology

Tyumen State University (Tyumen), Russia

***Abstract.** The article is devoted to the formation of cross-cultural communication among students of non-language specialties. In the paper, dialogue is considered as a method of communication teaching and way of interaction between the individuals.*

***Keywords:** speech communication, modeling of the speech process, models of dialogue.*

УДК 378.12

К ВОПРОСУ О МЕТОДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА**В.А. Дегальцева, аспирант**

Армавирская государственная педагогическая академия (Армавир), Россия

***Аннотация.** В статье раскрываются особенности педагогической деятельности преподавателя высшей школы, обосновывается значимость методической культуры преподавателя вуза, дается определение понятию методической культуры и предлагаются структурно-содержательные характеристики.*

***Ключевые слова:** преподаватель вуза, педагогическая деятельность, методическая культура, компоненты методической культуры.*

На сегодняшний день О. А. Абдулина, Н. А. Аминов, В. П. Беспалько, В. И. Гинецинский, И. А. Зимняя, Э. Ф. Зеер, Н. В. Кузьмина, И. Б. Котова, А. К. Маркова, Л. М. Митина, А. В. Петровский, А. А. Реан, Н. Ю. Сивягина, В. А. Сластенин, В. Д. Шадриков, В. А. Якунин и др. анализируют основные понятия педагогической деятельности в русле той или иной позиции в зависимости от конкретной задачи, которая стоит в исследовании. Однако важно выделить то общее, что объединяет все подходы. Это указание на то, что педагогическая деятельность является совместной по своему характеру, она совместна потому, что в педагогическом процессе обязательно должны быть две активные стороны: учитель – ученик, преподаватель – студент. Эта инвариантная характеристика указывает на то, что центральным, системообразующим звеном во всех точках зрения на педагогическую деятельность являются субъект-субъектные отношения.

Психологические аспекты педагогической деятельности включают в себя такие структурные компоненты, как деятельность, которая направляется стратегическими целями и задачами; педагогическое взаимодействие, характер которого задается тактическими и операциональными целями; способы осуществления педагогического взаимодействия.

В. И. Гинецинский выделяет в структуре педагогической деятельности четыре функциональные компонента: презентативный, интенсивный, корректирующий и диагностирующий. Презентативный компонент включает в себя предоставление учащимся содержания материала. Выделение такой функции основано на необходимости абстрагирования от конкретных форм и способов предъявления содержания обучения и подразумевает факт такого предъявления. Интенсивный компонент включает в себя действия по побуждению учащихся к усвоению той или иной информации. Реализация этой функции педагога связана с необходимостью постановки мотивирующих вопросов, оценки ответов и т. д. Корректирующий компонент включает в себя действия по исправлению и сопоставлению результатов деятельности самих учащихся. Диагностирующий компонент отражает действия по обеспечению обратной связи. Преобладание того или иного компонента в деятельности педагога демонстрирует, что и деятельность учащихся имеет определенный вид, поскольку используется определенный метод обучения. Результативная деятельность педагога, включающая в себя реализацию четырех описанных функций, позволяет отделить то общее, что характеризует сам процесс обучения, несмотря на различные условия его протекания. Это, в свою очередь, позволяет говорить о методе как об общем характерологическом признаке любого процесса обучения [2].

Помимо обозначения структурных компонентов важно остановиться и на других особенностях педагогической деятельности с целью обоснования ее методической обусловленности.

Современные требования к личности и профессионализму педагога, обусловленные принципами и тенденциями развития современного общества, позволяют профессионально-педагогическую деятельность обозначить в виде целостного явления, которое обеспечивает личностное осмысление и адаптацию в условиях реального образовательного процесса целого ряда педагогических технологий. Из теоретических интенций они трансформируются в учебной ситуации под воздействием имеющегося у конкретного педагога опыта, уровня его методической культуры, профессионально-педагогической компетентности в целом.

В процессе рассмотрения требований к профессиональным компетенциям преподавателя вуза оказался востребованным термин «методическая культура». Плеханова Л. А. в своих работах методическую культуру представляет в виде социально-профессиональной характеристики преподавателя, обеспечивающей высокий уровень его педагогической деятельности, готовность к методическому осмыслению используемых педагогических средств в обучении, и способствующей созданию и освоению преподавателем новых педагогических ценностей и технологий. Высокий уровень методической культуры говорит о готовности преподавателя к качественному участию в методической работе, которая является основой его педагогического труда и позволяет адаптировать имеющиеся общедидактические знания к реальному процессу обучения. Методическая культура преподавателя складывается из таких составляющих как: методическая компетентность, гуманистическая личностная позиция, система ценностных ориентаций и убеждений, современное педагогическое мышление и развитые творческие способности [3].

Ряд исследователей в методическую компетенцию педагогов включают такие характеристики как: ин-

тегрированная система знаний, умений и навыков, позволяющая с опорой на методический инструментальный решать возникающие образовательные проблемы, эффективно осуществлять учебно-воспитательный процесс, психологически ориентироваться в образовательном процессе, быть готовым к самообразованию, самосовершенствованию и адаптации к новым для него условиям [1, 4].

Иными словами, *методическая культура преподавателя высшей школы – это полидетерминированное динамическое личностно-профессиональное свойство личности, позволяющее формировать субъективный, социально значимый способ реализации технолого-методического обеспечения динамичного учебно-воспитательного процесса в соответствии со спецификой подготовки студентов в вузе.*

Как и любое личностное образование, методическая культура преподавателя вуза включает в себя ряд компонентов.

Эмоционально-ценностный компонент характеризуется ценностным отношением к методической деятельности и ее результатам, активной вовлеченностью личности преподавателя вуза в целенаправленную деятельность по самосовершенствованию, интересом к технолого-методической составляющей профессионально-педагогической деятельности, стремлением добиваться успеха, успешно и грамотно решать профессионально-педагогические задачи.

Данный компонент выражается через особое отношение к организации образовательного процесса, чувство ответственности, уверенность в собственном успехе, умение управлять своими эмоциональными состояниями, умение управлять действиями, лежащими в основе процесса решения профессиональных задач, готовность к мобилизации сил, преодолению сомнений, тревоги, боязни при освоении нового.

Когнитивный компонент характеризуется через осведомленность в области современных достижений психологии и педагогики, теории и методики обучения, общих и частных вопросов конкретной предметной области, а также методики ее изучения. Когнитивный компонент охватывает знаниевую сторону методической культуры, отражающую имеющиеся достижения в области интерактивных методов и технологий профессионального обучения, способах решения профессиональных педагогических задач, общие и частные вопросы конкретной профессионально-педагогической области; развитую способность к постоянному анализу, оцениванию, быстрому формированию многоаспектных ассоциативных информационных мотивов, лежащих в основе постоянного активного саморазвития.

Деятельностный компонент включает в себя развернутые умения на практике адаптировать (или даже разрабатывать) инновационные технологии обучения в соответствии с постоянно расширяющимися задачами вузовского обучения, с учетом актуальности ситуативных задач, освоенного содержания и приобретенного опыта профессионально-педагогической деятельности. Этот компонент методической культуры охватывает также и способность, готовность обогащать и совершенствовать субъективную сторону педагогической деятельности, реализовывать индивидуальный творческий потенциал, позиционировать себя как педагога-новатора.

В целом, можно сказать, что значимым условием успешной профессионально-педагогической деятельности преподавателя вуза является высокий уровень методической культуры, позволяющей формировать субъективный, социально значимый способ реализации технолого-методического обеспечения динамичного учебно-воспитательного процесса в соответствии со спецификой подготовки студентов для определенной отрасли производственной или социально-экономической сфер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гетманская, И. А. Педагогические условия развития профессиональной компетентности инженерно-педагогических работников (на примере профессионального лица): Дис. ... канд. Пед.н : 13.00.01 / И. А. Гетманская. – Улан-Удэ, 2006.
2. Гинецинский, В. И. Основы теоретической педагогики / Гинецинский В.И. – СПб ГУ, 1992. – 216 с.
3. Плеханова, Л. А. Развитие методической культуры преподавателя учреждения дополнительного профессионального образования / Л. А. Плеханова // Современные проблемы науки и образования. Электронный научный журнал. – № 2, 2012. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.science-education.ru/102-5887>
4. Симонов, В. П. Директору школы об управлении учебно-воспитательным процессом / В. П. Симонов. – М., 1987. – С. 119.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

THE QUESTION OF CULTURE METHODOLOGY OF TEACHERS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

V.A. Degaltseva, Postgraduate student
Armavir State Pedagogical Academy (Armavir), Russia

Abstract. *The article describes the characteristics of pedagogical activity of a teacher in high educational institution, and explains the importance of their methodological culture. The author presents a definition of the concept of methodical culture and suggests structurally meaningful characteristics.*

Keywords: *teacher in high educational institution, teaching activity, methodical culture, methodological components of culture.*

УДК 378.12

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Л.В. Долгополова, преподаватель

Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт (Невинномысск), Россия

***Аннотация.** В статье анализируются основные задачи, которые решаются преподавателем вуза в процессе организации учебной деятельности студентов. Обосновывается необходимость творческого подхода в решении данных задач. Описываются различные виды студенческой активности, развитие которой связывается с активизацией учебной деятельности посредством реализации преподавателем творческих навыков.*

***Ключевые слова:** преподаватель вуза, задачи преподавательской деятельности, творчество, творческие навыки преподавателя, активность студента, активизация учебной деятельности.*

Осуществление преподавателем вуза своей профессионально-педагогической деятельности предполагает использование всей группы методов и приемов как для решения текущих педагогических задач, так и для достижения конечной цели – подготовки высококвалифицированного, конкурентоспособного на рынке труда специалиста.

По мнению Козлаковой Г. А., Маригодова В. К., Слободянюка А. А., общие требования к преподавателю высшей школы [1] связаны с изменяющимися условиями его деятельности и расширением спектра задач. В эти задачи входит следующее.

Формирование текущих и конечных педагогических целей и задач, связанных с непрерывным саморазвитием, как в профессиональном, так и в личном плане.

Анализ учебного процесса на предмет его целостности и эффективности, изучение, обобщение и внедрение различного рода инноваций, включая новые формы, методы и технологии обучения.

Извлечение из различных источников информации, включая новые информационные технологии и базы данных, а также результаты собственных исследований, необходимой для учебного процесса материал.

Перспективное планирование стратегических, тактических и оперативных учебных задач, с определением конечных результатов, которые необходимо достичь по окончании того или иного этапа или всего цикла.

Моделирование содержания учебного материала, форм и методов преподавания читаемых курсов с учетом их места и роли в общей программе подготовки студентов, взаимосвязи с другими дисциплинами и будущей профессиональной деятельностью специалистов.

Проектирование собственной профессиональной карьеры на основе постановки этапных целей и планирование их достижения в процессе научно-педагогической деятельности.

Овладение преподавателем различными формами, методами и приемами педагогической деятельности с учетом своих индивидуальных способностей, специфики дисциплины и обучаемого контингента.

Определение содержания отдельных лекций, семинаров и других видов занятий с учетом имеющихся предписаний, используемых учебных материалов, технических средств обучения, информационных технологий и наглядных пособий.

Организация групповой и индивидуальной работы студентов с учетом всех факторов, обуславливающих необходимость использования тех или иных форм, методов, средств и технологий обучения.

Диагностика познавательных способностей студентов, соответствие достигнутого уровня усвоения материала программным требованиям и потенциальным возможностям студентов.

Взаимодействие и взаимоотношение со студентами в зависимости от целей, содержания, форм организации и методов обучения, а также достижение положительных результатов педагогического процесса в целом.

Построение творческих контактов между преподавателем и студентом по профессиональным и другим вопросам, доверительные и доброжелательные взаимоотношения со студентами в межличностном общении.

Становление и развитие личности высококвалифицированного специалиста с высшим образованием, его мировоззренческой и гражданской позиции.

Формирование у студента творческой, созидательно-активной установки на будущую профессию, чувства гражданской и профессиональной ответственности за результаты своей деятельности.

Для решения такого спектра задач важно наличие творческого начала в деятельности педагога высшей школы. В современной же педагогической действительности налицо противоречие между требованиями, которые предъявляются к творчеству каждого преподавателя и способом разрешения этих требований в реальной практике обучения. Нередко среди профессорско-преподавательского состава наблюдается тенденция к шаблону, боязнь творческого самовыражения в педагогической деятельности, в частности, внедрения в нее инновационной практики.

Каковы же современные взгляды на формирование творческих навыков преподавателя? Исследование этого вопроса [2] показывает, что существует ряд подходов к пониманию сущности творчества и путей его развития: творчество – процесс интуитивный, творчество – это алгоритм деятельности и, наконец, творчество – процесс

овладения методами нестандартного решения разнообразных педагогических задач. В этом смысле данный подход к творчеству адекватен смыслу эвристической деятельности, когда генерируется максимум качественно новых идей при минимуме затрат рабочего времени, ресурсов, труда. В энциклопедическом словаре дается следующее определение: «Творчество – деятельность человека, создающая новые материальные и духовные ценности, обладающие общественной значимостью... То новое, что возникает как результат творчества, опирается на общественную практику, на накопленные обществом знания, умения, приемы решения задач» [4]. Процесс формирования и совершенствования творческих навыков преподавателя можно разбить на ряд этапов:

- накопление информации, подражание своим педагогам и коллегам;
- использование приемов и методов, накопленных на первом этапе, переход количества в качество;
- становление собственных методических идей, освоение алгоритмов и приемов эвристической деятельности.

Никаких резких границ между выделенными этапами не существует, они не связаны временными интервалами, но их реализация в значительной мере зависит от личности преподавателя и тех условий, в которых он формируется.

Таким образом, можно констатировать, что педагогическое творчество должно начинаться с понимания накопленного общественного опыта с одновременной трансформацией его к личности преподавателя.

Процесс формирования педагогического мастерства требует от преподавателя вуза постоянного диагностического контроля (обратной связи), чему в определенной степени могут способствовать: методические протоколы различных видов занятий, взаимопосещения открытых занятий с последующим обсуждением, изучение педагогических теорий и современных методик преподавания, усвоение и практическое использование принципов активизации учебной деятельности, изучение передового педагогического опыта (В. О. Сухомлинский, В. Ф. Шаталов, Е. М. Ильин, И. П. Иванов и др.), научная организация педагогического труда – систематическое совершенствование и максимальное обеспечение эффективности обучения и воспитания студентов.

Формирование профессиональных и творческих навыков преподавателя включает также процесс овладения комплексом алгоритмических предписаний по проведению различных форм учебных занятий со студентами [3].

Форма организации обучения – это внешнее выражение согласованной деятельности преподавателя и студентов, которая осуществляется в установленном порядке и определенном режиме [5]. Особое внимание необходимо уделять активным формам (нетрадиционным формам занятий).

Что такое активность студентов? Активность студента в обучении – это волевое действие, состояние, характеризующее усиленную познавательную деятельность личности. Для активного студента свойственно проявление всестороннего, глубокого интереса к знаниям, учебной задаче, приложения усилия, напряжения, внимания, умственных и физических сил для достижения цели [1]. Активность проявляется в различных видах.

Внешняя активность легко определяется преподавателем, ибо ее признаки ярко выражены: студент деятелен (на лекциях он конспектирует, а на практических занятиях выполняет получаемые задания, выполняет действия на лабораторных занятиях).

Внутренняя (мыслительная) активность характеризуется тем, что она предполагает наличие внешней активности. Кроме того, ей присущи специфические признаки: напряженность умственных сил, мыслительных действий и операций – анализа, синтеза, сравнения, обобщения.

Высший уровень активности – творческая активность, стремление студента проникнуть в сущность изучаемых вещей, явлений, применить новые приемы преодоления затруднений, способность вносить элементы новизны в способы выполнения учебного задания, решения задач.

Развитие творческой активности связано с активизацией учебной деятельности студента, которую осуществляет преподаватель. Это требует от педагога умелого руководства познавательной деятельностью, глубокого понимания целесообразности применяемых форм, методов и средств обучения и творческой педагогической деятельности. Решение этих проблем предполагает: разработку приемов и способов, способствующих активизации учебной деятельности; вооружение преподавателей активными методами и приемами, т.е. активизацию деятельности самого преподавателя; создание условий для активной учебной работы, научного поиска студентов, вооружения их способами, приемами активного добывания знаний.

Таким образом, решение задач, которые ставятся перед преподавателем в современных условиях функционирования вуза, возможно только при условии активизации творческого начала в профессионально-педагогической деятельности самого преподавателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлакова, Г. А. Высшее техническое образование (педагогический, дидактический и социально-психологический аспекты) / Г. А. Козлакова, В. К. Маригодов, А. А. Слободянюк. – Севастополь : Изд-во СевГТУ, 2001. – 268 с.
2. Концептуальные вопросы развития высшего образования : Сб. науч. Тр. / Под ред. Б. Б. Коссова. – М. : Изд-во НИИВО, 1991. – 208 с.
3. Маригодов, В. К. Массив информации и педагогика / В. К. Маригодов, А. А. Слободянюк // Специалист. – 1995. – № 8. – С. 23–26.
4. Советский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
5. Фіцула, М. М. Педагогіка. Навч. Посібник для студентів вищих педагогічних закладів освіти / М. М. Фіцула. – Тернопіль : Вид-во «Навчальна книга – Богдан», 1997. – 192 с.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

**THE QUESTION OF PROFESSIONAL AND CREATIVE SKILLS FORMATION
OF TEACHERS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION**

L.V. Dolgopolova, Teacher
Nevinnomyssk State Humanitarian-Technical Institute (Nevinnomyssk), Russia

***Abstract.** The paper analyzes the main problems that are solved by teacher of higher educational institution in the organization of students training activities. The article explains the necessity of creativity approach in the solution of the problems. The author describes the various types of student activity, the development of which is associated with the activation of learning activities through the implementation of creative skills by teacher.*

***Keywords:** teacher of higher educational institution, tasks of teaching activity, creativity, creative skills of a teacher, student activity, activation of learning activities.*

УДК 009

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

А.И. Доценко¹, О.Д. Сальникова²¹ студент специального дефектологического образования,² ассистент кафедры дефектологии

Северо-Кавказский Федеральный Университет (Ставрополь), Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются необходимые условия для внедрения инклюзивного образования в высшие учебные заведения. Возможность данных преобразований анализируется на примере высшей школы Северо-Кавказского Федерального Университета.

Ключевые слова: инклюзивное образование, специальные условия инклюзивного образования, адаптация, проблемы инклюзивного образования.

В настоящее время развитие инклюзивного образования приобретает ведущее значение. Ее главной целью является обеспечить образованием всех членов общества, вне зависимости от его физических или психических недостатков.

Многие отечественные ученые занимаются вопросами, посвященными инклюзивному образованию, а также проблемами обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья. Это такие деятели, как Аринина Г. Л., Румянцев А. Г., Коваленко Н. Л. И другие.

Инклюзивное образование – это процесс развития общего образования, который подразумевает доступность образования для всех (в плане приспособления к различным нуждам всех детей, что обеспечивает доступ к образованию для детей с особыми потребностями) [3, с. 42].

Инклюзивное образование – совместное обучение (воспитание), включая организацию совместных учебных занятий, досуга, различных видов дополнительного образования, лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц, не имеющих таких ограничений [1, с. 47].

Таким образом, инклюзивное образование – это образование для людей с ограниченными возможностями здоровья, направленное не только на адаптирование их в социум, но и на обеспечение им необходимых условий для учебного процесса. Это изменение учебных планов, архитектурных условий и многое другое.

Инклюзивное образование является необходимой основой образования, которая может помочь людям с ограниченными возможностями здоровья не просто интегрироваться в социум, а почувствовать себя полноценными членами общества – полностью социализировавшимися, способными реализовать свои потребности и жить за счет своего собственного трудоустройства.

Но в настоящее время инклюзивное образование вводится больше в дошкольных и школьных учреждениях. А для того, чтобы люди с ограниченными возможностями здоровья могли получить высшее образование, существуют единицы высших школ с инклюзией. А ведь сейчас высшее образование является необходимым требованием для дальнейшего трудоустройства.

Именно поэтому вопрос о необходимости внедрения инклюзивного образования в высшие школы стал столь актуален в настоящий момент [2, с. 16].

Существует множество проблем, связанных с внедрением инклюзивного образования в высшие учебные заведения:

- Во-первых, это перестройка архитектурных условий, а также обновление технической базы (компьютеры, проекторы и т.д. должны быть приспособлены для людей с ограниченными возможностями).
- Во-вторых, это подготовка кадров. Преподавателям придется проходить курсы для повышения квалификации.
- В-третьих, это подготовка самого социума. Необходимо обеспечить студентов и персонал информацией о людях с ограниченными возможностями, чтобы обычные люди понимали, как вести себя с ними.

Остановимся более подробно на особенностях архитектурных условий и техническом оборудовании. Для людей с различными нарушениями требуются соответствующие условия для обучения. Рассмотрим требования, необходимые для отдельных групп лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Для слепых и слабовидящих требуются:

- более широкие коридоры; расширенные дверные проемы; лифты, с кнопками, продублированными алфавитом Брайля; направления на стенах (где находятся определенные кабинеты, туалет, столовая и т.д.), продублированные алфавитом Брайля; в кабинетах расстояние между партами должно быть достаточно велико, а рабочие места – оснащены специальными компьютерами; вся мебель должна быть максимально безопасна – без повреждений и острых углов – для предотвращения травм.

Для глухих и слабослышащих требуются:

• дублирование всех звуковых эффектов в визуальном виде (сигнал эвакуации – мигания света и т.д.); в кабинетах – звукоусиливающая аппаратура, а также дублирование всех лекций преподавателя и ответов студентов на экран, который должен иметься в каждом классе; преподаватели должны пройти курсы переподготовки, чтобы иметь возможность общаться с такими студентами с помощью языка жестов.

Для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата требуются:

• пандусы; автоматические двери при входе в здание; расширенные дверные проемы; специальные лифты с дополнительными кнопками, расположенными на уровне инвалидных колясок; более широкие коридоры и достаточно большое расстояние между партами, чтобы можно было легко добраться до своего места; отсутствие порожков при входе в кабинет; специальные туалеты.

К тому же, для людей со всеми вышеперечисленными нарушениями требуются тьюторы, а также отдельные занятия физкультурой, а значит отдельный подготовленный преподаватель по данному предмету [4, с. 3].

Рассмотрим возможность данных преобразований на примере высшей школы Северо-Кавказского Федерального Университета.

В СКФУ достаточно большие коридоры, поэтому людям с нарушениями зрения, а также с нарушением опорно-двигательного аппарата есть возможность комфортно передвигаться по территории университета. Также, сейчас в корпусах данной высшей школы проводятся ремонтные работы: старые парты (и другую мебель) заменяют на новые (но с острыми углами, что довольно травмоопасно для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и с нарушениями зрения), расширили столовые и многое другое. На базе СКФУ имеются отдельные занятия физкультурой (лечебно-физическая культура), на которых учитываются физические потребности каждого. Такие занятия проводятся отдельно от основной группы, поэтому ученики не чувствуют себя слабее остальных.

Также представлено университету требуются пандусы. Во многих корпусах нет лифтов, а те, которые имеются слишком маленькие, кнопки находятся слишком высоко и не продублированы алфавитом Брайля. Дверные проемы слишком узкие и везде есть порожки, что иногда затрудняет движение даже обычным студентам и сотрудникам высшего учебного заведения, не говоря уже о людях с особыми потребностями. В лекционных кабинетах (где парты стоят на разных уровнях) следует сделать специальные места на первых уровнях, чтобы людям с ограниченными возможностями здоровья не нужно было подниматься к другим партам по лестнице. В обычных кабинетах очень мало место и очень много парт – поэтому для удобства всех либо кабинеты должны быть больше, либо парт должно быть меньше. Также в кабинетах необходимо специальное техническое обеспечение – экраны, проекторы, специальные компьютеры – для детей с нарушениями сенсорного восприятия.

Всего этого добиться крайне тяжело, но возможно.

В СКФУ работают специалисты, которые имеют опыт работы с людьми с ограниченными возможностями здоровья, поэтому они могут поделиться своим опытом с коллегами, что значительно облегчает подготовку кадров, ведь не нужно отправлять людей для повышения квалификации в другие города, а значит не надо тратить деньги и время.

Внедрение инклюзивного образования – это сложный, трудоемкий и дорогой процесс. Но при положительном результате, мы получим высшую форму награды – членов общества, которые могут сами о себе позаботиться, которые могут приносить пользу обществу, которые не будут чувствовать себя изгоями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Извлечение из документа : «Закон г. Москвы от 28.04.2010 № 16» Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья»
2. Малофеев, Н. Н., Шматко, Н. Д. Интеграция и специальные образовательные учреждения : необходимость перемен / Н. Н. Малофеев, Н. Д. Шматко // Дефектология. – 2008. – №2
3. Петрова, Г. А. Инклюзивные процессы в образовании: проблемы и перспективы / Г. А. Петрова // Инклюзивное образование : проблемы и перспективы : Материалы Региональной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 25—26 ноября 2009 г.) / Отв. Ред. Н. Д. Наумов. — Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. Гуманит. Ун-та, 2010. – с. 42–45.
4. Acedo, C. Inclusive education: Pushing the boundaries / C. Acedo // Prospects. 2008. – № 38 (1). – P. 5–13.

Материал поступил в редакцию 27.09.14.

INCLUSIVE EDUCATION IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

A.I. Dotsenko¹, O.D. Salnikova²

¹ Student of Defectological Special Education Department,

² Assistant Professor of Defectology Department

North Caucasus Federal University (Stavropol), Russia

Abstract. This article discusses the necessary conditions for the implementation of inclusive education in higher education institutions. The possibility of these transformations is analyzed on the example of high schools of the North Caucasus Federal University.

Keywords: inclusive education, special conditions of inclusive education, adaptation, issue of inclusive education.

УДК 378.147.88, 37.048.2

ПОВЫШЕНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

С.М. Иванова, кандидат технических наук, доцент кафедры информационных систем
Московский государственный технологический университет «СТАНКИН» (Москва), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы мотивации к обучению студентов на старших курсах. Определяются возможные направления повышения познавательной активности. Рассматриваются плюсы и минусы предложенного подхода.*

***Ключевые слова:** познавательная активность студентов, внутренняя мотивация, исследование.*

Сегодня много говорят о необходимости повышения познавательной активности школьников и студентов младших курсов. Считается, что в это время у многих теряется интерес к получению новой информации.

Не секрет, что если кому-то неинтересно, непонятно зачем им получать ту или иную информацию, то ни о какой познавательной активности речь идти не может. Поэтому проблема мотивации на старших курсах высших учебных заведений на данный момент стоит не менее остро, чем на младших. Многие преподаватели пытаются замаскировать отсутствие интереса со стороны студентов к своему предмету путём требований обязательного посещения всех занятий, вводя систему штрафов за каждый пропуск или опоздание. Безусловно, такой метод позволяет несколько повысить уровень мотивации и даже знаний, ведь присутствуя на лекции у такого преподавателя, они вынуждены что-то слушать (но слышать ли?). Но данная мотивация является чисто внешней и при ослаблении контроля сразу исчезает. Знания, полученные на таких занятиях, часто сразу после экзамена или зачёта забываются, так как учащийся так и не понял, зачем они ему и где он сможет их использовать. То есть необходимо каким-то образом заменять или хотя бы дополнять внешнюю мотивацию внутренней.

Для развития внутренней мотивации необходимо добиться повышения познавательной активности, что, как уже было сказано, на старших курсах не так просто. Представляется, что здесь можно обратиться к тем наработкам, которые существуют в тех областях, где они всегда были востребованы. К сожалению, многие из них, предлагаемые для школьников, для студентов уже плохо применимы. Например, самостоятельная деятельность школьников под присмотром учителя не будет интересна практически уже взрослым людям. То же самое относится ко всем видам воспроизводящей активности. То есть имеет смысл говорить об интерпретирующей и творческой активности.

Интерпретация, то есть понимание смысла материала, применение его в окружающей действительности, имеет большое значение для будущего специалиста [1]. На это направлены различные деловые игры и практики, которые используются в образовательном процессе. Однако данные виды деятельности ограничены временными рамками, которые определяются учебным планом по дисциплине. Не секрет, что сегодня на аудиторную деятельность отводится всё меньше времени, а большая часть отдаётся на самостоятельную работу студентов. Поэтому количество часов, которые можно посвятить практическим занятиям, неумолимо падает. Всё это заставляет искать другие формы работы со старшекурсниками.

Здесь на выручку приходит третий вид активности – творческий. Кроме того, что данный вид активности способствует «стремлению познать связи между явлениями и процессами, овладеть способами применения знаний в измененных условиях», его можно применять, организуя самостоятельную деятельность студентов. Для разумной организации такой деятельности можно использовать различные идеи. Например, неплохо себя зарекомендовал метод, изложенный в [2], который с поправкой на старшекурсников выглядит следующим образом.

Учащимся в начале изучения дисциплины предлагается некоторая информация, напрямую или косвенно связанная с материалом, который будет изучаться, и формулируется связанный с ней соответствующий вопрос. Иногда, в зависимости от численности группы, от её состава, если преподаватель уже был знаком со студентами, можно сформулировать не один, а несколько вопросов. Далее, в зависимости технической оснащённости занятия, можно сразу предоставить студентам время на поиск ответа. Особенно это хорошо делать, если первым занятием (вопреки, казалось бы, логике) идёт не лекция, а практическая или лабораторная работа. Основное требование здесь предъявляется к материалу. Его надо подобрать таким образом, чтобы он вызывал у студентов какие-либо эмоции. Например, содержал противоречивую информацию. Вопросы должны быть с одной стороны несложные, а с другой – не имеющие очевидного однозначного ответа. Тогда после изучения материала у студентов возникают собственные вопросы, ответы на которые можно представить в виде исследования. При этом данное исследование обладает несколькими важными характеристиками:

- тема исследования выбирается и формулируется студентом самостоятельно, то есть он заинтересован в работе по данной теме;
- вопросы, которые освещаются в работе, также индивидуальны для каждого учащегося;
- работа выполняется внутри изучаемого курса, что развивает познавательную активность в требуемом направлении.

Проведённые исследования показывают, что данный подход имеет значительный эффект в применении при чтении курсов, связанных с различными современными технологиями. Например, курс «Мировые информационные ресурсы и сети» позволяет значительно расширить сферу интересов старшекурсников. При этом темы, выбираемые студентами, иногда даже выходят за рамки программы курса. К таким работам можно отнести «Плюсы и минусы дистанционного обучения», в которой были освещены вопросы, связанные с открытым образованием, возможностью привлечения различных информационных ресурсов и возникающими при этом проблемами.

Также надо отметить, что проведённые исследования, оформленные в виде рефератов и доложенные на практических занятиях, пользуются повышенным вниманием сокурсников. В отличие от стандартных работ, выполненных по заданию преподавателя, доклады по результатам исследований, проводимые на самостоятельно выбранные темы, являются более интересными и полезными для студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Звонарёва, Т. И. Использование интерактивных методов обучения как средство активизации познавательной деятельности учащихся / Т. И. Звонарёва. [Электронный ресурс]. – URL : http://bioshkola.ru/blog/ispolzovanie_interaktivnykh_metodov_obucheniya_kak_sredstvo_aktivizacii_poznavatelnoj_deyatelnosti_uchashhikhsja/2012-01-20-14/. Дата обращения 22.09.14.

2. Ильиченкова, З. В. Аттестационные тесты с функцией мотивации деятельности / З. В. Ильиченкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 01 (48) январь. – с. 283–287.

Материал поступил в редакцию 25.09.14.

INCREASE IN COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS

S.M. Ivanova, Candidate of Engineering sciences, Department of Information Systems
Moscow State University of Technology “STANKIN” (Moscow), Russia

***Abstract.** The problems of motivation of senior students are discussed in the article. The possible directions in increase of cognitive activity are defined. Positive and negative aspects of the approach are under consideration.*

***Keywords:** the cognitive activity of students, self-motivation, research.*

УДК 372.851, 37.048.2

АКСИОМЫ – ЭТО ИНТЕРЕСНО?

З.В. Ильиченкова, кандидат технических наук, доцент кафедры информационных систем Московский государственный технологический университет «СТАНКИН» (Москва), Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема повышения мотивации школьников к изучению отдельных предметов, в том числе геометрии. Предлагается добиваться этого посредством предложения учащимся некоторого познавательного материала, предваряющего тему. Данная информация, ориентированная на конкретную предметную область, стимулирует школьников на проведение исследования, тему которого они формулируют самостоятельно. В работе приводятся примеры различных фактов для учащихся, относящихся к теме «Аксиомы стереометрии», а также варианты аттестационных заданий по разным предметным областям.*

***Ключевые слова:** мотивация к обучению, аксиомы стереометрии, познавательная деятельность, вариативные задания.*

В настоящее время всё чаще в 10 класс приходят учащиеся, которые уверены в том, что они геометрию не знают и нет никакой необходимости изучать её в дальнейшем. Данное убеждение возникает из-за того, что геометрия в школе зачастую сильно формализована и оторвана от жизни. Абстрактность аксиом и теорем, особенно в начале изучения, не позволяет стимулировать творческую активность, тем более, что сами учащиеся ещё не умеют соотносить новый материал с окружающей действительностью.

Эффективным способом повышения заинтересованности учащихся является вовлечение их в процесс самообучения посредством восприятия геометрии через окружающую действительность. Для этого с самого начала изучения представляется целесообразным предложить учащимся выполнить некоторое мини-исследование. При этом одной из основных задач, стоящих перед учителем, является создание условий, при которых учащийся будет уверен, что желание выполнить такую работу является его собственным. Роль наставника здесь заключается в организации ситуаций, провоцирующих познавательный интерес.

Примерами предлагаемого материала в зависимости от предпочтений учащихся могут быть различные блоки информации. Например, если учитель ещё не знаком с учеником или последний ещё не определился с интересующей его областью, то можно предложить ему видеоролик (эпюд) «Аксиомы» с сайта «Математические эпюды» www.etudes.ru. Данный ролик в том числе наглядно демонстрирует разницу в устойчивости стульев на трёх и четырёх ножках, то есть показывает связь явления, наблюдаемого школьниками в жизни, с одной из аксиом стереометрии.

Тем школьникам, которые интересуются архитектурой, можно предложить информацию о памятниках, имеющих 2 точки опоры (например, Николаю I в Санкт-Петербурге, <http://www.peterburg.biz/pamyatnik-nikolayu-i-isaakievskaya-ploschad.html>, генералу Хосе де Сан-Мартину в Буэнос-Айресе, <http://forexaw.com/i177582>), и поинтересоваться, почему, с их точки зрения, таких монументов совсем мало не только в России, но и во всём мире, а вот памятников, опирающихся на 3 точки, уже довольно много.

Проводя мотивацию учащихся предложенным образом, не следует забывать об ещё одной стороне данного вида деятельности. Любая выполненная школьниками работа должна быть анонсирована, причём способы этого могут быть разнообразными. Это может быть как реферат, который можно вывесить в учебном кабинете для ознакомления, так и выступление в классе или на различных конференциях.

Отдельным этапом деятельности является проверка усвоения школьниками материала. Традиционный способ, основанный на решении конкретных задач или доказательстве каких-либо фактов, иногда ведёт к тому, что абстрактные задания бывают не поняты ребёнком. Следовательно, они не решаются или решаются неверно, что может вести к падению зародившегося интереса к изучению геометрии. Поэтому предлагается при проведении промежуточной аттестации по теме также использовать мотивационную составляющую, выраженную в возможности выбора конкретной формулировки одного и того же математического задания. Подробно такая форма работы, называемая аттестационно-мотивационным тестом, описана в [1]. Учащийся может выбрать задачу, сформулированную в той предметной области, которая ему ближе. Данный факт далее можно использовать для выявления наиболее предпочтительного направления развития познавательной деятельности конкретного учащегося. Далее будет приведено 3 задания по теме «Аксиомы стереометрии» для четырёх различных областей: классической геометрии, прикладной геометрии, геометрии в архитектуре и биологии.

Задание 1.

Классическая геометрия: Выберите в кабинете три произвольные точки. Находятся ли они в одной плоскости? Почему? А если добавить к ним произвольно четвёртую точку?

Прикладная геометрия: Почему стул на трёх ножках всегда устойчив, а на четырёх – не всегда?

Архитектура: При установке поверочной плиты (плиты для контроля плоскости и разметочных работ) для выставления горизонта (горизонтальной плоскости) используют только три из четырёх опор. Почему? Что может получиться, если выставлять горизонт сразу по четырём опорам?

Биология: Три муравья тащат по извилистой тропинке прутик. В какой момент времени они будут находиться в одной плоскости? Почему? А если добавить к ним произвольного четвёртого муравья?

Задание 2.

Классическая геометрия: Прямоугольный параллелепипед пересекли плоскостью. Какими фигурами будут являться образовавшиеся линии пересечения? Ответ обоснуйте.

Прикладная геометрия: Буханку хлеба (в виде прямоугольного параллелепипеда) разрезали ровным острым ножом на две части. Какими фигурами будут являться образовавшиеся края буханки? Ответ обоснуйте.

Архитектура: Какую фигуру представляет собой линия пересечения проёма стандартного окна со стеной дома, имеющего форму параллелепипеда? Ответ обоснуйте.

Биология: Для удобрения почвы были закуплены торфяные брикеты в форме прямоугольного параллелепипеда. От одного из таких брикетов специальным ровным острым ножом была отрезана часть. Какими фигурами будут являться образовавшиеся края брикета? Ответ обоснуйте.

Задание 3.

Классическая геометрия: Можно ли с помощью двух веревок проверить, является ли четырёхугольник плоским? Если да, то как? Если нет, то почему?

Прикладная геометрия: Можно ли с помощью двух веревок проверить, будет ли висеть ровно на плоской стене картина в прямоугольной раме? Если да, то как? Если нет, то почему?

Архитектура: Для проведения свадебной церемонии решено установить квадратную свадебную арку. Можно ли в процессе установки с помощью двух веревок проверить, расположен ли фасад арки в одной плоскости? Если да, то как? Если нет, то почему?

Биология: Можно ли с помощью двух веревок проверить, является ли рамка пчелиных сотов плоской? Если да, то как? Если нет, то почему?

Данный набор заданий не является единственным. В зависимости от интересов школьников он может быть изменён. Например, могут быть добавлены предметные области, такие как физика, химия, история и так далее. Также в зависимости от индивидуального уровня учащихся можно изменять сложность заданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильиченкова, З. В. Аттестационные тесты с функцией мотивации деятельности / З. В. Ильиченкова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Москва. – 2013. - № 1. – с. 283-287.

Материал поступил в редакцию 16.09.14.

AXIOMS. IS IT INTERESTING?

Z.V. Ilyichenkova, Candidate of Engineering sciences, Department of Information Systems
Moscow State University of Technology “STANKIN” (Moscow), Russia

Abstract. *The article considers the problem of increasing the motivation of students to study certain subjects, including geometry. It is proposed to achieve this by offering students some informative material concerning the subject. This information focused on a specific subject area, stimulates students to research, the subject of which they formulate themselves. Here are examples of different facts for students on the theme of “Axioms of stereometria”, and options attestation tasks on the theme in different subject areas.*

Keywords: *motivation for studying, axioms of stereometria, cognitive activity, alternative tasks.*

УДК 378.14

ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В УСЛОВИЯХ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ

Л.А. Карнаух, аспирант

Армавирская государственная педагогическая академия (Армавир), Россия

***Аннотация.** В статье анализируются основные позиции гуманизации и гуманитаризации профессиональной подготовки в вузе, которые актуальны для реализации компетентностной парадигмы в профессиональном образовании. Рассматриваются различные точки зрения на гуманитаризацию и гуманизацию образования. Обосновывается их потенциал в организации профессиональной направленности вузовского образования.*

***Ключевые слова:** профессиональное образование, гуманизация, гуманитаризация, компетентностный подход, профессиональная направленность.*

На сегодняшний день категориальная база компетентностного подхода опирается на цели и задачи образовательного процесса вуза, при которых компетенции задают высший, обобщенный уровень сформированности у учащегося умений и навыков, а содержание образования определяется смыслом базовых понятий (знания, умения, опыт творческой деятельности, опыт ценностного отношения и т.д.) [4, 6].

Курс на реализацию компетентностного подхода отражен в «Концепции модернизации Российского образования на период до 2020 года», в рекомендациях Совета Европы, в третьем поколении образовательных стандартов. Новые направления реформирования высшей профессиональной школы детерминируют изменения всей жизнедеятельности студента в условиях образовательного учреждения, проводимые при его активном участии и с ориентацией на развитие у будущих специалистов гуманитарного мышления, способов творческой деятельности. Данный курс на восстановление общечивилизационных идеалов, возвращение к духовной культуре актуализировали проблему гуманитаризации профессионального образования.

Суть гуманитаризации образования обозначается многоаспектно: в качестве средства гуманизации образования (в случае обоснования теории и методологии гуманизации образования); в качестве способа приобщения обучающихся к культурному наследию; в качестве процесса заимствования свойственного гуманитарным наукам образа мышления, общих подходов к познанию объектов; в качестве способа превращения высшего образования в образование, базирующееся на общечеловеческие ценности [3].

Анализ образовательного процесса в высших учебных заведениях показывает, что в основном реализация гуманитаризации образования происходит через переориентацию междисциплинарного взаимодействия обществоведческих, искусствоведческих, естественнонаучных дисциплин на гуманитарную направленность, увеличения историко-культурных аспектов внутри общеспециальных и профилирующих дисциплин, а также удельного веса гуманитарных предметов в содержании профессиональной подготовки.

Реализация этих направлений гуманитаризации образования сопряжена с рядом трудностей, связанных с определением соотношения между гуманитарными и негуманитарными предметами, их места в образовательном пространстве, а, следовательно, увеличением или уменьшением доли гуманитарных дисциплин в общем количестве часов учебного плана. Присутствие в образовательном процессе вуза противопоставлений гуманитарного и естественно-математического, технического образования может приводить к дисбалансу в профессиональной подготовке будущих специалистов.

Нам импонирует другая позиция, сформулированная в трудах Ю.П. Ветрова, рассматривающего гуманитаризацию образования как основу формирования у студента особой гуманистической формы отношения к окружающему миру и самому себе, своему субъективному опыту и социальному опыту вообще, собственной деятельности в социуме. При таком понимании гуманитаризации образования исчезает имеющееся сегодня в инженерных вузах противопоставление гуманитарных и естественно-научных, специальных, технических и технологических дисциплин [2].

Такая постановка цели и задач при обосновании гуманитарной составляющей современного высшего образования гуманизирует характер дидактических отношений внутри образовательного процесса, насыщает его содержание, позволяет активизировать познавательную деятельность субъектов обучения и воспитания, меняет их мотивацию интереса к учению. Важно, что успешность гуманизации образования зависит от педагогического руководства этим процессом, поскольку изменяются смысловые аспекты учения, целеобразование связывается с необходимостью построения учебно-воспитательного процесса вуза на основе субъективных образовательных потребностей студента, обеспечения условий для самореализации его личности.

Выход из сложившегося противоречия связан с фундаментализацией образования, предоставляющей возможность усилить взаимосвязь теоретико-практической подготовки будущего профессионала к современной жизнедеятельности, обеспечить глубокое и системное освоение научно-теоретических знаний по всем дисциплинам.

плинами учебного плана направления профессиональной подготовки. Данные аспекты предполагают расширение фундаментальной теоретической подготовки, обеспечивающей формирование компетентности будущего специалиста в осваиваемой отрасли производства.

В последнее время в проблемное поле компетентности специалиста прочно вошло понятие «базисные квалификации». К ним в первую очередь отнесены качества личности, связанные с самостоятельностью, творческим подходом к работе, настойчивостью как стремлением доводить начатое дело до конца, готовностью к личностному и профессиональному самосовершенствованию, гибкостью ума, способностью к системному, экономическому, экологическому мышлению, умением вести диалог, организовывать и участвовать в коллективной работе. А.М. Новиков актуализирует внимание на необходимость овладения будущими специалистами «сквозными» умениями, связанными с работой на компьютерах, использованием базами и банками данных, специальными знаниями в области экологии, экономики, бизнеса и финансов, права и медицины [5, С.8]. Иными словами, важно подготавливать будущие кадры не к узко профессиональной, а к универсальной деятельности, которая ее ожидает в динамично изменяющемся окружении. Важно формировать у студентов познавательный интерес к содержанию профессиональной подготовки, развивать способность учиться, уметь работать с постоянно увеличивающимся объемом информации, критически его оценивать. Сегодня образованный человек – это не столько человек знающий, сколько подготовленный к жизнедеятельности в современном социуме, т.е. правильно ориентирующийся в сложных проблемах действительности и способный осмыслить и оценить свое место в мире.

Гуманизация профессионального образования также предполагает обеспечение его деятельностной направленности [1], суть которой заключается в формировании траектории движения обучающегося от словесного уровня к предметному, от созерцательного к деятельностно-операциональному, от эмпирического к концептуальному, от тематического к проблемному, от гносеологического к личностному. Знаниевая парадигма профессионального образования, несмотря на присутствие в нем компетентностных основ, в том виде, в каком она функционировала образовании предыдущих десятилетий, уступает место деятельностному подходу, где на первый план выдвигается формирование профессиональных компетенций, опирающихся на навыковую компоненту подготовки в вузе.

Однако использование исключительно деятельностного аспекта не предполагает нацеленность на формирование активной самостоятельной творческой личности, умеющей приобретать и опираться на широкий спектр научных знаний, правильно определять цель и условия решения (конкретные способы и средства действия) в решении нестандартных задач учебно-профессиональной деятельности.

Безусловно, что в процессе подготовки будущих специалистов важно постоянно развивать их познавательные интересы, сталкивать с необходимостью активно и самостоятельно применять знания в решении учебно-профессиональных задач, ставить их в ситуации, требующие активного проявления разнообразных личностных качеств. Необходимо не только основательное вооружение будущих специалистов продуктивной исследовательской компонентой, навыками эффективной организации труда, потребности к постоянному самосовершенствованию, но и организацией расширения личного опыта в осуществлении разносторонней, интегративной деятельности: познавательной, ценностно-ориентировочной, преобразовательной, коммуникативной, организационной, эстетической и пр.

Таким образом, выявление основных предпосылок развития образовательного процесса в современном вузе позволяет увидеть объективную основу для организации условий, стимулирующих познавательную деятельность студентов по овладению научными знаниями, развитие творческих способностей, выработку научного мировоззрения и нравственно-эстетической культуры, формирование общекультурных и профессиональных компетенций. В связи с этим целесообразно всемерно расширять в образовательной программе все виды учебной деятельности, приближенные к профессиональной.

Таким образом, принцип профессиональной направленности обучения в условиях компетентностной парадигмы образования приобретает доминирующий характер, реализуясь в расширении количества различного рода практик, расчетных и проектных работ, учебно-исследовательской работы студентов, в процессе насыщения образовательного пространства активными методами обучения (деловыми, ролевыми, имитационными играми, кейсовыми заданиями и пр.), увеличении доли творческой самостоятельной работы студентов. При этом значимым условием при реализации принципа профессиональной направленности обучения является необходимость формирования «ценностно-смысловых компонентов компетентности будущего специалиста» [6, С. 33].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берулава, М. Н. Современные проблемы гуманизации образования Образование в социально-гуманитарной сфере Российской Федерации / М. Н. Берулава // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2003. – № 2 (195).
2. Ветров, Ю. Образовательная стратегия : вопросы и проблемы / Ю. Ветров // Высшее образование в России. – 2001. – № 3.
3. Коновалова, Л. Н. Гуманизация образовательного процесса вуза как основа формирования профессионализма студентов / Л. Н. Коновалова // Глобальный научный потенциал. Санкт-Петербург. Выпуск № 3 (24). – 2013.
4. Лебедев, В. В. Структурирование компетенций – перспективное направление в решении проблем образования / В. В. Лебедев // Школьные технологии. – 2007. – № 2.
5. Новиков, А. М. Проблемы гуманизации профессионального образования / А. м. Новиков // Педагогика. – 2000. – № 9.
6. Татур, Ю. Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста / Ю. Г. Татур // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

**HUMANIZATION AND HUMANITARIZATION OF PROFESSIONAL TRAINING
IN THE CONDITIONS OF COMPETENCE PARADIGM**

L.A. Karnaukh, Postgraduate Student
Armavir State Pedagogical Academy (Armavir), Russia

***Abstract.** The paper analyzes the basic positions of humanization and humanitarization of professional training in higher educational institution, which are relevant for the implementation of a competency paradigm in professional education. The author considers different points of view on humanitarization and humanization of education and explains their potential in the organization of professional orientation of higher education.*

***Keywords:** professional education, humanization, humanitarization, competence approach, professional orientation.*

УДК: 373.1.02

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Н.А. Оразахынова, доктор педагогических наук, профессор
Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы), Казахстан

***Аннотация.** Язык, являясь средой человеческого бытия, не существует вне человека как объективная данность, он находится в нем самом, в его душе, памяти и сознании, меняя свои формы в мыслях и в высказываемых словах, язык – это форма, определяющая образ наших мыслей. Язык как лингвокультурологический феномен впитывает в себя все богатство культуры, в то же время как любая национальная культура в немалой степени связана с характером и спецификой конкретного языка. Язык выступает концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества.*

***Ключевые слова:** язык как составная часть культуры, культурно-национальная ментальность носителей языка.*

Отношения между культурой и языком могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности, когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом [7, с. 16]. Мы считаем, что правильнее говорить не о соотношении часть – целое, а о взаимопроникновении, взаимовлиянии, взаимосвязи и взаимодействии.

Такие сущности, как «язык и культура», необходимо рассматривать как одно целое, неразрывное единство, только тогда можно понять природу этих явлений. Необходимо учитывать, что в цепочке язык и культура центральное место занимает человек: язык – нация (национальная личность) – культура. Являясь разными семиотическими системами, язык и культура имеют общие черты: формы сознания, отражающие мировоззрение человека, существующие в диалоге между собой; им присущи нормативность, историзм, их субъект – индивид, социум, личность, общество.

Являясь фактом культуры, язык является составной частью культуры, которую мы наследуем от наших предков; язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; язык – важнейшее из всех явлений культурного порядка. Если мы хотим понять сущность культуры – музыку, традиции, искусство, религию и т.д., мы должны рассматривать абсолютно все эти явления как коды, формируемые подобно языку.

Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством языка. Язык является одновременно, и продуктом культуры, ее важнейшей составляющей частью, и условием существования культуры, язык есть определенный взгляд культуры на мир и на себя самого, истинная реальность культуры, язык способен ввести человека в культуру. Язык и культура различаются следующим: язык и культура – это разные семиотические системы; хотя культура – знаковая система (подобно языку), она не обладает способностью самоорганизации; в языке, как феномене, преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность.

Таким образом, язык и культура изначально представляют собой единство генетически, и материально, и функционально (по назначению и целям). Язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, язык – есть отражение культуры [4].

Материальная и духовная культура воплощаются в языке, культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира. Языку присуща специфическая для каждого народа «внутренняя форма», которая является выражением «народного духа», его культуры, язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром [1].

Язык «всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономерное и богаче его развитие» [2, с. 69]. Очевидно, что если каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры, именно, поэтому, язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей. Язык представляет собой целый мир, способный лексически и семантически охватить многогранную культуру, многосложное общество, все элементы культуры... могут быть выражены в языке [5, с. 52].

Язык как лингвокультурологический феномен впитывает в себя богатство культуры, любая национальная культура, в немалой степени связана с характером и спецификой конкретного языка. Социальная сущность языка заключается в том, что он существует в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке [3, с. 8].

Культура – это мир человеческой деятельности, преобразование человеком природы по законам общества, это реализация ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств. Из сущности культуры вытекает, что в качестве такого культивирования она начинает в свою очередь культивировать и себя, ста-

новьясь, таким образом, культурной политикой [8, с. 93].

Итак, соотношение языка и культуры приводят нас к выводу о том, что:

1. язык – факт культуры, он является: её составной частью, наследуемый от наших предков;
2. основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру;
3. важнейшее из всех явлений культурного порядка, способствующий пониманию сущности культуры:

науки, религии, литературы, музыки и т.д.

Язык – зеркало культуры, в котором отражается не только: реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [6]. Концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством языка, являющийся составной частью культуры и ее орудием, действительность духа, лик культуры. Язык выражает специфические черты национальной ментальности, «одновременно он является и продуктом культуры, специфическим способом существования культуры, фактором формирования культурных кодов» [8].

Таким образом, язык и культура – сложное, многогранное явление, имеющее коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу. Культура устанавливает место человека в системе общественного производства, распределения и потребления материальных ценностей. Она целостна, имеет индивидуальное своеобразие, общую идею, стиль. Язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы «прорастая» в нее, но и сам развивается в культуре. Культура формирует сложную и многообразную языковую систему, благодаря которой происходит накопление человеческого опыта, передача его из поколения в поколение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1984. – 397 с.
2. Жинкин, Н. И. Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин. – М., 1998.
3. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002.
4. Маркарян, Э. С., Толстой, Н. И. Язык и культура / Э. С. Маркарян, Н. И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
5. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М., 1994. – С. 48–53
6. Тер-Минасова, С. Г. Языки и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова // Учебное пособие. – М. : Слово, 2000.
7. Толстой, Н. И. Язык и культура / Н. И. Толстой. // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
8. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.

Материал поступил в редакцию 16.09.14.

LANGUAGE AS A REFLECTION OF CULTURE

N.A. Orazakhinova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Kazakh National Pedagogical University named after Abay (Almaty), Kazakhstan

Abstract. *Language, as the environment of human being, cannot exist outside of human as an objective reality, it is in himself, in his mind, memory and consciousness, changing its shapes in thought and expressed words. Language is a form that defines the image of our thoughts. Language as a linguistic and cultural phenomenon absorbs all the wealth of culture and any national culture at the same time is largely related to the nature and specificity of a particular language. Language is a concentrate of the culture of the nation that is embodied in various groups of the cultural and linguistic community.*

Keywords: *language as an integral part of the culture, cultural-national mentality of native language speakers.*

УДК 373.1

ПРОЕКТИРОВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Е.А. Острикова, специалист по учебно-методической работе
Армавирская государственная педагогическая академия (Армавир), Россия

***Аннотация.** В статье выявляются особенности педагогического проектирования, описываются этапы проектирования процесса обучения в структуре профессиональной деятельности педагога – моделирование, проектирование и конструирование.*

***Ключевые слова:** педагог, процесс обучения, педагогическое проектирование, этапы проектирования, моделирование, проектирование, конструирование.*

Целью подготовки будущих педагогов к проектированию является формирование целостной системы проектно-методических знаний, умений и навыков, а также профессионально важных качеств личности. Мы должны не переучивать уже сложившихся учителей, а готовить с самого начала будущих в соответствии с наиболее эффективными подходами к формированию профессиональной компетентности в проектировании дидактических средств, современных методов и форм обучения. Это актуальная, насущная задача профессионально-педагогического образования.

Проективная (или проектная) деятельность относится к разряду инновационной, так как предполагает преобразование реальности, строится на базе соответствующей технологии, которую можно унифицировать, освоить и усовершенствовать. Актуальность овладения основами проектирования обусловлена, во-первых, тем, что данная технология имеет широкую область применения на всех уровнях организации системы образования. Во-вторых, владение логикой и технологией проектирования позволит более эффективно осуществлять аналитические, организационно-управленческие функции. В-третьих, проектные технологии обеспечивают конкурентоспособность любого специалиста [7].

Педагогическое проектирование – это сложный процесс предварительной разработки основных компонентов предстоящей деятельности с учетом необходимых факторов и особенностей его участников. Педагогическое проектирование непременно производится на основе определенной педагогической теории. Теория в процессе проектирования играет роль законов, закономерностей, принципов, ориентирующих практика в научных основах его деятельности [5, с. 118].

По сути своей педагогическое проектирование представляет собой процесс низведения научных абстракций до уровня их практического использования, а значит, до педагогической технологии. В то же время этот процесс имеет прогнозный характер, ибо начинается с целеполагания и определения критериальных показателей качества достижения цели [там же]. По мнению В. А. Слостенина, И. Ф. Исаева, А. И. Мищенко, Е. Н. Шиянова, педагогические цели, накладываясь на конкретные образовательные ситуации, на этапе проектирования педагогического процесса должны осознаваться как педагогические задачи [6, с. 348].

Н. Н. Суртаева [8, с. 179], рассматривая проектирование как индивидуальную творческую деятельность педагога по созданию педагогических технологий, подробно анализирует его структуру, выделяет особенности и этапы, раскрывающие сущность процесса проектирования: теоретический (теоретическое создание проекта), рефлексивный (самоосмысление, самоанализ), экспериментальный (частичное внедрение, апробирование), корректирующий (корректировка теоретического проекта) и заключительный (внедрение скорректированной технологии, обобщение, описание, распространение опыта). Однако, как считает Н. О. Яковлева, в этом исследовании остаются неизученными ряд вопросов, связанных с принципиальными проблемами «теоретического создания проекта», хотя именно его детализация вскрывает сущность проектировочной деятельности педагога и делает ее прозрачной для методологического осознания и практического приложения [9].

В научной литературе выделяются три этапа или уровня проектирования: моделирование → проектирование → конструирование.

Причем, как видим, второй этап также назван проектированием. Объясняется это наличием у понятия «проектирование» двух значений – узкого и широкого. Термин «проектирование» в широком философском понимании, означает всякую интеллектуальность продуктивно-проектировочного содержания, направленную на создание идеальных прообразов возможных объектов [3]. В более узком, терминологическом значении «проектирование» есть процесс создания перспективно-предметного прообраза заданного объекта в информационной форме проектной разработки. **И** поскольку это понятие пришло в педагогику из техники, где оно в этих смыслах и функционирует, то и в педагогике сохраняется такой же подход.

Согласно вышеуказанной структуре моделирование является первым и начальным уровнем дидактического проектирования. Суть моделирования состоит в обобщенно-целостном описании проектируемого объекта (процесса) языком, близким к языку пользователя [4, с. 119]. Для педагога моделирование выступает одновременно

менно и общенаучным методом познания, и методом перевода теории в образовательную практику. Кроме того, моделирование в педагогике осуществляет расстановку акцентов, величин, отношений, и поэтому оно способно породить новое педагогическое знание в пограничной сфере между теорией и практикой [1].

Что касается других двух этапов проектирования, следующих за моделированием, то они способствуют еще большему приближению теории к практике. Собственно проектирование создает программы реализации моделей, а конструирование завершает проектирование разработкой конструкторов реализации конкретных деталей программы. Конструирование – это уже доведение идеи (теории) до уровня технологии исполнения практиком. Логическим итогом конструирования образовательного процесса является материализация проекта педагогической деятельности в виде плана, плана-конспекта, конспекта или технологической карты в зависимости от опыта педагога. Проектирование отличается от конструирования. Конструирование ориентирует проект на конкретные этапы подготовки военного инженера в вузе, наполняя их содержанием об индивидуальных особенностях обучающихся [2]. Проектирование и конструирование – последовательные этапы приближения замысла к его реализации.

Однако, исходя из того, что проектирование и диагностирование имеют общие цели и ориентацию на достижение результатов, проектирование и прогнозирование дают общее представление о будущих педагогических явлениях, проектирование и технологизирование обеспечивают универсализацию подходов к обучению, проектирование и планирование позволяют упорядочивать учебную деятельность, дробление этапов дидактического проектирования не является целесообразным.

Проведенный научно-теоретический анализ, изучение проектирования позволило определить место проектирования в деятельности педагога как специфического процесса, представляющего собой комплекс научно обоснованных процедур моделирования, проектирования и конструирования, обеспечивающих формирование проекта процесса обучения. Данный проект позволяет оптимально сочетать формы и методы проведения занятий; сохранять преемственность и непрерывность между этапами и видами учебной деятельности, соблюдать межпредметность общеобразовательной подготовки, индивидуализацию и дифференциацию учебного процесса и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краевский, В. В. Методология для педагога: теория и практика : Учеб. пособие / Под ред. П. И. Пидкасистого. / В. В. Краевский, В. М. Полонский. – М. – Волгоград : Перемена, 2001.
2. Кузьмина, Н. В. Согласование требований государственных образовательных стандартов к уровню профессионального образования преподавателей, педагогов, учителей, воспитателей: методические рекомендации / Н. В. Кузьмина. – М. : СПб., 1998. – 19 с.
3. Ляхов, И. И. Проектная деятельность: (Социологически-философский аспект) : Автореф. Дисс. Д-ра философ. наук / И. И. Ляхов. – М., 1996. – 48 с.
4. Обухов, А. С. Исследовательская позиция и исследовательская деятельность: что и как развивать? / А. С. Обухов // Исследовательская работа школьников. – 2003. – С. 18–25.
5. Оганесян, Е. В. Культурологическая модель педагогической практики студентов (опыт построения). / Е. В. Оганесян. – М. : Высшая школа, 2004. – 176 с.
6. Педагогика : Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений / В. А. Сластенин и др. – 4-е изд. – М. : Школьная Пресса, 2002. – 512 с.
7. Полат, Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е.С. Полат // Иностранные языки в школе – 2000. – № 2, 3.
8. Суртаева, Н. Н. Проектирование педагогических технологий в профессиональной подготовке учителя (на примере естественнонаучных дисциплин) : Дис. ... д-ра пед. Наук. / Н. Н. Суртаева. – М., 1995. – 341 с.
9. Яковлева, Н. О. Педагогическое проектирование инновационных образовательных систем / Н. О. Яковлева. – Челябинск : Изд-во Челябинского гуманитарного института, 2008. – 279 с.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

DESIGN IN THE STRUCTURE OF TEACHERS PROFESSIONAL ACTIVITY

E.A. Ostrikova, Specialist for Teaching Work
Armavir State Pedagogical Academy (Armavir), Russia

Abstract. *The article identifies the features of pedagogical design and describes describes the stages of the design of the learning process in the structure of teacher's professional activity of the i.e. modeling, design and construction.*

Keywords: *teacher, teaching process, pedagogical design, stages of the design, modeling, design, construction.*

УДК 378.14

ПОДГОТОВКА МЕНЕДЖЕРОВ В ВУЗАХ В АСПЕКТЕ ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ТРЕБОВАНИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Е.А. Прохорова, преподаватель

Армавирская государственная педагогическая академия (Армавир), Россия

***Аннотация.** В статье анализируются основные задачи, которые решаются преподавателем вуза в процессе организации учебной деятельности студентов. Обосновывается необходимость творческого подхода в решении данных задач. Описываются различные виды студенческой активности, развитие которой связывается с активизацией учебной деятельности посредством реализации преподавателем творческих навыков.*

***Ключевые слова:** преподаватель вуза, задачи преподавательской деятельности, творчество, творческие навыки преподавателя, активность студента, активизация учебной деятельности.*

Проблемы и тенденции реформ в обществе выдвигают к современному менеджеру принципиально новые требования: это – профессионал, обладающий масштабностью мышления; способный думать и действовать мгновенно; это – личность, уверенная в своих способностях, отличающаяся творческой позицией, готовая к риску, умеющая выделять главное, существенное, способная быстро адаптироваться в изменяющихся условиях; это – неповторимая индивидуальность, гармонично развитая, продуктивно самореализующаяся, достигающая максимального результата.

Основные из этих требований сформулированы отечественными учеными и сводятся к тому, чтобы современный менеджер обладал конструктивностью управленческого мышления и рефлексивными способностями (О. С. Анисимов, А. А. Деркач, И. Н. Семенов), самоактуализацией, мотивацией и стремлением к творчеству в рамках управленческого менталитета, (К. А. Абульханова; В. Г. Асеев), социально-перцептивной компетентностью и коммуникабельностью (А. А. Бодалев, А. Ю. Панасюк), гуманитарно-технологической подготовленностью (А. А. Деркач, А. С. Гусева), оптимальным стилем управленческой деятельности (В. Г. Зазыкин, Л. Г. Лаптев), корпоративными качествами и конкурентоспособностью (Р. Л. Кричевский; Ю. З. Синягин). На современном этапе развития бизнеса эти качества приобрели особую актуальность.

Профессия менеджера совмещает в себе должности менеджера, управляющего, руководителя различного уровня, систему профессиональных знаний и умений, позволяющих это руководство грамотно осуществлять. Менеджер – это и должность, и профессия, что предьявляет особые требования к представителям этой профессиональной группы, и создает множество потенциально проблемных моментов. Причем основной спецификой профессии менеджера является приоритет организационно-управленческих способностей, знаний и умений решения стратегических задач функционирования и развития организации и ее сотрудников при относительно низкой значимости узко профессиональных знаний и умений.

Таким образом, *в современном менеджменте компетенции менеджера носят комплексный характер, а спецификой профессии менеджера является относительно низкая значимость специальных знаний и умений, необходимых лишь на первых этапах карьеры. Гораздо большую роль играют общие способности, знания и умения, позволяющие решать стратегические, общие задачи.*

К таковым мы отнесем:

1. *Руководящие способности* – знание теории управления (менеджмента), управляемость, принятие оптимальных решений, выбор главного направления действий, умение анализировать и делать выводы, делегирование полномочий, определение стратегических целей и создание эффективной структуры руководства, умение ставить задачи и отдавать распоряжения

2. *Деловые качества* – вербализованность, дисциплинированность, инициативность, исполнительность, новаторство, самоанализ, самостоятельность, собранность, творчество, требовательность, трудолюбие, целеустремленность.

3. *Организаторские способности* – воодушевленность, контроль за исполнением, кумулятивность, мотивация и мобилизация коллектива, оперативность, организация взаимодействия, подбор кадров, организация проведения переговоров, синергия, сплочение коллектива, умение организовать свое место

4. *Профессиональные качества* – внедрение научных достижений, знание использования результатов деятельности, знание профиля руководимого объекта, применение системы управленческих функций, использование современных технических средств, стремление к научным исследованиям, умение работать с документами, самообразование

5. *Волевые и моральные качества* – активность, работоспособность, решительность, пунктуальность, энергичность, бескорыстность, верность, гармоничность, гибкость

Анализируя проблему подготовки менеджеров в условиях рыночной экономики, становится очевидным тот факт, что введение двухуровневой системы образования нацелено на повышение конкурентоспособности

будущего выпускника вуза. В процессе разработки путей реализации уровневой подготовки в рамках ФГОС ВПО по направлению подготовки «Менеджмент» был учтен опыт реализации предыдущего образовательного стандарта, квалификационные требования к работникам управленческой сферы, а также четко наметившиеся мировые тенденции развития менеджмента и некоторые закономерности нынешнего состояния российской экономической отрасли [2].

Большая академическая свобода вуза в выборе конкретных дисциплин для приобретения той или иной компетенции, предоставляемая ФГОС ВПО повышает возможность маневра для образовательного сообщества в принципиально важных сегментах образовательного процесса [1].

Вместе с тем большая свобода накладывает и большую ответственность, т.к. тактические ошибки образовательных заведений в выборе набора дисциплин могут свести на нет стратегически важные нововведения, что особенно опасно в сфере экономического образования, в области менеджмента и маркетинга, которое молодое в России, как и сама отрасль, и не имеет, например, как инженерное или педагогическое образование, четко выраженных традиций.

Поскольку в ФГОС ВПО заложены предпосылки для профессионального, интеллектуального и личностного развития студента-менеджера, а содержание основной рабочей программы нацелено на формирование конкурентоспособного профессионала в области управленческой деятельности, то именно нацеленность образовательного процесса высшей школы на формирование ключевых компетенций позволит будущим специалистам на более высоком уровне:

- 1) использовать общие и специальные способности;
- 2) интегрировано сочетать знания, способности и установки, оптимальные для выполнения трудовой деятельности;
- 3) делать что-либо эффективно в широком формате контекстов организации управления.

В связи с этим в качестве основных требований к менеджеру выступают умение сотрудничать с людьми, быть корпоративным, контролировать свои эмоциональные реакции. Кроме того, необходимым становится высокий уровень самостоятельности и самоуправления в сочетании с навыками контроля непосредственного процесса трудовой деятельности, ответственность за планирование, организацию и оценивание результатов деятельности, а также дисциплинированность, необходимая для обеспечения безопасности и надежности производственных процессов.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что изменение системы профессионального образования студентов-менеджеров в сторону усиления его практической и личностной ориентированности делает необходимым развитие в процессе формирования будущих руководителей не только когнитивных и личностных качеств, но также характеристик мотивационной сферы. В связи с вышесказанным необходимо отметить, что в условиях рыночной экономики неотъемлемой частью подготовки менеджеров в системе высшего профессионального образования становится развитие целостной личности будущего управленца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тельтевская, Н. В. Функции контроля знаний в учебном процессе / Н. В. Тельтевская // Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития. – Т.9. – Одесса : Черноморье, 2007.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200 менеджмент (квалификация (степень) «бакалавр»). Приказ Минобрнауки РФ от 20 мая 2010 г. – № 544.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

PREPARATION OF MANAGERS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF CHANGING REQUIREMENTS OF EDUCATIONAL STANDARDS

E.A. Prokhorova, Teacher
Armavir State Pedagogical Academy (Armavir), Russia

Abstract. *The paper analyzes the main problems that are solved by teacher of the university in the course of organization of students training activities. The author explains necessity of a creative approach to solving of these problems and describes various types of student activity, the development of which is associated with the activation of teaching activities through the implementation of creative skills by teacher.*

Keywords: *teacher of higher educational institution, problems of teaching activity, creativity, creative skills of a teacher, student activity, activation of teaching activities.*

УДК 37.043

ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ АСПЕКТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.А. Рубан, старший инспектор

Ставропольский филиал «Краснодарского университета МВД России» (Ставрополь), Россия

***Аннотация.** В статье раскрывается специфика правоохранительной деятельности, выявляется ее ориентированность на решение проблем, связанных со сферой межличностных отношений людей, коллективных контактов, что обосновывает необходимость улучшения подготовки сотрудников системы МВД к социальной, поисковой, реконструктивной, коммуникативной, организационной и удостоверительной вида профессиональной деятельности.*

***Ключевые слова:** профессиональная подготовка в вузах МВД России, правоохранительная деятельность, социально-ориентированная деятельность, виды правоохранительной деятельности.*

Специфика профессиональной подготовки в образовательных учреждениях МВД России обусловлена социально-ориентированной функцией органов внутренних дел. Место и роль органов внутренних дел в системе государственных институтов принято рассматривать в двух аспектах: во-первых, в системе исполнительно-распорядительных органов, а во-вторых, в системе правоохранительных органов. Принадлежность органов внутренних дел к исполнительной власти означает, что они осуществляют свои полномочия (обязанности и права) путем реализации права в форме правоохранительной деятельности. Как считает профессор Академии управления МВД России Н. Л. Гранат, можно говорить о трех основных составляющих механизма реализации права органами внутренних дел:

- соответствующем законодательстве, в том числе о ведомственных нормативных актах, регулирующих организацию и деятельность органов внутренних дел;
- профессионализме личного состава;
- благоприятной внутренней и внешней среде функционирования, включающей надлежащее обеспечение, достаточный уровень социально-правовой защищенности сотрудников [2].

Во внутреннем управлении задача органов внутренних дел заключается в обеспечении личным составом строгого и неуклонного соблюдения правовых предписаний и законности в своей повседневной деятельности. Реально эту задачу можно сформулировать как последовательное и поступательное сокращение количества фактов нарушений законности, уменьшение степени их тяжести, выявление всех причин и условий, способствующих созданию конфликтных ситуаций и разрастанию деструктивных организационных конфликтов, их профилактики, нейтрализация и компенсация.

Органы внутренних дел существенно отличаются от других правоохранительных структур. Они наиболее многочисленны, несут службу в непосредственном контакте с населением, многофункциональны, осуществляют свою деятельность под контролем всех ветвей власти. В структурном аспекте они представляют собой систему, элементы которой прямо и непосредственно применяют факторы принуждения в случаях и пределах, предусмотренных законодательством [там же].

В современных условиях, развитие которых сопряжено с социально-экономическими и криминальными осложнениями, возрастает роль органов внутренних дел для общества при решении задач обеспечения безопасности граждан, защиты собственности, предупреждения и пресечения преступлений, административных правонарушений, охраны общественного порядка, иными словами, обеспечения законности во взаимодействии субъектов социальных отношений и т.д.

В этой связи общество заинтересовано в наличии стабильной системы деятельности органов внутренних дел, функционирующей на принципах законности, гуманизма, гласности, презумпции невиновности, устойчивости, разграничения полномочий с другими государственными институтами.

Существенные возможности правоохранительной деятельности сосредоточены в той системе межличностных отношений, коллективных контактов, в которые включается сотрудник в процессе службы. Процессуальная сторона поведения, оказывая влияние на характер взаимоотношений сотрудников, должна учитываться при характеристике ее воспитательных особенностей. Устойчивое нравственное влияние на личность сотрудника оказывают собственно нравственные виды правоохранительной деятельности, имеющие объективные и личностные смыслы и цели.

Исследование психологических механизмов поведения показывает, что цель деятельности и способы ее достижения постепенно образуют в сознании человека некую ориентировочную основу. Если же ориентиры отсутствуют, то управляемость деятельности резко снижается. Правоохранительная деятельность сама по себе, хотя и характеризуется позитивной направленностью, однако ее конструктивных возможностей недостаточно для

обеспечения социально-нравственного поведения сотрудников. В случае формального выполнения ими нравственных и правовых требований они не усваивают их содержание, не принимают как внутренние ценности. Даже объективно общественно полезная правоохранительная деятельность может не оказать положительного влияния на человека, если он добивается общественно значимого результата, руководствуясь сугубо личными мотивами. Поэтому еще на этапе профессиональной подготовки сотрудников системы МВД России важно обращать внимание на формирование их смыслообразующей сферы, опору служебных заданий на потребности и интересы сотрудников, на осознание ими нравственного общественно ценного характера оперативно-служебной деятельности. Это обусловлено тем, что основной смыслообразующий мотив не только стимулирует, но и придает личностный смысл деятельности, определяя отношение сотрудника к нравственным и правовым нормам и принципам, выражающийся в служебной деятельности, переживание этих требований, их усвоение или отказ от них.

Указанные задачи невозможно решить в условиях формализованной системы профессиональной подготовки в вузах системы МВД России. Преодолению данного противоречия способствует реализация ФГОС ВПО третьего поколения, регламентирующего подготовку компетентных, высококвалифицированных специалистов, с необходимым комплексом личностных, социально и профессионально-значимых качеств, позволяющих осуществлять следующие виды профессиональной деятельности (по В.Л. Васильеву): социальную, поисковую, реконструктивную, коммуникативную, организационную, удостоверительную [1].

Социальная деятельность включает профилактические мероприятия, правовую пропаганду, участие в перевоспитании преступника и возвращении его к социальной норме поведения. Данный вид деятельности предполагает активную личностную позицию сотрудника правоохранительных органов. В нем, как ни в каком другом виде деятельности, профессионалу необходимы: терпимость к всевозможным формам проявления поведения граждан, недопустимость применения насилия и подавления достоинства людей, умение целесообразно и законно применения власти, готовность к диалогу и профессионально оправданному компромиссу, что соответствует требованиям правовой культуры для сотрудников системы МВД России.

Поисковая деятельность заключается в сборе исходной информации, необходимой для решения профессиональных задач. Удельный вес этой деятельности наиболее высок в профиограммах следователя, оперативного работника.

Реконструктивная деятельность – это текущий и завершающий анализ всей собранной информации по делу и выдвижение на базе ее синтеза, анализа и социальных знаний рабочих версий (гипотез). Планирование работы также есть результат реконструктивной деятельности.

Коммуникативная деятельность заключается в получении необходимой информации в процессе общения. Особенно большую значимость эта деятельность имеет при допросе, а также в деятельности оперативных работников. Данный вид деятельности предполагает признание и соблюдение прав и основных свобод человека, принятие многообразия культур и способов проявления человеческой индивидуальности.

Организационная деятельность заключается в волевых действиях по реализации и проверке рабочих версий и планов. Она подразделяется на два аспекта: самоорганизованность и организация людей в коллективном решении профессиональных задач.

Удостоверительная деятельность – это приведение всей полученной информации по делу в специальную, законом предусмотренную форму.

Каждый из приведенных видов деятельности обладает следующими характеристиками: нормативностью (степень соответствия сотрудников правовым и нравственным нормам, положениям профессиональной этики, ориентации на применение только законных способов борьбы с противоправными деяниями); организованностью (определение соответствующих форм организации и стройной системы реализации профессиональных задач органов правопорядка); подготовленностью (юридической, специальной, профессионально-психологической и др.) (наличие у сотрудника соответствующих знаний, умений и навыков); освоенностью (реальное овладение видами профессиональной деятельности сотрудником органов внутренних дел, высокая степень выполнения соответствующей деятельности); эффективностью (продуктивность, выражающаяся в результатах деятельности; скорость, отражающая быстроту, четкость и организованность действий; темп деятельности, определяющий соотношение «энергичных» участков и спадов в деятельности работника в течение фиксируемого периода времени; полнота, зависящая от объема успешного выполнения деятельности; стабильность, отражающая успешность деятельности работника в течение длительного периода времени и сохранение устойчивой результативности деятельности) [3, 4].

Анализ современных исследований особенностей профессиональной деятельности сотрудников ОВД (В. Л. Васильев, А. В. Дулов, В. Е. Коновалова, А. Р. Ратинов, А. М. Столяренко и др.) позволяет прийти к выводу, что одной из ее особенностей является ее жесткая нормативно-правовая регламентация [5]. При этом в правовых актах, регулирующих деятельность правоохранительных органов, наиболее четко сформулированными требованиями к личности и профессионализму сотрудника являются правовые и нравственные требования, что подчеркивает очень тесное и глубокое взаимодействие и взаимопроникновение этих двух видов общественных требований: в требованиях юридически оформленного профессионального долга, выраженного в Присяге, уставах, наставлениях, инструкциях, заключены и моральная оценка, и правовая норма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, В. Л. Юридическая психология / В. Л. Васильев. – СПб. : Питер, 2005. – 655 с.
2. Конфликт закона и правовая реформа. Материалы «Круглого стола» в ИГП РАН // Государство и право. – 1997. – № 12. – С. 5–26.
3. Мариновская, И. Д. Психология и педагогика в правоохранительной деятельности : учебное пособие / под ред. И. Д. Мариновской / И. Д. Мариновская, С. Н. Тихомиров., В. Л. Цветков. – М. : Цит-М, 2000. – 240 с.
4. Основы управления персоналом (кадрами) в органах внутренних дел: учебно-методическое пособие / сост. : С. Н. Афоничкин, С. А. Рябов, А. А. Мухортов и др. / под ред. В. И. Михайлова. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 220 с.
5. Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов. Учебное пособие. – М., 1997.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

**THE PROBLEM OF TRAINING OF FUTURE EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS
TO THE IMPLEMENTATION OF SOCIALLY ORIENTED ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT**

D.A. Ruban, Senior Inspector

Stavropol branch of “Krasnodar University of the Russian Interior Ministry” (Stavropol), Russia

***Abstract.** The article deals with the specifics of law enforcement, and identifies its focus on solving of the problems, associated with the sphere of interpersonal relations of people, collective contacts, which justifies the need for better training of employees of Internal Affairs Ministry to the social, search, reconstructive, communicative, organizational and certifying professional activities.*

***Keywords:** professional training in higher educational institutions of the Russian Interior Ministry, law enforcement, social-oriented activity, the types of law enforcement.*

УДК 754468

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Д.Х. Сайдазимова, преподаватель английского языка
Ташкентский государственный педагогический университет (Ташкент), Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье рассматривается личностно-ориентированный подход как средство развития в обучении иностранному языку. Личностная активность обеспечивает активное отношение к знаниям, систематичность и настойчивость в учебном труде, а также положительные результаты и успешное непрерывное образование.*

***Ключевые слова:** личностно-ориентированный подход, метод, обучение, иностранный язык, коммуникативная компетенция.*

Основное назначение иностранного языка как предметной области обучения видится в овладении учащимися умением общаться на иностранном языке. Речь идет о формировании коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять как непосредственное общение (говорение, понимание на слух), так и опосредованное общение (чтение с пониманием иноязычных текстов, письмо). Формирование коммуникативной компетенции является основной и ведущей целью обучения [1]. Сегодня это особенно популярно. Опыт свидетельствует, что наибольшие трудности при иноязычном общении человек испытывает, воспринимая речь на слух. Однако, устное общение роль которого в настоящее время стала особенно значительной, невозможно без понимания речей собеседника, поскольку в процессе речевого взаимодействия каждый выступает как в роли говорящего, так и в роли слушающего.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов проблемы обучения иностранным языкам является проверка и учет знаний, умений и навыков, методика их организации и проведения.

Одним из наиболее эффективных средств развития и формирования навыка иноязычного общения является личностно – ориентированный подход.

Личностно – ориентированном подходе главной целью развивающего обучения является формирование личностной активности студента. Личностная активность обеспечивает активное отношение к знаниям, систематичность и настойчивость в учебном труде, положительные результаты и успешное непрерывное образование. Такая активность называется личностной, поскольку она обусловлена психологическими особенностями личности – актуальными потребностями, значимыми для студента целями и мотивами, понятными смыслами, доминирующими отношениями [2].

Личностные психологические особенности не могут быть усвоены в виде знаний. Они становятся результатом самостоятельного включения учащихся в учебную деятельность и являются итогом деятельности организации учебного процесса по иностранному языку. При такой организации средствами предмета иностранный язык развиваются индивидуальные особенности студента.

Поэтому, логичным представляется обратиться к чтению на иностранном языке, включая индивидуальное домашнее чтение, как одному из важных источников познавательных потребностей учащихся и как средству для обучения личностно-ориентированному общению [2].

Остановимся кратко на характеристике понятия личностно-ориентированного общения.

Б. Ф. Ломов называет личностными такие формы общения, в которых нет предмета деятельности, внешнего по отношению к взаимодействию партнеров, или же этот предмет играет лишь инструментальную роль. Движущей силой такого общения является та ценность, которую его партнеры представляют друг для друга, а объекты, которые вовлечены в данный процесс, играют роль посредников или знаков, на языке которых субъекты раскрывают себя друг другу. Под личностно-ориентированном общением в учебном процессе мы понимаем общение, основанное на интересе человека к человеку, на доброжелательном, таким, уважительном отношении собеседников, на знании и учете индивидуально – психологических особенностей их характера, темперамента и т.п. [3]. Такое общение, выраженное в соответствующей речевой форме, способствует самовыражению личности.

Одним из источников разработки структуры личностно-ориентированного иноязычного общения являются различные интенсивные методы обучения иностранным языкам (Г.А. Китайгородская, Е.Г. Чалнова). Так, Е.Г. Чалкова понимает обучение иноязычному общению прежде всего, как обучение психологически адекватному межличностному общению. Такое обучение способствует созданию атмосферы психологического комфорта у собеседников. Большую роль в создании оптимальных условий иноязычного общения играет последовательное формирование коллективистских отношений в группе обучающихся. Проблему сплоченности группы Е.Г. Чалкова рассматривает как условие для повышения мотивации к овладению языком, для открывающейся возможности языкового общения, для повышения творческого «потенциала» личности.

Характерной чертой большинства форм личностно-ориентированного общения является ориентиро-

ванность субъекта общения на то, чтобы тут же получить ответ от собеседника, воспринять его реакцию и в соответствии с этим решить, в каком направлении действовать дальше. В этом случае важным становится превращение процесса овладения языком в процесс личностный [4]. Передача лично-значимой информации будет стимулировать дополнительно новые высказывания учащихся, что объясняется неоднозначностью восприятия такой информации. Иными словами, в данном случае становится возможным перевод речевой деятельности в область психических процессов. При таком подходе главная задача методики состоит в повышении интеллектуально-мыслительной активности обучаемых.

Как известно, существенной характеристикой любой деятельности является ее мотивированность, при рассмотрении которой обращает на себя внимание прежде всего начальный предпосылочный момент деятельности. Это обеспечивает учащимся возможность выбора материала для индивидуального домашнего чтения в соответствии с их интересами, наклонностями, а также возрастными и индивидуально-психологическими особенностями [5].

На таком начальном этапе деятельности мы считаем целесообразным ориентироваться на 4 группы учащихся, а именно:

- 1) учащихся, легко вступающих в контакт с окружающими и имеющих высокий уровень обученности;
- 2) учащихся, недостаточно общительных и имеющих средний уровень обученности;
- 3) малообщительных учащихся с низким уровнем обученности;
- 4) учащихся, легко вступающих в контакт с окружающими и имеющих низкий уровень обученности.

Первая группа учащихся с удовольствием читает рубрику «Это интересно», тексты с афоризмами, изречениями, нонсенсами, после чего знакомит присутствующих с наиболее оригинальными из них.

Вторая группа учащихся с интересом знакомится с программой телевидения Англии, сравнивает ее затем с программой телевидения нашей страны, составляет «свою» программу на выходной день и т. П.

Застенчивые ученики с низким уровнем обученности с удовольствием работают с текстами.

Учащимся, легко вступающим в контакт с окружающими и имеющим низкий уровень обученности по иностранному языку, можно предложить подобрать запись какого-либо английского певца, музыкального ансамбля и передать по-узбекски его содержание исполняемой ими песни; описать своим товарищам карикатуры по какой-либо теме и т.д.

В результате такого деления учащихся на группы создается поле деятельности для самых разных по уровню подготовки учеников, что приносит каждому из них чувство удовлетворения от урока и позволяет с радостью ожидать следующего. Причем необходимо постепенно усложнять задания, помня о главном требовании дидактики – развивать ученика средствами данного конкретного предмета.

Таким образом, рассмотрев данную методику обучения иностранному языку, мы считаем, что личностно – ориентированный подход является немаловажной составной частью учебного процесса, так как основными задачами дифференцированного подхода в обучении иностранному языку мы считаем удовлетворение познавательных потребностей и сильных, и слабых учащихся с учетом их индивидуальной подготовленности, индивидуальных качеств каждого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скалкин, В. Л. «Коммуникативные упражнения на английском языке» / В. Л. Скалкин. – М. – 1983.
2. Тамбовкина, Ю. В. Обучение лично-ориентированному общению на основе текста / Ю. В. Тамбовкина // Иностранные языки в школе». – М. – 2003. – № 5.
3. Шабарин, М. Ю. Обучение иностранному языку в воспитании личности / М. Ю. Шабарин // «Иностранные языки в школе». – 1986. – № 5.
4. Шубин, У. П. «Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам» / У. П. Шубин. – М. – 1972.
5. Яшихин, С. В. Проблемы обучения иностранным языкам / С. В. Яшихин // «Иностранные языки в школе». – М. – 1982. – № 5

Материал поступил в редакцию 19.09.14.

PERSONALITY-ORIENTED APPROACH AS A MEAN OF DEVELOPMENT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

D.Kh. Saydazimova, Teacher of English
Tashkent State Pedagogical University (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. This article focuses on personality-oriented approach as means of development in foreign language teaching. Personal activity provides an active interest to knowledge, regularity and persistence in school work, as well as positive results and successful continuing education.

Keywords: personality-oriented approach, method, teaching, foreign language, the communicative competence.

УДК 371.3

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ КОНСПЕКТОВ И ОСНОВНЫХ КРИТЕРИЯХ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ

О.С. Серегина, кандидат педагогических наук, доцент

Новокузнецкий филиал-институт «Кемеровского государственного университета» (Новокузнецк), Россия

Аннотация. В научной статье представлены особенности конспекта как коммуникативного продукта; рассматриваются различные основания для классификации; указывается специфика планового, текстурального свободного, тематического конспектов; анализируются особенности использования конспекта в профессиональной деятельности учителя.

Ключевые слова: конспект как особый вид текста, классификация конспектов, профессионально ориентированное конспектирование.

В современных педагогических исследованиях конспектирование рассматривается как процесс переработки и фиксации информации, а научных работ, посвященных профессионально ориентированному конспектированию и конспекту как его коммуникативному продукту и результату, в специальной литературе представлено недостаточно.

В научных публикациях заявлено, что конспектом (в широком смысле слова) называется «особый вид текста, который создается в результате аналитико-синтетической переработки информации, содержащейся в первоисточнике (исходном тексте). Цель такой переработки – выявление, систематизация и обобщение (с возможной критической оценкой) наиболее ценной для конспектирующей информации. Письменная фиксация этой информации избавляет читающего от необходимости повторно обращаться к первоисточнику» [2, с. 29]. Несомненно, является важным, что «для конспектирования отбирается информация, субъективно необходимая для составителя» [4, с. 412], «в зависимости от формы представления основной информации конспект может выглядеть как план, схема или как собственно текст» [там же, с. 413], конспект «применим только для индивидуального пользования» [там же], поэтому «допускаются и даже приветствуются дополнительные пометы, замечания составителя, графические обозначения, выделения шрифтом и цветом, индивидуальные значки и т.д., а также сокращения, цитаты, записи на полях, отражающие точку зрения составителя, - все, что впоследствии поможет развертыванию информации» [там же].

Анализ работ, посвященных исследованию конспекта (Н. С. Араповой, В. А. Безруковой, Д. Х. Вагаповой, В. Ю. Выборновой, О. Ю. Князевой, Н. И. Колесниковой, Л. М. Кузнецовой, Л. Г. Ларионовой, С. Ю. Михайловой, Р. М. Нефедовой и др.), позволяет утверждать, что классификация конспектов и основные критерии их выделения до настоящего времени являются предметом обсуждения в лингвистической и методической литературе.

Наиболее известна систематизация конспектов, определенная В. Ю. Выборновой, которая рассматривает **по объему краткие, подробные (или развернутые) и смешанные конспекты; по количеству перерабатываемых источников различает монографические конспекты, составленные по одному источнику, и сводные (или обзорные), составленные по нескольким источникам на одну тему** [2].

Л. М. Кузнецова дополняет данные сведения и выделяет два вида конспектов **по степени эквивалентности первоисточнику: интегральный и селективный**. Интегральным называется конспект, который передает все основные положения и важнейшие смысловые связи, то есть всю смысловую сетку первоисточника. Селективным назван конспект, включающий отдельные элементы первоисточника, представляющие новизну и значимость для составителя, но, в совокупности, не отражающие основных положений первоисточника. Селективный конспект нельзя назвать семантически эквивалентным первоисточнику, он носит индивидуальный характер, отражает конкретные потребности составителя в той или иной области информации [6]. Как уточняет О. Ю. Князева, «следует отметить, не регламентируется объем как селективного, так и интегрального конспекта. Его обычно устанавливает сам составитель в зависимости от многих факторов: степени значимости текста в целом и отдельных частей для него лично, от общего объема текста, его трудности, степени известности излагаемого материала и т.д.» [5, с. 59].

Согласно классификации, разработанной Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевой, конспекты подразделяются на четыре вида: *плановые, текстуральные (цитатные), свободные, тематические*. При составлении *планового* конспекта сначала пишется план; далее, по мере необходимости, на отдельные пункты плана «наращивается» текст. Однако там, где пункт плана не требует дополнений и разъяснений, он не сопровождается текстом. Это одна из особенностей стройного, ясного и короткого плана-конспекта. *Текстуральный* конспект создается из отрывков подлинников-цитат, следовательно, конспектом/пересказом может быть назван условно (это скорее дословные выписки). *Свободный* конспект включает в себя и собственные формулировки, и цитаты, и выписки, и тезисы, часть его текста может быть снабжена планом. *Тематический* конспект является кратким изложением одной темы, раскрытой по нескольким источникам [3].

Особая точка зрения по классификации конспектов представлена В. А. Безруковой. Она считает сино-

нимичными терминами «конспект» и «формы конспектирования», где под формой конспектирования понимается «то, во что превращается авторский текст у нас в тетради. Это могут быть *выписки, план, тезисы, план-тезисы, аннотация, рецензия, реферат, «опорный конспект»* и др.» [1, с. 152].

Характеристика разновидностей конспектов показывает многообразие подходов в изучении данного вопроса, и все авторы единодушны во мнении, что критерием качества любого конспекта служит возможность воспроизвести по нему материал через относительно большой промежуток времени и длительно хранить переработанную информацию.

Наиболее универсальной является классификация, представленная В. Ю. Выборновой, на том основании, что сведения, отраженные в ней, могут быть соотнесены с любой разновидностью конспектов (конспектов уроков в том числе). Другие классификации имеют узкую направленность и рассчитаны на их использование любым человеком, но не создающим конспект урока учителем (например, конспект урока не может быть назван селективным, так как в нем фиксируется та информация, которая востребуется на уроке учителем уже завтра; или конспект урока как профессиональное высказывание нельзя назвать текстуальным конспектом, потому что в нем может прописываться речь учителя и учеников как возможных исполнителей и т.д.)

Исходя из вышеизложенной научной информации, следует отметить, что сведения о классификации конспектов нельзя целиком использовать при создании типологии конспектов уроков как профессионально значимого коммуникативного феномена, потому что в них не учитывается главное – специфика подготовки и сфера употребления данного речевого произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безрукова, В. А. Конспект и конспектирование / В. А. Безрукова // Народное образование. – 2001. – № 5. – С. 150–154.
2. Выборнова, В. Ю. Учим конспектировать / В. Ю. Выборнова // Русский язык в школе. – 1991. – № 2. – С. 29 – 34.
3. Граник, Г. Г. Когда книга учит. 2-е изд., доп. / Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевая. – М. : Педагогика, 1991. – 256 с.
4. Ипполитова, Н. А. Русский язык и культура речи : Учебник / Н. А. Ипполитова, О. Ю. Князева, М. Р. Савова / Под ред. Н. А. Ипполитовой. – М. : ТК Велби, Издательство «Проспект», 2004. – 440 с.
5. Князева, О. Ю. Обучение реферированию как интеллектуально-речевому умению на уроках русского языка : Дис. ... канд. Пед. Наук : 13.00.02 / О. Ю. Князева – М., 1986. – 234 с.
6. Кузнецова, Л. М. О формировании умений конспектирования / Л. М. Кузнецова // Русский язык за рубежом. – 1982. – № 5. – С. 45–50.

Материал поступил в редакцию 15.09.14.

CLASSIFICATION OF NOTES AND THE MAIN CRITERIA FOR THEIR ALLOCATION

O.S. Seregina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Novokuznetsk Institute Branch of “Kemerovo State University” (Novokuznetsk), Russia

Abstract. *Scientific paper presents features of notes as communicative product, discusses the various reasons for the classification, indicates specifics of planned, textual free and thematic notes and analyzes the characteristic features of the use of notes in the professional work of the teacher.*

Keywords: *notes as a special kind of text, notes classification, professionally oriented note-taking.*

УДК 327654

МЕТОДИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

М.И. Тошпулатова, старший научный сотрудник-соискатель
Ташкентский государственный педагогический университет (Ташкент), Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье рассматривается методика совершенствования профессиональной подготовки будущих учителей начальных классов. Поскольку, начало обучения в школе – один из самых серьезных моментов в жизни ребенка. От того, в какой образовательной системе он окажется, каким будет его первый учитель, во многом зависит его успешность и самоактуализация личности в будущем.*

***Ключевые слова:** методика, педагог, педагогика, способность, обучение, воспитание, развитие, формирование.*

Повышенное внимание к профессиональной подготовке учителей начальных классов обусловлено внедрением в массовую школьную практику технологий и методик развивающего образования. Логика развития научных направлений, их концептуальное осмысление и обобщение, закономерно выдвигает задачу коренного переустройства школы, кардинального изменения направления в образовании.

Начало обучения в школе – один из самых серьезных моментов в жизни ребенка. От того, в какой образовательной системе он окажется, каким будет его первый учитель, во многом зависит его успешность и самоактуализация личности в будущем. Процесс совершенствования профессионального мастерства включает не только перестройку и совершенствование знаний, умений и навыков учителя, но и совершенствование его личности. Значимость подобного подхода к проблеме повышения квалификации учителя начальных классов обусловлена, во-первых, повышенной ответственностью и сложностью задач, стоящих перед ним, а во-вторых, дефицитом научно обоснованных разработок эффективного воздействия на процесс становления профессионального мастерства учителя начальных классов.

Личность, как известно, формируется в деятельности, и прежде всего в ведущей деятельности. Для учителя таковой является педагогическая деятельность, освоение которой начинается в период профессионального обучения. Педагогически целенаправленная деятельность “порождает” (А. Н. Леонтьев) [3] необходимые профессионально-личностные качества, которые затем обеспечивают успех профессионального труда.

Построение единой системы психолого-педагогического сопровождения учителей начальных классов в процессе профессиональной подготовке в вузе позволит, по мнению А. Запесоцкого, повысить уровень их личностно-профессионального развития.

А. Запесоцкий писал, что направлениями сопровождения могут быть: собственно учебно-педагогическое взаимодействие; взаимодействие на основе научно-исследовательской деятельности; межличностное взаимодействие субъектов образовательного процесса; взаимодействие на основе адресной психологической помощи и педагогической поддержки студенту.

Чтобы регулировать и оценивать свою деятельность, повышать ее эффективность, учитель применяет различные методы самоанализа, самоконтроля, самооценки и самокоррекции, стремясь достичь высокого уровня профессионализма и выработать не просто индивидуальный, а индивидуально-оптимальный стиль своей деятельности.

Педагогическая направленность личности как интегральное качество, включающее в свою подструктуру интерес и склонность к педагогическому труду, любовь к детям и ориентацию на развитие личности ученика.

Педагогическая подготовленность, или профессионально необходимые знания, навыки и умения, педагогическое мастерство.

Педагогические способности, в частности, дидактические, академические, перцептивные, организаторские, экспрессивно-речевые, коммуникативные, рефлексивные, управленческие, волевые (авторитарные), актерские (элементы), суггестивные, проективные, конструктивные, творческие и некоторые другие.

Педагогическое самосознание учителя как комплекс представлений о себе и своей профессии, самооценивание, определение собственных целей и перспектив.

Личность учителя является стержневым фактором педагогической деятельности, потому что самореализация личности учителя, направленная на психическое развитие ученика, и есть основное содержание труда учителя. Вместе с тем у всякого труда имеется результат, в учительском труде это обученность (+обучаемость) и воспитанность (+воспитуемость) школьников. Следовательно, формирование умения достигать наилучших результатов в труде и объективно оценивать их также входит в задачу профессиональной подготовки учителя.

В профессиональном обучении студентов-будущих учителей нужно формировать гибкость мышления,

умение диагностировать и прогнозировать развитие учащихся, предвидеть результаты своих действий, умение не только ставить педагогические цели, но и добиваться их оптимальным способом.

1. Необходимо отметить, что основные проблемы подготовки учителей начальных классов за рубежом основательно освещены рядом исследователей. В частности, американские ученые признают, что для того, чтобы сделать подготовку учителей более эффективной, необходимо создание условий для творческой организации педагогического опыта студента. В качестве путей осуществления индивидуального подхода к профессиональной подготовке предлагается: индивидуализированные программы обучения; индивидуальное наставничество, обучение, построенное на основе семинаров, способствующее развитию рефлексивного мышления, ведение студентами «дневника рефлексии», создание студентами совместно с преподавателями проблемной модели педагогического процесса и т. П. [4, с. 17].

Привлекает опыт подготовки учителя начальных классов во Франции. Как отмечается в исследованиях Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский и В. А. Ротерберг первое педагогическое условие, связанное с профессионально-педагогической подготовкой учителя начальных классов, включает в себя следующие направления:

1. мотивированность выбора педагогической профессии (будущие студенты университетских институтов отбираются на основании личного дела и специального собеседования);
2. формирование личностных качеств учителя начальных классов с помощью курсов по выбору: интегрированность сознания, глобальность мышления, широкая информированность;
3. подготовка учителя к решению современных проблем: школьная адаптация детей различных этических групп;
4. практическая направленность в преподавании психологии и педагогики: будущие учителя овладевают тестовыми заданиями и техникой их расшифровки [4, с. 7].

Вторым условием, обеспечивающим эффективную профессиональную подготовку учителя начальных классов, является модернизация педагогической практики в процессе подготовки учителя начальных классов. В современной Франции создано три модели организации педагогической практики:

1. педагогическая практика играет подчиненную роль;
2. в ходе педагогической практики студенты овладевают только методическими приемами;
3. студент в ходе педагогической практики овладевает аналитической педагогикой [4, с. 54].

В Великобритании во время профессиональной подготовки учителя начальных классов в университетах особое внимание уделяется глубокому овладению будущими учителями одним из основных предметов, преподаваемых в начальной школе, а также изучению особенностей обучения детей с различными физическими и умственными отклонениями от нормы. В английских вузах существует такая форма обучения, как тьюторская. Тьютор, в отличие от обычного преподавателя, не обучает какому-то предмету, а помогает студенту составить личный план обучения и консультирует его по данному вопросу в течение всего срока обучения [4, с. 58]. Педагогическое образование в Англии имеет ряд интересных практических особенностей, например:

1. вуз обязан наблюдать за работой своих выпускников в школе не менее года после выпуска;
2. вуз обязан привлекать к учебному процессу лучших школьных учителей.

В ФРГ значительную долю профессиональной подготовки, согласно учебному плану, составляет самостоятельная работа студентов. В немецких вузах принято практиковать написание студентами большого количества рефератов, выполнение творческих заданий, проектов и т.п., отчеты, доклады, которые в форме выступления на семинарах являются условием допуска к сдаче экзаменов и зачетов [1].

В немецких вузах наблюдается устойчивая тенденция к сокращению лекционной формы проведения занятий и к увеличению занятий в форме семинаров. Практикуется подготовка проведения семинаров самими студентами. Студентам оказывается большая консультационная помощь ведущими преподавателями курсов. Индивидуальная форма со студентами в Германии занимает все более и более значительное место в учебном процессе.

Анализируя опыт педагогических вузов и университетов разных стран по профессиональной подготовке учителей начальных классов, можно выявить следующие тенденции совершенствования обучения студентов:

1. психолого-педагогическая и социологическая направленность содержания педагогического образования;
2. практическая подготовка будущего учителя к общению на основе тренинговых занятий;
3. реформирование педагогической практики;
4. использование практико-ориентированных форм обучения: микропреподавание, моделирование учебных ситуаций, анализ видеофрагментов уроков, школьные и лабораторные практикумы;
5. использование информационных технологий;
6. повышение удельного веса самостоятельной подготовки студентов.

Поскольку, реализации этой концепции предусматривает построение развернутой теоретико-методологической базы для моделирования процессов развития человека как интегральной индивидуальности; развитие целевой, содержательной и технологической базы, научно-исследовательских проектов и коррекционно-развивающих практических разработок. Основным результатом, на который ориентируются специалисты сопровождения студентов в педагогическом вузе становится возвращение к сущности педагогической профессии, предполагающей:

- опору на достижения и успех ребенка;

➤ помощь и поддержку ученика в оптимистическом восприятии мира во всей его сложности; и в соответствии со стратегиями модернизации образования [2, 29].

Профессиональное обучение формирует у студентов цели и перспективы профессионального роста. Причем происходит это в зависимости от самооценки и уровня притязаний личности, с учетом того идеала учителя-мастера, на который ориентируются студенты.

Идеалом для современных студентов, как правило, служит или свой любимый учитель, или известный педагог-новатор. Таким образом, уровень намечаемых достижений оказывается обычно высоким, но стремление к нему не всегда подкрепляется делами, мечты расходятся с реальными успехами в учебе, в прохождении педпрактики. Нередко студенты слепо копируют образцы, пусть и лучшие; они недостаточно знают свои сильные и слабые стороны и потому не могут выработать свой индивидуальный стиль деятельности. Это, кстати, тоже приводит к неудовлетворенности или неполной удовлетворенности учебной, результатами практики, а затем и профессиональным трудом. Преподаватели вуза должны помочь студентам в формировании адекватных самооценки и уровня притязаний, с тем чтобы предупредить возможные разочарования и фрустрации из-за неудач в работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавилов, Ю. П. О педагогических способностях учителя младших классов / Ю. П. Вавилов // Диагностика познавательных способностей. – Ярославль : ЯГПИ, 1986. – С. 18–25.
2. Новое педагогическое мышление / Под ред. А. В. Петровского. – М. : Педагогика, 1989. – 280 с.
3. Основы педагогического мастерства / Под ред. И. А. Зязюна. – М. : Просвещение, 1989. – 302 с.
4. Подласый, И. П. Педагогика начальной школы. Учебное пособие для студ. Пед. Колледжей / И. П. Подласый – М. : Гуманитарный центр ВЛАДОС, 2001. – 400 с.

Материал поступил в редакцию 19.09.14.

IMPROVING METHOD OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE ELEMENTARY SCHOOL TEACHERS

M.I. Toshpulatova, Senior Research Scientist, Degree Seeker
Tashkent State Pedagogical University (Tashkent), Uzbekistan

***Abstract.** This article discusses improving methods of professional training of future primary school teachers. The start of school life is one of the most important moments in the life of a child. The success of a child and his/her self-actualization in the future largely depend of the educational system and the first teacher.*

***Keywords:** methods, teacher, education, ability, training, development, formation.*

УДК 372.891

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕХНОЛОГИИ ПРОБЛЕМНОГО ДИАЛОГА НА ЗАНЯТИЯХ В ВЫСШЕЙ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛАХ

М.Д. Черная¹, Н.А. Черная²

¹ учитель географии, ² ассистент кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии с курсом психиатрии, психиатрии-наркологии ФУВ

¹ МОУ СОШ с углубленным изучением отдельных предметов № 20

² Волгоградский государственный медицинский университет (Волгоград), Россия

Аннотация. Целью настоящей работы был поиск решений для реализации новых стандартов образования. За основу была взята технология проблемного диалога, которая предполагает обучающимися самостоятельно добывать новые знания, собирать необходимую информацию. Приведен пример введения нового материала на уроке географии в тесном сотрудничестве с преподавателем высшей школы и студентами-иностранными средних курсов Института иностранных языков Волгоградского государственного педагогического университета. Путем побуждающего диалога, реализуя творческий потенциал каждого обучающегося, что несомненно способствует личностному развитию и повышению мотивации, была достигнута основная задача-изучение нового материала, способность к постановке проблемы и непосредственный ее анализ.

Ключевые слова: стандарты образования, технология проблемного диалога, повышение мотивации, обучение географии.

Реализуя новые стандарты образования в системе высшего образования и в общеобразовательной школе, большое внимание уделяется проблемному диалогу. Новая технология образовательной системы «Школа 2100» используется на занятиях для подачи нового материала, созданию познавательного интереса обучающихся, повышению уровня мотивации. Предлагаемые проблемные ситуации должны отвечать целям формирования системы знаний; быть доступным для учащихся и соответствовать их познавательным способностям; должны вызывать собственную познавательную деятельность и активность[3]. Включение познавательных задач в учебно-воспитательный процесс при изучении географии вызывает у обучающихся интерес к познанию, к решению незнакомого задания, к овладению опытом творческой деятельности, т.е., проблемное обучение, выступает как средство воспитания творческой личности.

В тесном сотрудничестве между преподавателем средней школы- учителем географии (МОУ СОШ с углубленным изучением отдельных предметов № 20 г.Волгограда) и преподавателем высшей школы- преподавателем кафедры русского языка (Институт иностранных языков при Волгоградском государственном педагогическом университете) был разработан урок для 11 класса средней школы в рамках изучения раздела «Страны Азии» по теме «Китай». Целью такого урока мы ставили знакомство с особенностями хозяйства, населения, исторического развития и культуры Китая посредством живого общения с гражданами этой страны, которые также были мотивированы на преподнесение материала в необычной форме. Такое взаимодействие прекрасное условие для повышения эффективности учебного процесса. Форма такого урока, урок – пресс-конференция, как нельзя кстати, является хорошим инструментом для процесса формирования диалога между школьниками и студентами.

Для студентов Института иностранных языков (преимущественно студенты из Китая третьего курса, изучающие русский язык), опыт проведения урока- конференции на базе общеобразовательной средней школы несомненно стал важной отправной точкой для создания своих представлений о методе технологии проблемного диалога при обучении школьников в традиционной средней школе. В качестве мотивирующего приема для создания проблемной ситуации для студентов высшей школы был предложен 10-минутный видеоролик с уроком географии в общеобразовательной школы по теме «Страны Азии». Студентам предложен выбор методов, форм и средств обучения для преподнесения новых знаний обучающимся средней школы, так как они знают эту проблему что называется «изнутри». Основная ставка была сделана на коммуникативные установки, то есть сферу межличностного общения и сочетание познавательного интереса при общении ребят разных национальностей, разного менталитета и социальных групп.

На начальном этапе урока происходит знакомство студентов и школьников. Ребята по очереди представляются. Уже на первом этапе школьники слышат названия городов и провинций Китая. Это этап побуждающего диалога, на котором учитель побуждает учеников выдвинуть и проверить гипотезы об административно-территориальном устройстве Китая, задать соответствующие вопросы по теме урока, выстроить логическую цепочку умозаключений и привести к новому знанию[1]. Затем на экран выводится картосхема «Административно-территориальное деление и экономические зоны Китая». Вновь вступают в диалог студенты. Ребята на карте показывают места своего проживания в родной стране, творчески обыгрывают преподнесение этой информации. И такие далекие и трудно выговариваемые китайские названия становятся ближе и доступней.

Побуждающий диалог мотивирует школьника самому занять позицию исследователя. И вот уже реали-

зовывается познавательный интерес и звучит вопрос со стороны школьника: «Уважаемые гости, а что вас удивило в России больше всего?» Приведем несколько вариантов ответов студентов. Ляо Сучжень: «Здесь в России женщины очень самостоятельные, красивые, талантливые. А порой они могут одновременно делать много дел сразу». Ван Ю: «Я заметила, что мамы, гуляя с детьми, не удерживают их за руку. Я думаю, что и дети в России такие самостоятельные». Люй Вэй : «Удивила архитектура Волгограда, я видел много интересных старых зданий. А также у вас богатая национальная кухня». Школьники были в восторге от ответов и сделали вывод о хорошей наблюдательности студентов.

Целью второго этапа урока было изучение социальных вопросов. На экран выводится слайд с фотографией типичной картины одной из улиц китайского города, идущих людей на улице много. Один из студентов комментирует фото: «Это не шествие во время праздника. Такая ежедневная картина типична для городов Китая». Школьники, конечно, знают о демографической проблеме страны, которая является лидером по численности населения. И так просто убеждаются в этом еще раз! Одним из интересных для школьников вопросов был вопрос о социальном статусе семей, к которым принадлежат студенты. Развивающий результат сводился к тому, что школьники из первых уст узнали о жесткой демографической политике, проводимой правительством Китая, в вопросе рождаемости в стране. Несмотря на различный статус (студенты – представители разных семей: рабочих, крестьян, врачей, чиновников, инженеров), все без исключения ребята являются единственными детьми в своих семьях и могут себе позволить обучение в России. Таким образом, сухие строчки учебника о демографической политике Китая: «Одна семья – один ребенок» имеют реальное воплощение в современной жизни. В этом диалоге достигается подлинное понимание учебного материала школьниками, ибо нельзя не понимать то, до чего прикоснулся сам.

Технология проблемного диалога универсальна. Она развивает логическое мышление и поэтому незаменима при работе с детьми с пониженной обучаемостью[2]. В качестве примера приведем вопрос, который был задан одним из школьников студентам: «Если вы учитесь здесь в России, значит вы хорошо учились в школе? Расскажите об обучении в китайской школе». И ученик призадумался о своем частом нежелании добросовестно учиться после ответов ребят, о том, что китайские школьники учатся с утра и до позднего вечера, что каникулы краткосрочные, классы многочисленны. Трудолюбие и терпение – вот залог успеха школьников в Китае.

На третьем этапе урока школьники говорили о культурном наследии Китая, известном им из уроков истории (межпредметные связи на лицо). На экран выводятся слайды с известными всему миру изображениями: портреты Конфуция, шелкография, Великая Китайская стена, многочисленные рисовые поля, церемония чаепития и др.). Резонно звучит вопрос от школьников: «Для страны с быстро развивающейся экономикой не забыто ли наследие прошлого?» И получают достойный ответ о том, что китайцы очень бережно относятся ко всему, что культивировалось веками: конфуцианство, беспрекословное подчинение старшим, уважительное отношение к преподавателям, высокая дисциплина во всем. Таким образом, на уроке присутствует и воспитательный момент в обучении наших школьников.

Развивающие результаты такого урока становятся явными. Еще множество вопросов звучит в классе. Например, как и где находят работу выпускники после обучения в России, хочется ли им остаться в Волгограде, какое внимание китайские граждане уделяют спорту и многое, многое другое. Таким образом, такие уроки очень нужны, так как повышается интерес к предмету географии, развивается свобода мышления и общения, воспитывается уважительное отношение к собеседнику, углубляются знания страноведческого аспекта по предмету.

Технология проблемного диалога применима на любом предмете и любой ступени, поэтому ее с успехом можно использовать на этапе общеобразовательной школы, а также высшей школы. Используя элементы технологии, мы стараемся создать положительную мотивацию у обучающихся на приобретение новых знаний не только с подачи преподавателя, но и путем самостоятельного поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотникова, Н. В. Технология проблемного диалога / Н. В. Болотникова // «Системно – деятельностный подход в организации образовательного процесса по географии как основа ФГОС ООО» : Материалы Всероссийской научно – практической конференции, 19 марта 2013г., г. Волгоград. – С. 25–29.
2. Беспалова, В. Н., Болотникова, Н. В. Использование технологии проблемного диалога на уроках географии как средство реализации ФГОСт / В. Н. Беспалова, Н. В. Болотникова // Обеспечение метапредметных результатов образования средствами УМК издательства «Дрофа» (на примере курса «География») : Материалы Всероссийской научно – практической конференции, апрель 2014г., г.Волгоград. – С. 131–133.
3. Мельникова, Е. Л. Технология проблемного обучения / Е. Л. Мельникова // Школа 2100. Образовательная программа и пути ее реализации. Вып. 3. – М., Баласс, 1999. – С. 85–93

Материал поступил в редакцию 29.09.14.

USE OF TECHNOLOGY ELEMENTS OF THE PROBLEM DIALOGUE ON THE LESSONS IN THE HIGHER AND SECONDARY SCHOOLS

M.D. Chernaya¹, N.A. Chernaya²

¹ Geography Teacher, ² Teaching Assistant of Department of Psychiatry,
Addictology and Psychotherapy with the course of Psychiatry of addictions of DIF

¹ Secondary General School with in-depth study of Specific Subjects № 20

² Volgograd State Medical University (Volgograd), Russia

Abstract. *The aim of this work was to find solutions for the implementation of new educational standards. The basis of the study is the technology of the problem of dialogue, which supposes to produce new knowledge by yourself and to collect the necessary information. The article contains an example of introduction of new material on the geography lesson in close collaboration with high school teacher and foreign students of middle courses of the Institute of Foreign Languages of Volgograd State Pedagogical University. By inducing dialogue and realizing the creative potential of each student, which undoubtedly contributes to the personal development and increase motivation, it has been achieved the main task: to study new material, the ability to direct formulation of the problem and its analysis.*

Keywords: *educational standards, technology of problematic dialogue, motivation increase, geography teaching.*

УДК 377.4

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОБЛЕМУ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ И КАРЬЕРНОМУ САМОУСОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

С.Н. Шепеленко, аспирант кафедры педагогики и методики профессионального обучения
Украинской инженерно-педагогической академии,
директор Центра профессионально-технического образования № 4 (Харьков), Украина

***Аннотация.** В статье раскрывается современное педагогическое видение и теоретическое обоснование проблемы готовности будущих специалистов к профессиональному и карьерному самоусовершенствованию. Рассматривается сущность, виды, структура феномена «готовность» и его производных – «готовность к профессиональной (карьерной) деятельности», «готовность к профессиональному и карьерному самоусовершенствованию». Проанализированы взгляды известных педагогов, психологов, современных исследователей на проблему готовности (А. Леонтьев, М. Дяченко, Л. Кандибович, В. Моляко, Н. Левитов, К. Платонов и др.). Определены перспективы дальнейшей исследовательской работы над проблемой.*

***Ключевые слова:** готовность, специалист, самоусовершенствование, структура, содержание, вид.*

Современные цивилизационные процессы обостряют конкуренцию во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Острая конкуренция на рынке труда актуализирует проблему вооружения выпускников профессионально-технических учебных заведений не только профессиональными знаниями, но и знаниями о проектировании собственного профессионального и карьерного пути, о методах профессионального и карьерного самоусовершенствования. От качества формирования и усвоения этих знаний и соответствующих им умений во многом зависит дальнейшая адаптация молодого специалиста к производственной и социальной сфере, самореализация его жизненного пути, ощущение счастья и гармонии.

Советская и постсоветская педагогическая наука время от времени обращалась к изучению отдельных аспектов адаптации, а позже – готовности будущих специалистов к профессиональному и карьерному самоусовершенствованию. Прежде всего, это были вопросы рационального включения молодежи в производственный процесс с целью усовершенствования производственных показателей. Поэтому на теоретическом и практическом уровнях решалась проблема профессиональной адаптации молодого специалиста к существующим условиям предприятия без учета его личностных потребностей и желаний. В частности, эти вопросы, наряду с другими проблемами профессионально-технического образования, рассматривались в работах ученых разных стран: С. Батышева, А. Беляевой, И. Гавриш, С. Гончаренко, О. Дубинчука, В. Дёмина, Н. Ничкало, В. Скакуна, Н. Сказкина, Д. Тхоржевского, Л. Хромовой, В. Шапкина, С. Шапоринского и др.

Личностный и компетентный подходы в образовательной и социально-производственной сфере требуют готовить будущих специалистов не только к профессиональной и карьерной деятельности, но и формировать готовность к постоянному самоусовершенствованию в этих направлениях.

Понятие «готовность» прошло свой исторический путь развития. Словарь С. Ожегова объяснял его как «... состояние, при котором все готово к чему-то» [2, с. 225].

В первой половине XX ст. это понятие исследовала, прежде всего, психологическая наука. Оно трактовалось как феномен социально-ценностной сопротивляемости человека внутренним и внешним влияниям внешней среды и изучалось в русле регуляции и саморегуляции поведения индивида.

Со времен становления в науке деятельностного подхода (конец 50-х гг. XX ст.) понятие готовности было введено в теорию деятельности, что позволило объяснить связь процесса формирования готовности с реализацией в профессиональной деятельности эмоционально-волевого, интеллектуального, морально-психологического потенциала личности. В этот период категория «готовность» рассматривалась с различных позиций, но преимущественно понималась как первичное условие успешного выполнения любой деятельности, на реализацию которой влияет как сам человек, так и внешние факторы.

В 70-е гг. прошлого века советская наука рассматривала готовность как важную личностно-функциональную составляющую профессиональной подготовки и профессиональной подготовленности будущих специалистов. В научных исследованиях началось изучение феномена «готовности к профессиональной деятельности».

Современная наука различает два основных подхода к определению сущности, содержания и структуры готовности человека к деятельности:

- функциональный, в рамках которого готовность рассматривается как определенное состояние психических функций индивида, обеспечивающих высокий уровень деятельности. Это направление отражено в работах А. Леонтьева, М. Дяченко, Л. Кандибовича, Г. Костюка, В. Моляко, Н. Левитова, К. Платонова и др.;
- личностный, в соответствии с которым готовность рассматривается как результат подготовки (подго-

товленность) к определенному виду деятельности. Этот подход стал фундаментом научных работ А. Асмолова, А. Бодальова, К. Дурай-Новаковой, Г. Кручинина, Н. Кузьминой, А. Марковой, А. Мороза, В. Сластенина, Д. Узнадзе, А. Щербаква и др.

Например, известный советский психолог К. Платонов рассматривал многовекторность психологической готовности личности к профессиональной деятельности: 1) как результат трудового воспитания, выражающийся в желании работать, осознании потребности участвовать в общей трудовой деятельности; 2) как результат профессионального обучения, воспитания и социальной зрелости личности; 3) как результат психологической подготовки и внутренней мобилизации личности [3].

Этимологическая близость понятий «готовность», «подготовленность» и «подготовка» усиливается их сущностной аналогией. Так, ученые трактуют готовность как результат подготовки, а процесс подготовки – как результат формирования готовности к деятельности.

Общеизвестно, что еще выдающиеся советские педагоги Ю. Бабанский, В. Безпалько, В. Краевский, М. Скаткин, В. Сластенин, Л. Подимова и другие рассматривали профессиональную подготовку как управляемый процесс, нацеленный на формирование готовности будущего специалиста к профессиональной деятельности, инициированный и организованный учебным заведением в оптимальных условиях обучения.

Педагогическая наука, базируясь на выводах психологии и других наук, рассматривает, преимущественно, педагогические особенности формирования готовности к профессиональной деятельности и к профессиональному самоусовершенствованию, фактически не уделяя должного внимания готовности к карьерному самоусовершенствованию. При всем различии этих двух видов деятельности готовность к ним имеет много общего. Сам процесс самоусовершенствования выступает подвидом деятельности, поэтому основой дальнейшего рассмотрения определим «готовность к профессиональной деятельности».

В педагогике также существуют различные подходы к рассмотрению сущности и содержания рассматриваемого понятия. В частности, современный педагогический словарь трактует внутреннюю готовность к деятельности как «высокий уровень развития мотивационных, познавательных, эмоциональных и волевых процессов личности, коллектива, обеспечивающий успех будущей деятельности; это адекватная установка на будущую деятельность» [4, с. 64].

Современные ученые-педагоги исследуют понятие готовности по различным признакам: как синтез свойств личности (В. Крутецкий); как сложное личностное образование (Л. Кондрашова); как систему, состоящую из компонентов – мотивационного, содержательно-процессуального, исполнительского (А. Мороз, В. Сластенин). Нами установлено, что существует достаточно много исследований, касающихся одного вида деятельности – педагогической (И. Бужинной, Н. Волковой, Т. Жаровцевой, С. Литвиненко, А. Троцко и др.). Вместе с тем, в научных работах этих и других педагогов раскрыты общие закономерности и особенности формирования готовности специалистов ко многим другим видам деятельности. Эти наработки полезны для нашего исследования и требуют более тщательного рассмотрения с целью уточнения содержания, структуры, видов рассматриваемого понятия.

В работе А. Линенко готовность к деятельности рассматривается как целостное образование, характеризующее эмоционально-когнитивную и волевою мобилизованность субъекта в момент его включения в деятельность [10 с. 216]. Целостность поддерживается инвариантными составляющими, которые отображают своеобразие и общность личностного и процессуального компонентов, включающих эмоционально-интеллектуальную, волевою, мотивационную стороны личности. На процесс формирования готовности к деятельности, по мысли автора, позитивно влияет саморефлексия будущего специалиста, склонность к самоанализу и самооцениванию.

А. Маркова определяет готовность как мотивационную сферу развития человека, включающую направленность на деятельность, профессиональные интересы, профессиональные намерения. В профессиональном самоусовершенствовании автор выделяет две составляющие: психологическую готовность (как мотивационную сферу) и психологическую подготовленность (как операционную сферу).

В исследовании Л. Бескоравайной готовность рассматривается как интегративное образование личности, формирующееся в процессе профессиональной подготовки и определяемое уровнем развития самообразовательных, самовоспитательных умений, профессиональных и личностных свойств, убежденности в значимости профессионального самоусовершенствования и предусматривает ее способность к внедрению инноваций в будущую профессиональную деятельность [5].

Анализ приведенных и других научных работ свидетельствует, что в педагогике не существует единого взгляда на понятие готовности человека к профессиональной деятельности. Вместе с тем, выводы разных ученых отображают различные аспекты содержания понятия, дополняют друг друга до целостного отображения сущности.

Неоднозначно решается наукой вопрос о делении готовности на виды и подвиды, вопрос классификации видов готовности.

Первым явление готовности разделил Н. Левитов на такие виды: долговременную и временную или предстартовое состояние. Временная готовность делится на обычную, повышенную и заниженную. Примером обычного вида готовности может выступать готовность к началу хорошо известной человеку деятельности, которая происходит в устойчивых условиях. Повышенная готовность формируется благодаря творческой деятельности с высокой степенью новизны. Заниженная готовность присуща людям, не умеющим сосредоточиться, сконцентрировать внимание, в результате чего они выполняют неправильные действия [9, с. 86].

Н. Дяченко и Л. Кандибович делят готовность на три вида: преждевременная, ситуативная (временная), долговременная (постоянная). Первую определяют заранее приобретенные знания, умения, навыки, установки

и мотивы деятельности. Ситуативная готовность – это динамическое целостное состояние личности в нужный момент, внутренний настрой, мобилизация всех сил, направленных на эффективные действия. Долговременная готовность – устойчивая личностная характеристика, которая определяется положительным отношением к профессии, к карьере, необходимыми чертами характера, способностями, темпераментом, мотивацией, отвечающим определенному виду деятельности; наличием необходимых для профессиональной и карьерной деятельности знаний, умений, навыков, ценностей, стабильными, профессионально важными особенностями мышления, внимания, памяти, восприятия, эмоционально-волевых процессов [1, с. 50–51].

Вместе с тем, все виды готовности находятся в тесной взаимосвязи. В частности, ситуативная готовность возникает как актуализация долговременной, устойчивой готовности. Понятие психологической готовности отождествляется с временной готовностью, а подготовленность личности – с долговременной готовностью.

Однозначно не определена наукой и структура готовности к профессиональной деятельности. Так, В. Крутецкий в состав готовности ввел следующие элементы: положительное отношение к деятельности, интересы, склонности, характерологические черты, необходимые профессионалу; психическое состояние; знания, умения и навыки.

Многие исследователи выделяют в структуре готовности целостные компоненты (И. Васильева, М. Дяченко, Л. Кандыбович, Н. Пискарьова, Н. Фетискин и др.). В частности, В. Пономаренко делит готовность на такие компоненты: мотивационный, содержание которого представляет ответственность за реализацию деятельности, чувство ответственности; ориентационный, в основе которого – способности, необходимые знания; операционный как совокупность средств и навыков деятельности, способность к процессам анализа, сравнения, обобщения, синтеза; волевой, базирующийся на самоконтроле и самомобилизации; оценочный – самооценка собственной деятельности.

К. Дурай-Новакова в структуре готовности выделяет такие компоненты: мотивационный – профессионально значимые потребности, мотивы, интересы, положительное отношение к профессиональной деятельности, профессиональные мотивы, установки, ценности профессии; ориентационно-познавательный – знания и представления о содержании профессии и требованиях к профессиональным ролям, о средствах решения профессиональных задач, способности, личностные качества, самооценка профессиональной подготовленности; эмоционально-волевой – чувство ответственности за результаты деятельности, самоконтроль, умения руководить собой и другими; операционно-деятельностный – мобилизация и актуализация профессиональных знаний, умений и навыков, опыт их применения на практике, адаптация к требованиям профессиональных ролей и условий деятельности; пассивно-поведенческий – настроение на доброкачественную работу [1, с. 229].

На основании анализа значительного количества научных работ мы сформулировали собственный вариант понятия «готовность к профессиональной деятельности». Это система психически-волевых качеств и состояний личности, включающая потребности, мотивы и устремления к успешной профессиональной деятельности, базирующаяся на сформированных профессиональных знаниях, умениях и навыках, а также профессионально значимых свойствах и способностях личности.

Аналогично определим понятие «готовность к карьерной деятельности». Это система психически-волевых качеств и состояний личности, включающая потребности, мотивы и устремления к успешной карьерной деятельности, базирующаяся на сформированных знаниях о путях успешной реализации карьеры, умениях ее проектировать и реализовывать, а также карьерно значимых свойствах и способностях личности.

В данных определениях прослеживается идентичная структура, что позволяет нам говорить об общем понятии – готовности к профессиональной и карьерной деятельности и об общем процессе формирования у будущих специалистов этого свойства. Необходимость формирования этого свойства диктует современный конкурентный рынок труда, требующий не только подготовленных профессионалов, но и карьерно успешных руководителей, менеджеров различных уровней.

На наш взгляд, понятие готовности к профессиональному и карьерному самоусовершенствованию выступает частью понятия готовности к профессиональной и карьерной деятельности, поскольку самоусовершенствование, как было отмечено раньше, – разновидность деятельности.

Ученые и педагоги-практики считают, что будущий профессионал характеризуется следующими признаками: осознанностью ценности и смысла собственного существования и существования других людей, достижениями в образовательной сфере определенной компетентности как уровня образованности, знанием собственных психических особенностей, умением познавать других, налаживать социальные коммуникации, способностью разрабатывать программу достижения целей, прогнозировать результаты, корректировать свою нынешнюю и будущую деятельность, осознавать необходимость непрерывного саморазвития и самоусовершенствования и реализовывать его [7, с. 269]. Значит, стремление к самоусовершенствованию должно стать обязательным свойством каждого будущего специалиста.

Педагогическая наука рассматривала проблемы профессионального самоусовершенствования (И. Бех, Н. Битянова, О. Блинова, Н. Брагина, А. Громцева, И. Донцов, Л. Рувинский, Г. Селевко, В. Тертичная и др.), но еще почти не занималась вопросами карьерного самоусовершенствования. Рассмотрим основные выводы педагогики в области профессионального самоусовершенствования.

Современные толковые словари объясняют понятие «усовершенствование» как изменения чего-либо в сторону улучшения, а также результат таких изменений.

Исследователь Л. Дудикова считает, что профессиональное самоусовершенствование – это процесс и результат творческого, целенаправленного, самостоятельного, самодетерминированного движения специалиста к вершинам личностного и профессионального развития, которое достигается благодаря самообразованию, самовоспитанию, само-

развитию, самоактуализации, самоменеджменту, что обеспечивает его профессиональную самореализацию [8, с. 207].

Т. Вайниленко характеризует профессиональное самоусовершенствование такими существенными признаками: направленностью этого процесса на себя; самостоятельностью (профессиональное самоусовершенствование базируется на собственной инициативе, его человек осуществляет преимущественно самостоятельно); самодетерминированностью (направление и пути самоусовершенствования человек определяет как сугубо личные задания); интегрированным характером (как многогранное всеобъемлющее явление самоусовершенствование интегрирует все формы самотворческой активности личности для достижения вершин профессионализма); положительным характером (самоусовершенствование обеспечивает достижение исключительно позитивных, прогрессивных, эволюционных личностных изменений); осознанным характером (самоусовершенствование, в отличие от стихийных, неосознанных форм саморазвития, как подражание, игра, адаптация и тому подобное, есть осознанной, сознательно определенной и целенаправленной активностью личности); творческим характером (этот процесс состоит из комплекса творческих заданий, его невозможно алгоритмизировать) [6 с. 16–17].

Анализ перечисленных свойств свидетельствует о сложности процесса профессионального (а равным образом и карьерного) самоусовершенствования и формирования у будущих специалистов готовности к нему. Формированием такой готовности педагоги ВУЗов занимаются в ходе профессиональной подготовки при изучении различных циклов дисциплин, прежде всего, профессиональных. Но целенаправленно формированием готовности к профессиональному и карьерному самоусовершенствованию будущих специалистов высшая школа не занимается. Поэтому дальнейшее продолжение исследования мы видим в двух плоскостях: в теоретической – разработке теоретических особенностей данного процесса; в практической – в создании факультативного курса «Формирование готовности к профессиональному и карьерному самоусовершенствованию», методики его преподавания и системной организации формирования у будущих специалистов готовности к профессиональному и карьерному самоусовершенствованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дурай-Новакова, К. М. Формирование профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности: дис. ... д-ра пед. Наук: 13.00.04. – теория и методика профессионального образования / К. М. Дурай-Новакова. – М., 1983. – 256 с.
2. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / РАН; Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Педагогика: Большая современная энциклопедия / Сост. Е. С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2005. – 720 с.
4. Современный словарь по педагогике / Сост. Е. С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2001. – 928 с.
5. Безкоровайна, Л. В. Формування готовності майбутніх фахівців фізичного виховання та спорту до впровадження технологій спортивного менеджменту: автореф. Дис. ... канд. Пед. Наук: 13.00.04 – теорія і методика професійної освіти / Л. В. Безкоровайна; Національний педагогічний ін-т ім. М. П. Драгоманова. – К., 2009. – 20 с.
6. Вайніленко, Т. В. Сутність та зміст професійно-педагогічного самовдосконалення / Т. В. Вайніленко // Науковий вісник Чернівецького університету. Серія : Педагогіка і психологія: зб. Наук. Праць. – Чернівці: Рута, 2005. – Вип. 278. – С. 13–20.
7. Гладкова, В. М. Основи акмеології: підручник / В. М. Гладкова, С. Д. Пожарський. – Л.: Новий світ-2000, 2007. – 320 с.
8. Дудікова Л. В. Критерії, показники та рівні готовності майбутніх медиків до професійного самовдосконалення / Л. В. Дудікова // Педагогіка формування творчої особистості у вищих і загальноосвітніх школах: зб. Наук. Пр. / редкол.: Т. І. Сущенко (голов. Ред.) та ін. – Запоріжжя. – 2009. – Вип. 3 (56). – С. 207–212.
9. Кобзар, В. М. Особливості формування готовності до інноваційної діяльності майбутніх технологів у процесі їх фахової підготовки // Нові технології навчання: Наук.-метод. Зб. / В. М. Кобзар; Ін-т інноваційних технологій і змісту освіти Мін. Освіти і науки, молоді та спорту України, Академія міжнар. Співробітництва з креативної педагогіки: В 2-х ч. – К.: Вінниця, 2011. – Вип. 69, Ч. II. – С. 85–89.
10. Линенко, А. Ф. Теорія і практика формування готовності студентів педагогічних вузів до професійної діяльності: дис. ... д-ра пед. Наук: 13.00.01 – теорія і історія педагогіки, 13.00.04 – теорія і методика професійної освіти / А. Ф. Линенко. – К., 1996. – 378 с.

Матеріал посту́пил в редакцію 26.09.14.

MODERN SCIENTIFIC VIEWS ON THE PROBLEM OF FUTURE SPECIALISTS PREPAREDNESS TO PROFESSIONAL AND CAREER SELF PERFECTING

S.N. Shepelenko, Postgraduate student of Pedagogy and Methodology of Professional Training Department, Director
Ukrainian Engineering and Pedagogical Academy
Center of Professional and Technical Education № 4 (Kharkov), Ukraine

Abstract. The article reveals the modern pedagogical vision and theoretical foundation of the problem of readiness of future specialists to professional and career self-improvement. The author explains the essence, views and structure of the “readiness to professional (career) activity” phenomenon, and «readiness to professional and career self-improvement.» The views of well-known teachers, psychologists, modern researchers to the problem of readiness (A. Leontiev, M. Dyachenko, L. Kandibovich, V. Molyako, N. Levitov, K. Platonov et al.) are analyzed. The prospects of further research on the problem are defined.

Keywords: readiness, specialist, self-improvement, structure, content, form.

Medical sciences
Медицинские науки

УДК 616.988.26 (574)

**КОРРЕКТИРОВКА СХЕМЫ ЛАНДШАФТНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО
РАЙОНИРОВАНИЯ КАЗАХСТАНА ПО КОНГО-КРЫМСКОЙ ГЕМОРРАГИЧЕСКОЙ
ЛИХОРАДКЕ**

А.О. Байтанаев, научный сотрудник, магистр

Казахский научный центр карантинных и зоонозных инфекций им. М. Айкимбаева (Алматы), Казахстан

***Аннотация.** В статье изложены особенности корректировки ранее разработанной схемы ландшафтно-эпидемиологического районирования Казахстана по конго-крымской геморрагической лихорадке с выделением 9 ландшафтно-эпидемиологических районов и 21 ландшафтного участка. Предложено внедрение паспортизации для текущей и оперативной деятельности территориальных эпидемиологических служб. Только унификация и согласованная деятельность по эпиднадзору и профилактике даст возможность осуществить санацию очагов изучаемой арбовирусной инфекции.*

***Ключевые слова:** конго-крымская геморрагическая лихорадка, ландшафтно-эпидемиологическое районирование, заболеваемость, ландшафтно-эпидемиологический район, ландшафтно-эпидемиологический участок, паспортизация.*

Природные очаги конго-крымской геморрагической лихорадки (ККГЛ) расположены в пустынной зоне Казахстана на территории Кызылординской, Южно-Казахстанской и Жамбылской областей [1, 3, 4, 7 и др.]. По широте своего нозоареала, тяжести и летальности арбовирусное заболевание входит в число наиболее опасных зооантропонозных инфекций и играет существенную роль в инфекционной патологии республики. Проблема ККГЛ особую значимость стала приобретать в последние годы. Наиболее неблагоприятная эпидемиологическая обстановка складывается в Южно-Казахстанской области, где заболеваемость людей за последние 10 лет выросла в 2,5 раза.

Уровень заболеваемости изучаемой инфекции в сравнительном аспекте на территории трех областей наглядно отражает расчет соответствующего интенсивного показателя на 100 000 человек. Обычный временной период изучения Р (показателя заболеваемости) составляет 1 год. Расчет заболеваемости населения производится по формуле:

$$P = \left(\frac{N}{A} \right) * 100\,000,$$

где Р – показатель заболеваемости ККГЛ, N – количество официально зарегистрированных больных, А – численность сельского населения, чел.

Результаты расчета показателя заболеваемости населения ККГЛ за 2003 – 2013 гг. сведены в таблицу 1.

Таблица 1

Интенсивный показатель заболеваемости ККГЛ в Казахстане на 100 000 чел.

Область	Численность сельского населения, тыс. чел	Плотность населения, чел / км ²	Заразилось ККГЛ, чел.	Р
Кызылординская	424,1	3,0	40	9,43
Южно-Казахстанская	1 497,3	17,0	89	5,94
Жамбылская	598,7	7,1	11	1,84

Примечания: данные по численности и плотности населения из: <http://kz.all.biz/regions>; заболеваемость ККГЛ по данным областных департаментов по защите прав потребителей

Из данных таблицы 1 видно, что наиболее высокий уровень зараженности, несмотря на низкую плотность населения, отмечается в Кызылординской области. Далее следует Южно-Казахстанская область, где плотность сельского населения наиболее высокая. И самый низкий интенсивный показатель заболеваемости ККГЛ наблюдается в Жамбылской области. На наш взгляд, последний факт можно объяснить сравнительно качественным эпиднадзором, интенсивностью проводимых профилактических мероприятий в очагах ККГЛ, а также активной санитарно-разъяснительной работой среди сельского населения области [5]. Таким образом, по степени риска заражения человека изучаемой арбовирусной инфекцией наиболее значимыми следует признать Кызылординскую и Южно-Казахстанскую области, а наименее – Жамбылскую область.

Переходя к проблеме ландшафтно-эпидемиологического районирования очаговости ККГЛ в Казахстане, сле-

дует подчеркнуть, что основной ее целью преследуется выявление особенностей ландшафтно-географической структуры ее нозоареала, необходимых для рационализации планирования эпиднадзора и профилактических мероприятий.

В ходе осуществления поставленной цели решаются следующие задачи:

- характеристика пространственного расположения очаговых территорий;
- динамика эпидемических проявлений в разрезе природных комплексов;
- деление эндемичной территории на ландшафтно-эпидемиологические районы (ЛЭРы);
- членение ЛЭРа на ландшафтно-эпидемиологические участки – как наименьшие структурные единицы подобно региональному делению;
- паспортизация ЛЭРов, т.е. составление документа, содержащего основные сведения о соответствующем ЛЭРе.

Осуществлен анализ многолетних данных (с 1986 по 2003 гг.) официально зарегистрированных случаев заболеваемости людей. Для их объективной оценки все административные районы Кызылординской, Южно-Казахстанской и Жамбылской областей подразделены на три группы. Учитывались районы с ежегодно регистрируемой заболеваемостью местного населения, районы с редкими случаями инфекции, а также районы, в которых существует потенциальная опасность возникновения эпидемических проявлений или имеются косвенные признаки природной очаговости ККГЛ. В итоге, с использованием эпизоотических параметров функционирования данных природных очагов, выявлены основные ландшафтные типы очагов, существующих на изучаемой территории.

При использовании комплексного картографирования эпидемиологических показателей и материалов топографической приуроченности основных ландшафтных типов природных очагов ККГЛ на территории трех областей оконтурены границы девяти ЛЭРов ККГЛ, которые четко отмечаются, в основном, по эпизоотическим и эпидемиологическим параметрам. В результате каждый из выделенных ландшафтно-эпидемиологических районов получил определенное название, отражающее его историко-ландшафтную специфичность [2]. Далее дана характеристика ЛЭРов в соответствии с приведенным ниже списком:

1. Ландшафтно-эпидемиологический район западно-причуйских делювиально-пролювиальных и эоловых пустынных равнин – Западнопричуйский ЛЭР.
2. Ландшафтно-эпидемиологический район среднечуйской аллювиальной пустынной равнины – Среднечуйский ЛЭР.
3. Ландшафтно-эпидемиологический район нижнеталасской эоловой пустынной равнины – Нижнеталасский ЛЭР.
4. Ландшафтно-эпидемиологический район нижнесырдарьинской аллювиальной пустынной равнины – Нижнесырдарьинский ЛЭР.
5. Ландшафтно-эпидемиологический район среднесырдарьинской пустынной аллювиальной равнины – Среднесырдарьинский ЛЭР.
6. Ландшафтно-эпидемиологический район кызылкумской эоловой пустынной равнины – Кызылкумский ЛЭР.
7. Ландшафтно-эпидемиологический район прикаратауских холмисто-увалистых и аллювиально-пролювиальных пустынных предгорий – Прикаратауский ЛЭР.
8. Ландшафтно-эпидемиологический район каратауского аллювиально-пролювиального полупустынного предгорья – Каратауский ЛЭР.
9. Ландшафтно-эпидемиологический район каратауских увалисто-грядовых степных низкогорий и среднегорий – Каратауский степной ЛЭР.

В процессе оконтуривания границ данных ландшафтно-эпидемиологических районов принято во внимание, что в дальнейшем не могут быть исключены конкретные уточнения и корректировки к представленному районированию изучаемого района. Особенно это касается детализации контуров отдельных ЛЭР. Как показало время, данная схема требует корректировки.

В целом, необходимо подчеркнуть, что ландшафтно-эпидемиологический район – это территория, которая вычленяется от других подобных участков нозоареала наличием природных очагов определенного ландшафтного типа, сходных по структуре и эпизоотическому состоянию, по характеру связей населения с энзоотической территорией, объективным индикатором которого является структура (плотность) населения, а также эпидемиологические особенности заболевания [2].

Последнее десятилетие, как ранее уже указывалось, заметно усугубило проблему ККГЛ. Очаги арбовирусной инфекции все более активизируются, расширяется география природных комплексов, в которых отмечаются случаи заражения человека. Так, в Кызылординской области к числу эндемичных добавились еще два административных района – Аральский и Казалинский, в которых в рамках эпиднадзора обнаружены серопозитивные иксодовые клещи, а в Южно-Казахстанской области таких районов стало больше на четыре. Это Байдибекский, Сарыагашский, Толедбийский и Мактааральский районы. На их территории за последние годы зарегистрированы случаи заражения людей ККГЛ. Лишь в Жамбылской области число эндемичных районов пока остается прежним. Поэтому схема ландшафтно-эпидемиологического районирования республики по изучаемой инфекции потребовала корректировки. Приращение эндемичных участков произошло на крайнем северо-западе в Нижнесырдарьинском ЛЭРе, а также на юго-западе в Каратауском ЛЭРе и юге – в Среднесырдарьинском ЛЭРе (рисунок).

Несмотря на относительную ландшафтную однородность выделенных ЛЭРов, назрела необходимость чле-

нения каждого из них на ландшафтно-эпидемиологические участки (ЛЭУ). Они по существу являются наименьшей структурной единицей подобного регионального деления. Дело в том, что ряд ЛЭРов содержат заметные ландшафтные разности, занимают довольно значительные площади и вытянуты в долготном направлении. Отмеченное вкпе побудило создание окончательной схемы ландшафтно-эпидемиологического районирования нозоареала ККГЛ в Казахстане с выделением соответствующих ЛЭУов в каждом из них. Это позволит более детально вести мониторинг очагов ККГЛ, дифференцировано осуществлять эпиднадзор и профилактические мероприятия (таблица 2).

Таблица 2

**Ландшафтно-эпидемиологическое районирование Казахстана
по конго-крымской геморрагической лихорадке**

Шифр и название ЛЭРа	Шифр и название ЛЭУа	Краткая ландшафтно-эпидемиологическая характеристика
К1 Западно-пришуский	К1.1 Пришуский	Аллювиально-делювиальная равнина с биоргуново-серопольной растительностью. Серопозитивные иксодовые клещи.
	К1.2 Западноойын-кумский	Эоловая равнина с черносаксаулово-серопольной растительностью на песках. Редкие случаи заболеваемости.
К2 Среднешуский	К2.1 Нижнешуский	Аллювиальная равнина с биоргуново-полынной растительностью. Редкие случаи заболеваемости.
	К2.2 Восточношуский	Аллювиально-эоловая равнина с биоргуновой, жузгуновой, черносаксауловой растительностью. Частые случаи заболеваемости.
К3 Нижнегаласский	К3.1 Западно-приталасский	Эоловая равнина с черносаксаулово-серопольной растительностью на песках. Редкие случаи заболеваемости.
	К3.2 Центральноталасский	Эоловая равнина со смешанными саксаульниками, жузгуново-эфедрово-терескеновой растительностью на песках и такырах. Частые проявления заболеваемости.
К4 Нижнесырдарь-инский	К4.1 Приаральский	Морская и аллювиальная равнина с сарсазаново-кейреуковой и еркеково-полынной растительностью на такырах и песках. Серопозитивные иксодовые клещи.
	К4.2 Зааральский	Аллювиальная равнина с еркеково-полынной, саксаулово-биоргуновой растительностью. Редкие случаи заболеваемости.
	К4.3 Шиелийский	Эолово-аллювиальная равнина с жузгуново-серопольной, боялычевой растительностью преимущественно на песках. Частые случаи заболеваемости.
К5 Среднесырдарь-инский	К5.1 Жанакорганский	Аллювиально-эоловая равнина с серопольно-боялычевой и жузгуновой растительностью. Редкие случаи заболеваемости.
	К5.2 Аккумуляторный	Эолово-аллювиальная равнина с еркеково-серопольно-боялычевой растительностью. Частые случаи заболеваемости.
К6 Кызылкумский	К6.1 Северокызылкумский	Эоловая равнина с еркеково-полынной и терескеновой растительностью на песках. Серопозитивные иксодовые клещи.
	К6.2 Южнокызылкумский	Аллювиально-эоловая равнина с серопольно-боялычевой растительностью преимущественно на песках. Единичные случаи заболеваемости.
К7 Прикаратауский	К7.1 Созакский	Предгорная аллювиально-пролювиальная равнина с серопольно-боялычевой растительностью. Редкие случаи заболеваемости.
	К7.2 Западноприкаратауский	Холмисто-увалистое предгорье с серопольно-эфемеровой растительностью. Спорадические проявления заболеваемости.
	К7.3 Южноприкаратауский	Предгорная аллювиально-пролювиальная равнина с серопольной и осочково-мятливковой растительностью. Редкие случаи заболеваемости.
К8 Каратауский	К8.1 Арыскоордабасинский	Предгорная аллювиальная равнина с осочково-мятливковой и серопольно- боялычевой растительностью. Частые случаи заболеваемости.
	К8.2 Сайрамский	Увалисто-грядовое низкогорье с пырейно-осочково-мятливковой растительностью. Частые случаи заболеваемости.
	К8.3 Казыгуртский	Предгорная увалистая равнина с осочково-мятливковой и серопольно-эфемеровой растительностью. Единичные случаи заболеваемости ККГЛ.
К9 Каратауский степной	К9.1 Жиделинский	Низкогорье увалисто-грядовое с типчаково-ковыльной растительностью. Потенциально- очаговая территория.
	К9.2 Егизкаринский	Низкогорье увалисто-грядовое с полынно-эфемеровой растительностью. Потенциально- очаговая территория.

Примечания. Описание ландшафтов [8]; заболеваемость людей ККГЛ: единичные случаи – 1 за 2–5 лет, редкие – 1–2 случая в год, частые – 3 и более случаев в год.

Всего в составе девяти ЛЭРов выделен 21 ЛЭУ, которые отражают особенности природных комплексов, а также уровень заболеваемости людей в зависимости от разных природных предпосылок.

Наличие шифров каждого ЛЭРа и, соответственно, их ЛЭУов необходимо для ведения электронной базы данных, мониторинга и паспортизации очагов ККГЛ в Кызылординской, Южно-Казахстанской и Жамбылской областях, организуемых территориальной санитарно-эпидемиологической службой. Паспорт ЛЭРа является оперативным документом, в котором содержатся основные сведения, а также текущая ежегодная информация о проводимых мероприятиях по эпиднадзору, профилактике и санации активных очагов заражения людей. Поэтому паспортные данные служат научно-методической основой не только для получения подробных справочных данных, но и для принятия решений об объемах превентивных мер и краткосрочных прогнозов заболеваемости изучаемой арбовирусной инфекцией. Следует отметить, что внедрение паспортизации природных очагов чумы сыграло свою положительную роль в упорядочении деятельности противочумной службы, оптимизации тактических приемов эпидемиологического и эпизоотического обследования [6]. В этой связи и предлагается внедрение паспортизации ЛЭРов ККГЛ с учетом особенностей нозологической формы в деятельность противоэпидемической службы в трех областях республики.

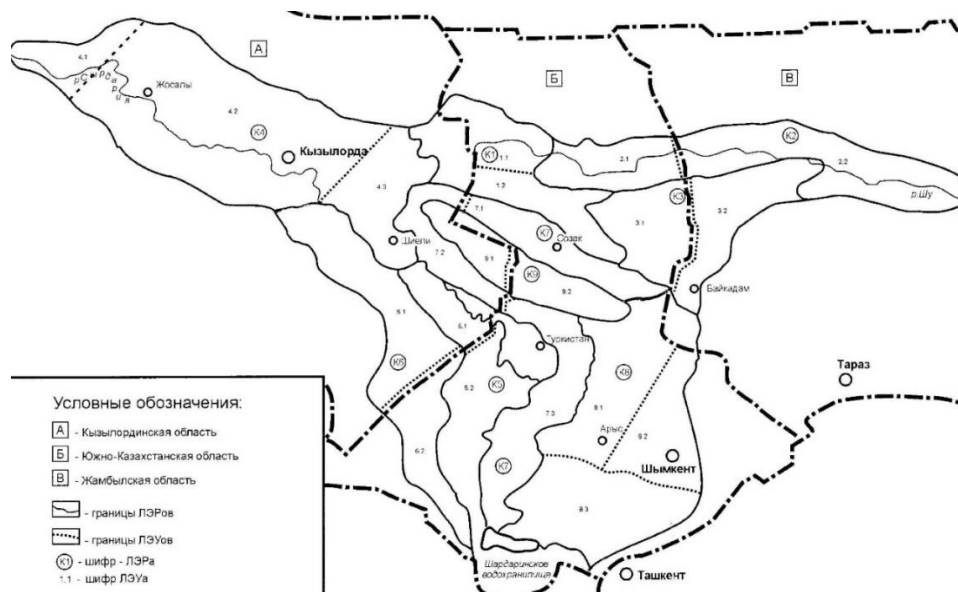


Рисунок. Ландшафтно-эпидемиологическое районирование нозоареала ККГЛ в Казахстане (названия ЛЭРов и ЛЭУов см. в табл. 2)

Паспорт ЛЭРа должен содержать, во-первых, обобщенные текстовые и табличные сведения, а также генерализованные картографические материалы. Перечень основных разделов:

1. Название ЛЭРа, его границы, ландшафтная характеристика, геоморфологические, почвенно-геоботанические (растительность) и погодно-климатические особенности.
2. Биоценологическая структура ЛЭРа. Список носителей и специфических переносчиков арбовирусной инфекции. Наличие на территории других зоонозных инфекций.
3. Пространственная структура микроочагов ККГЛ в ЛЭРе. Местоположение очаговых участков, возможная их взаимосвязь или относительная автономность. Деление микроочагов на наиболее активные (со стойким и частым проявлением), средней и низкой активностью. Места обнаружения серопозитивных иксодовых клещей без случаев заражения человека. Связь микроочагов ККГЛ с определенными ландшафтами и их разностями. Данные по распространению и численности основных видов диких животных (грызунов, зайцеобразных, хищных и др.), включая иксодовых клещей.
4. Характеристика эпизоотической (частота выявления серопозитивных проб от клещей и млекопитающих) и эпидемиологической (случаев заболевания людей) активности очагов ККГЛ в ЛЭРе. Сезонность (по месяцам, декадам) динамики активности очагов. Многолетняя динамика зараженности людей, цикличность их проявления. Влияние на активность очагов ККГЛ экологических и антропогенных факторов: хозяйственная деятельность.
5. Эпидемический потенциал ЛЭРа или факторы эпидемичности.
 - Биологический фактор – динамика численности основных видов диких млекопитающих и иксодовых клещей. Частота присасываемости клещей к человеку (количество людей с присосавшимися клещами).
 - Социальные факторы – административное деление, плотность и распределение по территории различных групп населения в границах ЛЭРа.
 - Хозяйственное освоение – пастбищные и пахотные угодья. Занятие местного населения, формы

контакта людей с дикими и домашними млекопитающими, а также иксодовыми клещами. Места сосредоточения сельскохозяйственных животных. Численность крупного рогатого скота, овец, верблюдов.

- Состояние предоставляемых медицинских услуг: медучреждения и их укомплектованность. Дислокация ветеринарной службы.

6. Профилактические мероприятия в ЛЭРе. Места и объемы работ по противоклещевой обработке участков вокруг мест заражения человека. Создание буферных зон. Санитарно-разъяснительные мероприятия среди местного населения по профилактике ККГЛ.

Разработанная схема ландшафтно-эпидемиологического районирования Казахстана по конго-крымской геморрагической лихорадке, а также паспортизация ЛЭРов арбовирусной инфекции предназначена для текущей и оперативной деятельности областных департаментов по защите прав потребителей и территориальных противочумных учреждений региона. Только унифицированная и согласованная работа по эпиднадзору и профилактическим мероприятиям может дать реальные положительные результаты по санации очагов ККГЛ уже в ближайшее время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айкимбаев, А. М. Конго-крымская геморрагическая лихорадка / А. М. Айкимбаев, С. В. Казаков, Л. С. Касымжанов. – Алматы, 2010. – 80 с.
2. Байтанаев, А. О. Ландшафтно-эпидемиологическое районирование нозоареала конго-крымской геморрагической лихорадки в Казахстане / А. О. Байтанаев, Б. К. Оспанов, О. С. Сержан и др. // Карантинные и зоонозные инфекции в Казахстане. – Алматы, 2004, вып. 1 (9). – с. 28–39.
3. Байтанаев, А. О. Экологические особенности заболеваемости конго-крымской геморрагической лихорадкой и применение ГИС-технологий для ее изучения в Южном Казахстане / А. О. Байтанаев, Б. Б. Атшабар, К. Р. Рахимов и др. // Science and World. – Волгоград, 2014, № 8 (12). – с. 157–162.
4. Каримов, С. К. Экологические и эпидемиологические аспекты крымско-конго геморрагической лихорадки / С. К. Каримов, Е. Е. Дурумбетов, С. В. Казаков. – Алматы, 2003. – 168 с.
5. Конго-крымская геморрагическая лихорадка – ситуация в Казахстане // Материалы видеоконференции КазНМУ им. С. Асфендиярова. – Алматы, 2012. – 14 с. [Электронный ресурс]. URL : www.health-kz.com
6. Методические рекомендации по паспортизации природных очагов чумы. – М : ГУКИ, 1976. – 18 с.
7. Bakyt, V. Hemorrhagic fever in Kazakhstan / V. Bakyt, V. B. Atshabar, Alim M. et coll. // The 44th Annual Biological Safety Conference, LA, October 21–24. – 2001. – P. 51.
8. Атлас Казахской ССР. – Т. 1. Природные условия и ресурсы. – М : ГУТК, 1982. – с.78–79.

Материал поступил в редакцию 16.09.14.

UPDATING OF THE SCHEME OF LANDSCAPE AND EPIDEMIOLOGICAL DISTRICTS OF KAZAKHSTAN BY CONGO-CRIMEAN HEMORRHAGIC FEVER

A.O. Baitanayev, Research Fellow, Master Degree Student

M. Aikimbayev's Kazakh Scientific Center for Quarantine and Zoonotic Diseases (Almaty), Kazakhstan

Abstract. The article describes features of updating of earlier developed scheme of landscape and epidemiological districts of Kazakhstan by Congo – Crimean hemorrhagic fever (CCHF) with allocation of 9 landscape and epidemiological areas and 21 landscape sites. Introduction of certification for the current and operational activity of territorial epidemiological services is offered. Only unification and the coordinated activities for an epidemiological service and prevention will give the chance to carry out sanitation of the centers of a studied CCHF.

Keywords: Congo-Crimean hemorrhagic fever, landscape and epidemiological districts, incidence, the landscape and epidemiological area, a landscape and epidemiological site, certification.

UDC 616.31-007.272-06:616.74/.75-009.7

OCCLUSIVE DISORDERS AS FACTOR OF MUSCULAR FASCIAL HEADACHES

N.M. Didenko¹, A.V. Stefanidy², I.V. Dukhovnikova³¹ Candidate of Medical Science, Assistant of Department of Orthopedic Stomatology
Irkutsk State Medical University² Doctor of Medical Sciences, Professor, ³ Candidate of Medical Science, Assistant of Department
Irkutsk State Medical Academy of Postgraduate Education (Irkutsk), Russia

Abstract. This article is devoted to complex study of patients with occlusive disorders complaining about headache. Its aim was analysis of clinical headache peculiarities at patients with occlusive disorders. As a study task the authors made an attempt to use comparison scale of headache at patients with occlusive disorder and patients with anatomic occlusion. The article contains views analysis of investigators who gave of themselves to study of muscular fascial trigger points. Conclusion contains the grounded idea that headache at patients with occlusive disorder has specific characteristics.

Keywords: headache of tension, muscular fascial trigger points, мышцы masticatory complex, occlusive disorder.

Introduction. Headache is one of the most frequent sufferings of people. 25–70 % of Earth population complain about pain of this localization according to different authors [1]. In the structure of pain syndromes prevalence takes the third position after back pains and joint pains [6].

Voznesenskaya T. G., Vein A. M. (1998) mark out symptomatic headaches that might be the first symptom of several diseases and are 5–8 % of all headaches and headaches as independent illness. They are the most spread headache of tension (HAT) – 70 % of all headaches; migraine (20 % – 30 %); also rather rare cluster headache [4].

Headache of tension had a lot of synonyms before. They were psychalgia, stressor headache, idiopathic headache, essential headache, HAT of scalp aponeurosis, “neurotic helmet”. All these names reflect one of the reasons of this kind of headache appearance, such as psychic tension that appears as a result of acute or chronic stress. At the same time psychic tension can go with pericranial muscles tension (frontal, temporal, occipital), which tighten helmet of head [4].

Muscular fascial headaches are not definite nosologic unit. They are considered in International statistical classification of diseases and related health problems (ISC-10) under the heading G 44.2: «headache of tension with painful tension of pericranial muscles» or under the heading G 44.8: «another more accurate headache syndrome» [9]. However, according to other data [5, 7, 8], headaches and facial pains connected with muscular fascial trigger points are met much more often than headaches and facial pains caused by other reasons.

The term of muscular fascial pain syndrome is considered as sensible, motional and vegetative symptoms caused by muscular fascial trigger points. Muscular fascial trigger point is extremely annoyed area of skeletal muscle associated with supersensitive palpate node located in thickened bundle. This painful area in the case of compression can cause appearance of typical reflected pain, slight reflected superficial painfulness, function disorder and vegetative phenomenon [7].

At presence muscular fascial trigger points are considered to play significant role in tension headache pathogenesis [8]. Headache and pain in the neck are connected with muscular fascial trigger points much more often than pain syndromes of any other localization [7].

Also, big role in pathogenesis of headaches and facial pains in played by temporal-mandibular joint (TMJ) dysfunction or disease of TMJ in ISC-10. Age-related changes of masticatory muscles, jaws and teeth (abrasion, destruction, their loss) and all elements of TMJ take place during the life. In the range of cases insignificant changes in teeth and jaws relations, occlusive disorders, stress situation lead to painful spasm of masticatory muscles and, as consequence, to headaches and facial pains appearance [3]. There is opinion that muscular fascial trigger points are the main reason of appearance and manifestation of functional disorders in TMJ [7].

Purpose of our work was to analyze the study of clinical peculiarities of headaches at patients with bite disorder.

Material and research techniques. Participants of the study were 210 adults (95 men and 115 women) with different occlusive disorders and 92 adults (43 men and 49 women) with correct anatomic crown of teeth form and anthropometric indication of normal bite. The average age of the examined patients was 29,4 in the first group and 29.1 in the second one with predominance of the age of 25–30 in both groups.

The way of teeth rows closure was studied during patients’ oral cavity examination. Analysis of occlusive teeth relations was carried out in positions of central, front, sided and dynamic occlusions. Damages of hard tooth tissues (carious and noncarious) and partial toothlessness, teeth rows deformity, independents forms of bite anomalies, and also these disorders combinations were diagnosed (Table 1).

Table 1

Categorization of examined people according to kinds of occlusive disorders

Kinds of disorders	Bite disorder (210 people)			
	PDHCTT	PT	TRD	BA
Independent forms	10	14	-	56
Disorders combinations	-	-	4 (PDHCTT) 12(PT) 42 (PDHCTT and PT)	72 (TRD)
Total	10	14	58	128

PDHCTT – partial damage of hard crown of tooth tissues

PT – partial toothlessness

TRD – teeth rows deformity

BA – bite anomalies

All the patients were examined on standardized researches program. To unify collection, structured medical report was developed. It contained visually-analog pain scale and sections, where the results of visual diagnostics, manual diagnostics, diagnostics of functional status of dentition, data of additional research methods, presence of postural disorders, degree of manifestation of clinical exposure and efficiency of treatment were recorded.

Clinical-neurologic examination was carried out on generally accepted methodology and included complaints and disease anamnesis analysis, examination of cerebral nerves, motional and sensitive spheres [2].

To estimate intensity and character of pain syndrome visual-analog pain scale (VAPS) and Russified questionnaire about pain character [2] were used. According to VAPS patients estimated pain syndrome intensity on 10-points scale (0 – no pain, 10 – intolerable pain). Appraisal was carried out during first examination and after each procedure. Peculiarities of pain syndrome were recorded, character, localization, intensity and duration of pain were specified.

Kinesthetic diagnostics by layerwise palpation method [5] was carried out In order to appraise motility of tissues, local tension and painfulness. Presence and intensity of local painful hypersthenias were detected on the basis of complaints and palpation results.

For quantification of finding during muscles examination, muscular syndrome index (MSI) was appraised. It was detected with the sum of subjective and objective symptoms points: $MSI = T + P + PD + PID + QN$, where T – muscle tonus, P – painfulness, PD – pain duration, QN – quantity of palpated painful nodules, PID – pain irradiation degree in palpation. In normal state $MSI = 1$ (muscle tonus of a healthy person is 1 point) [2].

Research results analysis was performed with use of non-parametric test. Анализ результатов исследований осуществлялся с применением непараметрических критериев. Differences at $p < 0,05$ were considered reliable.

Results of own researches and their discussion. During examination of 210 people (95 men and 115 women) with different bite disorders it was found out, that 141 (67 %) people suffer from headache of different localization. Classification on gender in this group was the following: 46 (33 %) men and 95 (67 %) women. Examination process of 92 people without bite disorders detected, that 32 people (35 %) in this group complain about headaches, they are 13 men (40 %) and 19 women (60 %). Headache of all examined people corresponded to diagnostic criteria of tension headache with painful tension of pericranial muscles.

Patients' classification on frequency of pain syndrome appearance and intensity is reflected in tables 1 and 2. Using visual-analog pain scale (VAPS), we divided all the patients into 3 groups according to pain syndrome intensity: with feebly marked pain (from 1 to 3 points in VAPS), with moderately marked pain (4–7 points in VAPS) and with marked pain (8–10 points in VAPS). Division into episodic and chronic headaches was carried out in accordance with International headache classification, published in 1988. In the case of episodic forms the quantity of days with headache are no more than 15 per month or 180 per year. In the case of chronic forms the quantity of days with headache are no more than 15 per month or 180 per year. It should be noted that most examined people defined character of pain as “nagging”, “arching” or “compressive”.

Table 1

Categorization of examined people with bite disorder according to headache duration and intensity (N=141)

Frequency of headache appearance	Painful syndrome degree			TOTAL
	Light (1–3 points in VAPS)	Moderate (4–7 points in VAPS)	Intensive (8–10 points in VAPS)	
Episodic	15	47	28	90 (64 %)
Chronic	12	29	10	51 (36 %)
TOTAL	27 (19 %)	76 (54 %)	38 (27 %)	141(100 %)

Table 2

Categorization of examined people without bite disorder according to headache duration and intensity (N = 32)

Frequency of headache appearance	Painful syndrome degree			TOTAL
	Light (1–3 points in VAPS)	Moderate (4–7 points in VAPS)	Intensive (8–10 points in VAPS)	
Episodic	14	9	2	25 (78 %)
Chronic	3	4	0	7 (22 %)
TOTAL	17 (53 %)	13 (41 %)	2 (6 %)	32 (100 %)

According to results in tables 1 and 2, it is possible to conclude that headache of people with bite disorder becomes chronic more often, than headache of people with normal occlusion, and also it is felt as more ($p < 0,05$).

Kinesthetic research allowed us to detect muscle tonus, hypotrophics, quantity of palpated painful nodules, painfulness, painfulness duration and pain irradiation degree in palpation. For quantification of research finding, muscular syndrome index detected with the sum of subjective and objective symptoms was used (Khabirov F.A., 1995) [2].

Muscular syndrome index (MSI) of all examined people was appraised for temporal, mastication, lateral and medial pterygoid, suprahyoid and infrahyoid, sternocleidomastoid and trapezoidal muscles, and also short neck extensors (table 3).

Table 3

Quantity characteristics of muscular syndrome index

Muscles	Muscular syndrome index (average value)	
	Examined with bite disorder (N = 141)	Examined without bite disorder (N = 32)
Temporal	5,3	2,9
Masseter	4,9	1,3
Lateral pterygoid	3,3	1,6
Medial pterygoid	5,7	2,1
Suprahyoid	5,7	2,9
Infrahyoid	4,9	2,3
Sternocleidomastoid	4,1	6,3
Trapezoidal	4,1	6,8
Short neck extensors	3,8	4,9

Table 3 shows, that examined with bite disorder complaining about headache have higher MSI of masticatory complex muscles (in average in 2.5 times in comparison with MSI of people with normal bite, $p < 0,05$), and people with normal bite have higher MSI of neck muscles ((in average in 1,5 times in comparison with MSI of people with bite disorder, $p < 0,05$).

In accordance with some authors, devoted to muscular facial trigger points research [7, 8], every muscle of head, neck and shoulder girdles, where trigger points appear has its own characteristic reflected result. Thus, trigger points in upper bundles of trapezoidal muscle usually reflect pain to neck back surface, skull base, temple and lower jaw. These points are often reason of chronic one-sided and sometimes two-sided headache. Trigger points in sternocleidomastoid muscle reflect pain to occipital, *ик то т*, parotid, frontal and buccal areas. Active trigger points are almost always found in this muscle of people with relapsing pain. Trigger points of suboccipital muscles cause reflected pains going along head through occipital, temporal and frontal areas. Trigger points in masticatory complex muscles (masticatory, temporal, medial and lateral pterygoid) and connected muscles of front and back neck surfaces and shoulder girdles area (stabilizing head and neck against gravity during lower jaw motion) cause strong pain in temporal-mandibular joint area and in lateral head surface. Appeared headache can be sharp sometimes is defined as episode of migraine by mistake. As a rule, pain is generally concentrated in prootic temporal areas. It should be taken into consideration, that masticatory complex muscles are postural muscles, controlling lower jaw position and reacting to postural balance of a person in the whole.

Conclusion.

1. People with bite disorders have muscular facial headaches twice as often, than people without ones (67 % of examined with bite disorder and 35 % of examined without bite disorder).
2. People with bite disorders have more intensive headache, than people without ones (53 % of examined without bite disorder have light intensity of pain syndrome, and 81 % of examined with bite disorder have moderate or intensive pain syndrome).
3. Headache of people with bite disorder becomes chronic more often (36 % of cases in comparison with 22 % of examined with normal bite).
4. Intensity of masticatory complex muscles MSI of examined with bite disorder is in 2.5 times higher than of people with normal bite.

REFERENCES

1. Alekseev, V. V. Diagnostics and treatment of headaches / V. V. Alekseev // RMJ, 2001. – V. 9 – № 7–8. – 330–333 h.
2. Belova, A. N. Neurorehabilitation: guidance for doctors / A. N. Belova. – 2nd edition, reprocessing and addition. – M : Antidor, 2002. – 736 p.
3. Bugrovetskaya, O. G. Postural imbalance in prosopalgia pathogenesis. Sanogenetic significance of manual therapy in neurodental diseases / O. G. Bugrovetskaya // author's abstract. M.D. – Moscow, 2006.
4. Vein, A. Voznesenskaya T. Headache / A. Vein // Clinical medicine. – 1998, № 11. – pp. 63–65.
5. Ivanichev, G. A. Myofascial pain / G. A. Ivanichev. – Kazan, 2007. – 392 p.
6. Pavlenko, S. S. epidemiology of pain / S. S. Pavlenko // Neurologic magazine, 1999. – V. 4 – № 1 – P.41–46.
7. Travell, J. G. Myofascial pains and dysfunctions: guidance on trigger points. / J. G. Travell, D. G. Simonce // Transl. from English. – M. : Medicine, 2005. – V. 1.
8. Fergusson, L. U., Gervin, R. Myofascial pain treatment : Clinical guidance / L. U. Fergusson, R. Gervin. – M. : MEDpress-inform, 2008. – 544 p.
9. Shtok, V. N., Levin, O. S. Manual on formulation of clinical diagnosis of human nervous system diseases / V. N. Shtok, Levin, O. S. // MIA, 2010. – 520 p.

Материал поступил в редакцию 07.09.14.

ОККЛЮЗИОННЫЕ НАРУШЕНИЯ КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЫШЕЧНО-ФАСЦИАЛЬНЫХ ГОЛОВНЫХ БОЛЕЙ

Н.М. Диденко¹, А.В. Стефаниди², И.М. Духовникова²

¹ кандидат медицинских наук, ассистент кафедры

Иркутский государственный медицинский университет

² доктор медицинских наук, профессор, ³ кандидат медицинских наук, ассистент кафедры

Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования (Иркутск), Россия

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию пациентов с окклюзионными нарушениями, предъявляющих жалобы на головную боль. Целью работы явился анализ клинических особенностей головной боли у пациентов с нарушениями окклюзии. В качестве исследовательской задачи авторами была предпринята попытка сравнительной оценки головной боли у пациентов с нарушениями окклюзии и пациентов с физиологической окклюзией. В статье проведен анализ взглядов исследователей, посвятивших себя исследованию мышечно-фасциальных триггерных пунктов. В выводах обосновывается мысль о том, что головная боль у лиц с нарушениями окклюзии имеет характерные особенности.

Ключевые слова: головная боль напряжения, мышечно-фасциальные триггерные точки, мышцы жевательного комплекса, нарушение окклюзии.

UDC 616.36-018.1:576.3:546.131:546.48

STRUCTURE AND FUNCTIONAL CHANGES IN PARENCHYMATOUS ORGANS UNDER EXOTOXICOSIS

A.K. Zhaksylykova¹, I.A. Almabayev², N.L. Tkachenko³, A.A. Idrisov⁴, D.A. Abildayev⁵

^{1,4} Doctor of Medical Sciences, Professor

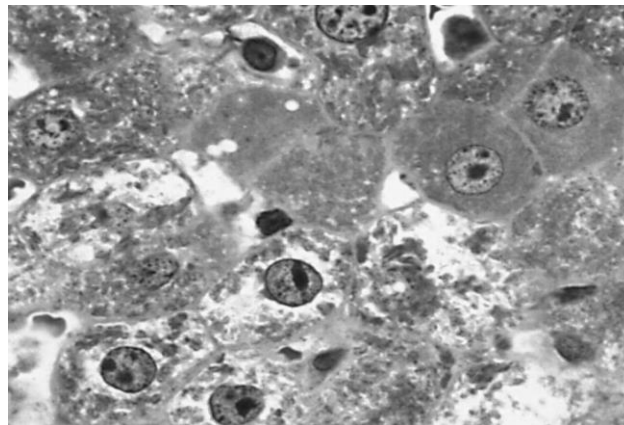
² Doctor of Medical Sciences, Professor, Head of Department, ³ Senior Teacher, ⁵ Teaching Assistant
S.D. Asfendiyarov Kazakh National Medical University (Almaty), Kazakhstan

Abstract. Salts of heavy metals, which include cadmium salt, play an important role in the formation of unfavorable ecological situation in the environment [1]. Cadmium is recognized from all chemical elements most dangerous heavy metals due to the fact that from the human body it is virtually displayed and accumulates with age [2,3]. In its role as the central homeostatic liver is extremely sensitive to the effects of various endogenous and exogenous destabilizing factors [4, 5]. Toxic liver disease is accompanied by disturbances in membrane permeability of the liver cells, activation of lipid peroxidation (LPO) and the development of endotoxemia with impaired liver function. [6,7,8]. It is providing the binding and neutralization of toxic substances of exogenous origin, the first falls under the press of chemical contaminants, resulting in morphofunctional changes in other organs. We can assume that this is due to exosomes that are generated by the modified liver cells that spread information to the cells of other organs.

Keywords: cadmium, hepatocytes, dystrophy, mitochondria, ribosomes.

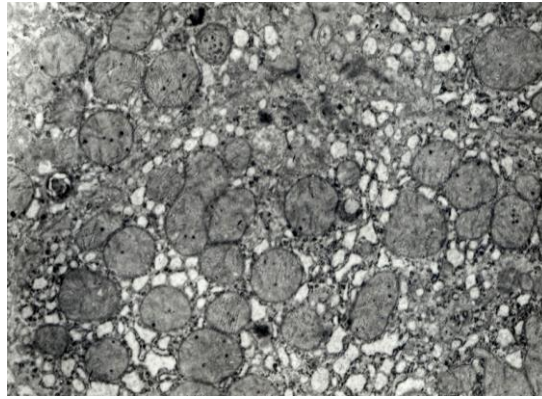
Material and methods. Morphological and functional changes of liver and its regional glands under chronic exotoxicosis caused by cadmium chloride have been studied in 50 male rats. Experimental model of poisoning was based on two groups of white rats, for whom every day, over 1 months in the standard diet cadmium chloride added at dose of 3 mg / kg. Animals were decapitated through 3,7,14,21, 30 night, after the end of the experiment.

Results of investigation. Chronic cadmium intoxication resulted in dystrophic change of hepatocytes in the kind of cytoplasm vacuolization, cell hypostasis and destruction as well as disorder of blood microcirculation (pic. 1).



Picture 1. The structure of the rat liver
Destructive disturbances in rat liver hepatocytes. The third day, after chronic exotoxicosis cadmium chloride at a dose of 3 mg / kg bw Stained with toluidine blue. An increase $\times 600$.

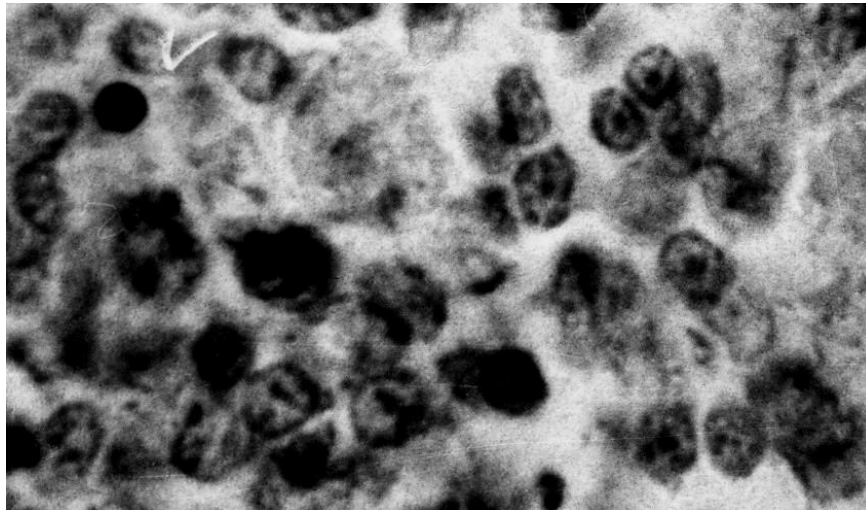
Besides, disorder in the structure of cell nucleus, cell organelle, cell interfaces, spatial configuration of microtubulation of exchange poles and gall capillaries were registered. Signs of albumen synthesis disorder were registered in hepatocyte cytoplasm: widened spaces without chromosomes were found in channels of granular endoplasmic reticulum. The number of ribosomes and poliribosomes was decreased. Signs of cell power supply insufficiency supported by change of mitochondria density and reduction of crista were found (pic. 2).



Picture 2. The ultrastructure of rat liver

Expansion and fragmentation channel ERT's, mitochondrial swelling and reduction of cristae, reduction in the number of ribosomes and glycogen content in the liver of rat hepatocyte, 7 days after intoxication cadmium chloride at a dose of 3 mg / kg bw. The electronogram Increase in $\times 10000$.

These changes were accompanied by reduction of glycogen level and accumulation of excess of lipid inclusions. Chronic exotoxicosis exited development of hypostasis of regional liver nodes, reduction of sinus areas, increase of cortical and medullar substance volume. Due to hypostasis of node parenchyma and decrease of sinus gaps drainage function of the nodes was lower and the lymph coming through the node had close contact with the parenchyma of the nodes. Areas of secondary lymphoid nodes were increased reliably. Cell changes in all examined zones of liver lymphatic nodes were based on decrease of small and medium lymphocyte number and reliable increase of big lymphocyte number. This is the indicator of development of immune-morphological proliferative reaction in the lymphoid tissue as the reaction to toxic substance impact. In medullar tension bars and secondary lymphoid nodes increase of the number of plasma-blasts, plasmocytes, macrophages, Mot cells, degenerated cells were registered (pic. 3).



*Picture 3. The structure of the rat liver, lymph node
Increase in the number plasmoblast's, plasma cells, macrophages, and mast cells degenerating in the brain strands lymph node rat liver on day 14 after chronic exotoxicosis cadmium chloride at a dose of 3 mg / kg bw. Stained with azure II-eosin. Increase in $\times 1000$.*

Thus, after 7 days after the poisoning, the positive developments across the nodes were revived, in contrast to untreated animals. By the 30st day of observation the areas of all zones approached to a control values

Conclusions.

1. Under the influence of cadmium chloride in the liver cells are violated, the nature of the membrane-violated aids protein synthesis and energy production.
2. Changes in the regional lymph nodes are synchronous liver lesions in the liver.
3. Morphological and functional abnormalities in the liver and its lymph nodes are dose-dependent: at a dose of 3 mg toxicant / kg observes deeper changes that are harder to be restored.

REFERENCES

1. Kutcenko, S.A. Basics of Toxicology / S. A.Kutcenko, –Pb : Tome. – 2004. – 720с.
2. Stitch, V.A.The mechanism of material accumulation of heavy metals in the body of white rats / V. A.Stitch, E. G. Lampeka, N. N.Dmitruha// Gig.truda. – 2001 – Vyp.32. – St 219–230.
3. Stitch, V.A.Comparative study of the toxic effects of lead and cadmium in the spleen and splenocytes of rats / V. As-titch,N. N. Dmitruha, M.N. Didenko and others // Institute of Occupational Medicine. AMN Ukrainy. – Kiev. – 2004. – S.2–9.
4. Voronin, D.A. Structural changes in the liver and primary links of her lymphatic region in chronic emotional stress / D. A. Voronin // “Bulletin SB RAMS”, Novosibirsk, 2001. – 4, S.60–62.
5. Michurina, S.V. Effect of moderate pathological effects of 3,4-benzopyrene ECOTOXICANTS on microcirculation system tissue micro liver. Tr. Inst clinical. And experimental. Lymphology/ Russian Academy of Medical Sciences, Sib. Fin-set. In 2000. T. 8.– P. 209–211.
6. Bouwens, L. Liver cell heterogeneity: functions of non-parenchymal cells / L.Bouwens, P.De Bleser, K.Vanderkerken, and others // Enzyme, 1992,v. 46 (1–3). R.155–168.
7. Kmiec, Z. Cooperation of liver cells in health and disease / Z.Kmiec// Adv. Anat. Embryol. Biol. – 2001. – V. 161. – P.1–15.
8. Zhaksylykova, A. K. Structure changes in organs under adaptation to toxic stress / A. K.Zhaksylykova, B. N. Nurmu-khambetova, N. L. Tkachenko//Das ik to tional symposium “Ökologische,technologische und rechtlicheaspekte der lebensver-sorgung”– Hannover. – 2013,P.158–159

Материал поступил в редакцию 29.09.14.

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ НАРУШЕНИЯ В ПАРЕНХИМАТОЗНЫХ ОРГАНАХ ПРИ ЭКЗОТОКСИКОЗЕ

А.К. Жаксылыкова¹, Ы.А. Алмабаев², Н.Л. Ткаченко³, А.А. Идрисов⁴, Д.А. Абильдаев⁵
^{1,4} доктор медицинских наук, профессор, ² доктор медицинских наук профессор, заведующий кафедрой,
³ старший преподаватель, ⁵ ассистент кафедры
 Казахский национальный медицинский университет им. С.Д. Асфендиярова (Алматы), Казахстан

***Аннотация.** Соли тяжелых металлов, к которым относятся и соли кадмия, играют большую роль в формировании неблагоприятной экологической ситуации в окружающей среде [1]. Кадмий признан из всех химических элементов самым опасным тяжелым металлом в связи с тем, что из организма человека он практически не выводится и с возрастом накапливается [2,3]. Выполняя роль центрального гомеостата, печень чрезвычайно чувствительна к влиянию различных эндо- и экзогенных дестабилизирующих факторов [4,5]. Токсические поражения печени сопровождаются нарушением проницаемости мембран печеночных клеток, активацией процессов перекисного окисления липидов (ПОЛ) и развитием эндотоксикоза с нарушением функции печени [6, 7, 8]. Вероятно, экзосомы, формирующиеся при этом в гепатоцитах, передают информацию на другие органы, что вызывает морфофункциональные изменения в них.*

***Ключевые слова:** кадмий, гепатоциты, митохондрии, дистрофия, рибосомы.*

УДК 618.14-006.36:616.13-089.819

ЭМБОЛИЗАЦИЯ МАТОЧНЫХ АРТЕРИЙ В ЛЕЧЕНИИ МИОМЫ МАТКИ**Е.С. Петунина¹, Р.С. Кашкаров², А.С. Янпольский³, Л.В. Степанян⁴**^{1,4} врач акушер-гинеколог, ^{2,3} врач рентген-васкулярной диагностики и лечения,⁴ кандидат медицинских наук, ассистент кафедры акушерства гинекологии лечебного факультета^{1, 2, 3, 4} ГБУЗ АО Александро-Мариинская областная клиническая больница г. Астрахани⁴ ГБОУ ВПО «Астраханская государственная медицинская академия» Минздрава РФ (Астрахань), Россия

Аннотация. На основании лечения методом эмболизации маточных артерий (ЭМА) 130 больных с миомой матки (60 с временной ЭМА и 80 – постоянной) установлена эффективность данной методики. Кроме того изучены характерные симптомы постэмболизационного синдрома.

Ключевые слова: миома матки, эмболизация маточных артерий, постэмболизационный синдром.

Введение. Миома матки является одним из самых распространенных доброкачественных заболеваний женских половых органов. По данным разных источников, данная патология выявляется у 25–45 % женщин репродуктивного возраста и является показанием к 60 % всех радикальных операций в гинекологии. Такие операции приводят к выраженным вегетососудистым и психоэмоциональным нарушениям, а также к потере репродуктивной и менструальной функций [1, 2, 6].

В последние годы одним из современных направлений в оперативном лечении миомы матки является эмболизация маточных артерий. Данное оперативное вмешательство является эффективным, малоинвазивным и органосохраняющим методом лечения миомы матки. Из данных литературы известно, что ЭМА дает хороший клинический эффект, позволяет быстро устранить проявления миомы, уменьшить ее размер [1, 10] и даже восстановить репродуктивную функцию [7].

Цель исследования – определить эффективность постоянной эмболизации маточных артерий, временной ЭМА при миомэктомии, а также степень выраженности постэмболизационного синдрома у пациенток с миомой матки.

Материалы и методы исследования.

Эмболизация маточных артерий была произведена 130 пациенткам в возрасте от 25 до 47 лет (средний возраст 36 лет).

Методика проведения ЭМА была следующая. Под местной анестезией производилась пункция бедренной артерии. Под контролем рентгеноскопии, катетером Робертс селективно катетеризировались

важно отметить, что на сосуды здорового миометрия эмболизация не оказывает практически никакого воздействия – это связано с особенностями их строения и техникой самого вмешательства. После прекращения кровоснабжения мышечные клетки, формирующие миому, гибнут. В течение нескольких недель происходит их замещение соединительной тканью. Таким образом, вскоре после ЭМА миомы как таковой уже не остается – остается лишь соединительная ткань на ее месте.

Эмболизирующими препаратами при проведении постоянной ЭМА были: Embosphere (BioSphere Medical, Франция) – акриловый полимер (триакрил), в соединении с желатином; Эмбокс (Пластик М, Россия) – эмболы гидрогелевые, а при временной ЭМА мы использовали гемостатическую губку.

Результаты исследования.

Обследование перед вмешательством включало консультации гинеколога и сосудистого хирурга, ультразвуковое исследование органов малого таза с определением доплеровских показателей кровотока в маточных артериях и их ветвях, сосудах перифиброидного сплетения (патологической сосудистой сети, характерной для миоматозного узла), биохимические и клинические анализы крови. Для всех пациенток были обязательными взятие мазка для определения степени чистоты и флоры, а также исследование для выявления урогенитальной инфекции. Для оценки состояния эндометрия производили его аспирацию, а при показаниях – гистероскопию и раздельное диагностическое выскабливание стенок полости матки. Размеры миоматозных узлов варьировали от 3–4 до 17–18 см (в среднем 11,4 см). В 75 (57,7 %) наблюдениях миома матки имела множественный характер с количеством узлов от 2 до 8 (в среднем 4), у остальных 55 (42,3 %) пациенток миоматозные узлы были солитарными. Интерстициальное расположение ведущих узлов наблюдалось у 40 (30,8 %) пациенток, интерстициально-субсерозное – у 46 (35,4 %) больных, интерстициально-субмукозное – у 44 (33,8 %). Размеры матки соответствовали ее величине до 12 нед. Беременности у 46 (35,4 %) больных, величине от 12 до 14 нед. – у 52 (40 %) пациенток, более 15 нед. – у 32 (24,6 %). Основные противопоказания для проведения ЭМА были: тяжелые анафилактические реакции на рентгеноконтрастные препараты, некорректируемые коагулопатии, тяжелая почечная недостаточность, злокачественные опухоли матки и яичников, пациентки с острыми инфекционными заболеваниями матки и придатков, после предшествующей лучевой терапии органов таза, при аутоиммунных заболеваниях соединительной ткани.

Основные клинические проявления миомы матки, явившиеся причиной обращения за медицинской помощью, во многом определившие показания к применению ЭМА, включали меноррагию у 101 (77,7 %) пациенток, в том числе

сопровождавшуюся хронической железодефицитной анемией у 70 (53,9 %), симптомы сдавления близлежащих органов (чувство тяжести внизу живота, дизурия, диспареуния и т.д.) – у 11 (8,5 %), быстрый рост – у 3 (2,3 %).

Следует подчеркнуть, что в 60 (46,2 %) случаях на выбор ЭМА в качестве основного метода лечения повлияло стойкое желание пациенток сохранить орган, а также возможность сохранения репродуктивной функции. Срок наблюдения больных в постэмболизационном периоде составил от 1 до 7 мес.

С целью реализации поставленной цели все пациентки для удобства сравнения были разделены на три группы: 1-я группа (60 пациенток, которым применялась временная ЭМА) – женщины с миомой матки детородного возраста, которые после миомэктомии в последующем планировали беременность; 2-я группа (80 женщин, которым проводилась постоянная ЭМА) – пациентки с миомой матки, целью которых было излечение от основного заболевания любой ценой; 3-ю группу составили 32 пациентки с миомой матки, которым миомэктомия выполнялась традиционным способом без применения ЭМА. Основные показатели гемограммы в исследуемых группах представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели гемограммы и гемостазиограммы в исследуемых группах в динамике

Показатель	1-я группа (n=60)		2-я группа (n=80)		3- группа (n=32)	
	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения	до лечения	после лечения
Нь, г/л	93 ± 21*	110 ± 20**	114 ± 27*	152 ± 19**	98 ± 18	87 ± 15
Ег, х 10 ¹² /л	3,2 ± 0,7	4,0 ± 0,9**	3,7 ± 0,8	4,1 ± 0,4**	3,2 ± 0,5	2,8 ± 0,5
ПТИ, %	93,5 ± 6,5*	95,9 ± 4,8*	97,5 ± 18,5*	98 ± 8,5*	94 ± 15,2	97 ± 21,3
Фибриноген, г/л	3,55 ± 1,05**	3,8 ± 1,02	3,05 ± 1,45	3,9 ± 1,01*	2,6 ± 2,2	4,7 ± 2,2

Примечание: *p < 0,01; **p < 0,05 – достоверность изменений по сравнению с показателями контрольной группы соответственно по группам до лечения и после лечения

Как видно из представленной таблицы параметры гемограммы и гемостазиограммы с применением временной ЭМА во время операции миомэктомии и с применением постоянной ЭМА достоверно отличались от показателей 3-й группы, миомэктомия которым была выполнена без ЭМА.

Кровопотеря при миомэктомии без ЭМА варьирует от 300 до 800 мл (в среднем 550 мл). В отдельных случаях проводилась инфузия эритроцитарной массы и СЗП в виду низких показателей гемограммы и нарушений в гемостазиограмме. После ЭМА кровопотеря составляла от 150 до 250 мл (в среднем 200 мл). Ни в одном случае компоненты крови не переливались.

Отдаленные результаты ЭМА у наших больных также подтвердили ее высокую клиническую эффективность. В сроки до 1 (7–11 мес.) года после эндоваскулярного вмешательства было отмечено уменьшение размеров миоматозных узлов в среднем с 10,7 до 4,3 см, а матки – с размеров, соответствующих 15,1 нед беременности, до нормального объема. Из 130 больных 1-й и 2-й группы у 111 (85,4 %) больных полностью исчезли или значительно уменьшились клинические симптомы миомы матки, причем 85,1 % пациенток высказали полную удовлетворенность произведенной ЭМА. Достигнутым результатам ЭМА при лечении миомы матки и отсутствию осложнений во многом способствовала тщательная оценка особенностей клинического течения после вмешательства, объединенного нами в понятие «постэмболизационный синдром» (ПЭС ЭМА), и соответствующая тактика ведения больных, на которые нам хотелось бы обратить особое внимание [2, 4].

Было установлено, что наиболее характерными симптомами ПЭС ЭМА являются болевые ощущения, кровянистые выделения из половых путей, гипертермия, лейкоцитоз, гиперфибриногенемия, нарушения мочеиспускания, расстройства деятельности желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), функциональные изменения сердечно-сосудистой системы (ССС). Побочные эффекты и осложнения ЭМА представлены в табл. 2.

Таблица 2

Побочные эффекты и осложнения

Симптомы	Степень выраженности, баллы			
	0	I	II	III
Боли (в баллах по шкале самооценки)	отсутствие	незначительные до 3 баллов	умеренные 4–7 баллов	сильные 8–10 баллов
Выделения из половых путей (объем, продолжительность)	отсутствие	скудные, до 1 недели	умеренные, до 2 недель	обильные, до 3–4 недель
Гипертермия	до 37,0°C	37,1-37,5°C	37,6-38,0° С	>38,1°C
Лейкоцитоз	< 9x10 ⁹ /л	9-11x10 ⁹ /л	11-14x10 ⁹ /л	>14x10 ⁹ /л
Гиперфибриногенемия	отсутствие	> 4 г/л	отсутствие	> 4 г/л
АЧТВ	не изменено	не изменено	< 20 с	< 20 с
Дизурия	отсутствие	чувство тяжести в области мочевого пузыря	нарушение мочеиспускания 1 сутки	задержка мочи > 1сутки
Нарушения со стороны ЖКТ	отсутствие	вздутие живота	вздутие живота, тошнота	парез кишечника, рвота
Нарушения со стороны ССС (тахикардия)	отсутствие	90–100 уд/мин	100–110 уд/мин	> 110 уд/мин

В наших наблюдениях после ЭМА болевой синдром имел разную интенсивность и продолжительность (от 1 до 5 сут.). Болевые ощущения в нижней части живота пациентками оценивались при помощи 10-балльной шкалы. Болевой синдром считался маловыраженным при оценке от 0 до 3 баллов (60 (46,2 %) больных), умеренной силы – при оценке от 4 до 7 баллов (63 (48,5 %) больных) и выраженным – при указании пациенткой от 8 до 10 баллов (17 (13,1 %) больных).

В наших наблюдениях при выраженном болевом синдроме (8-10 баллов по шкале самооценки боли) пациенткам были назначены наркотические анальгетики, как правило, 1-2 раза в день вмешательства и на следующее утро. В дальнейшем обезболивание производилось нестероидными противовоспалительными средствами (кеторол) более продолжительное время (7-10 дней). При средней степени выраженности боли (4-7 баллов) было достаточно назначения таких препаратов, как анальгин, кеторол. При слабом болевом синдроме назначались НПВС.

Кровянистые выделения из половых путей отмечены у 49 (37,7 %) пациенток, причем у большинства из них имели место интерстициальные или интерстициально-субмукозные узлы. Как правило, эти выделения начинались со вторых суток после ЭМА, их продолжительность составляла от 1 до 4 нед. Характер выделений был скудный или умеренный. Как видно из таблицы 1 кровянистые выделения не сопровождалась анемизацией пациенток с падением уровня гемоглобина. Появление кровянистых выделений не зависело от периода менструального цикла при проведении ЭМА. Эти симптомы безопасны, быстро проходят и требуют лишь назначения профилактической антибактериальной терапии. Кровянистые выделения из половых путей после ЭМА у 5 % больных являются симптомами начинающейся спонтанной экспульсии субмукозных миом [6, 9]. В большинстве случаев эвакуирующаяся миома (особенно небольших размеров) выходит спонтанно в первые часы после развития характерного симптомокомплекса. К нему могут относиться появление схваткообразных болей внизу живота, усиление выделений из половых путей и даже появление гноевидного отделяемого из влагалища [8]. Однако, если эвакуирующаяся миома матки не выделяется в первые 24–36 ч после появления клинических симптомов, мы применяем гистероскопию с последующим удалением отторгнувшихся миоматозных узлов с целью профилактики инфекционных осложнений.

У 99 (76,2 %) пациенток, перенесших ЭМА, в постэмболизационном периоде было отмечено появление гипертермии. У 31 (23,8 %) больных температура тела после ЭМА не превышала нормальных значений в течение всего времени наблюдения. У 3 (2,3 %) пациенток (у которых миоматозные узлы были больших размеров) температура тела достигала 38,2–38,5 °С и держалась в течение 2–4 сут., затем снижалась до субфебрильных цифр, сохраняясь, на протяжении 2,5 нед.

В наших наблюдениях у подавляющего большинства пациенток (113 (86,9 %) больных), несмотря на выраженный болевой синдром и гипертермию у части из них, число лейкоцитов не превышало $11 \times 10^9/\text{л}$ (невыраженные изменения). Лейкоцитоз до $14 \times 10^9/\text{л}$ отмечен у 16 (12,3 %) больных. И только у 1 (0,8 %) больной число лейкоцитов превышало $14 \times 10^9/\text{л}$ ($16,5 \times 10^9/\text{л}$). Все пациентки получали консервативную терапию, включающую антибактериальные препараты широкого спектра действия и дезинтоксикационную терапию.

Изменений лабораторных показателей системы гемостаза, в первую очередь гиперфибриногемии, в наших исследованиях мы не наблюдали (табл. 1).

Осложнений со стороны органов мочеиспускания после ЭМА в наших наблюдениях мы не отметили.

У 31 (23,8 %) женщины после ЭМА были отмечены различные нарушения деятельности ЖКТ. У 25 (19,2 %) из них отмечалось вздутие живота, у 2 (1,5 %) – тошнота, а у 4 (3,1 %) – однократная рвота.

Изменения деятельности ССС после ЭМА мы также относим к рефлекторному ответу организма на возникающую острую ишемию органов малого таза и, возможно, сопровождающую болевой и температурный синдром. В наших наблюдениях тахикардия в пределах 90–100 уд/мин наблюдалась у 25 (19,2 %) пациенток, от 100 до 110 уд/мин – в 14 (10,8 %) наблюдениях.

Таким образом, ЭМА зарекомендовала себя как безопасный и эффективный метод лечения миомы матки, являясь полноценной малоинвазивной и органосохраняющей альтернативой хирургическому лечению миомы матки [3, 5, 10]. По всей видимости, широкое внедрение ЭМА в клиническую практику позволит существенно улучшить результаты лечения пациенток с этой распространенной патологией.

Заключение.

1. выполнение временной эмболизации маточных артерий перед проведением консервативной миомэктомии уменьшает интраоперационную кровопотерю;
2. постоянная ЭМА является самостоятельным методом лечения миомы матки, как альтернатива хирургическим и гормональным методам;
3. постэмболизационный синдром имеет право быть, однако с целью его предупреждения необходимо вести пациенток в послеоперационном периоде с течение 2-х суток с адекватной обезболивающей, антибактериальной, инфузионной и дезинтоксикационной терапией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доброхотова, Ю. Э. Беременность у пациенток после эмболизации маточных артерий по поводу миомы матки : клиническое течение, особенности фетоплацентарного комплекса и функции эндотелия / Ю. Э. Доброхотова, Э. М. Джобава, И. Г. Кнышева и др. // Проблемы репродукции. – 2011. – № 4. – С. 97–101.
2. Максимова, Д. Ж. Ближайшие и отдаленные результаты эмболизации маточных артерий у больных с лейомиомой матки / Д. Ж. Максимова, Т. Е. Самойлова, Л. С. Коков и др. // Рос. Вестн. Акуш. Гин. – 2009. – № 1. – С. 49–52.

3. Гурьева, В. А. Место эмболизации маточных артерий в терапии миом матки / В. А. Гурьева, А. А. Карпенко, О. Г. Борисова // Рос. Вестн. Акуш. Гин. – 2008. – № 2. – С. 40–44.
4. Савельева, Г. М. Эмболизация маточных артерий у больных миомой матки / Г. М. Савельева, В. Г. Бреусенко, С. А. Капранов // Акуш. И гин. – 2004. – № 5. – С. 21–24.
5. Belenky, A. Uterine arterial embolization for the management of leiomyomas / A. Belenky, M. Cohen, G. N. Bachar // Isr. Med. Assoc. J. 2001. – № 3(10). – P. 719–721.
6. Hutchins, F. L. Embolotherapy for myoma-induced menorrhagia / F. L. Hutchins, R. Worthington-Kirsch // Obstet. Gynecol. Clin. North Am. – 2000. – № 27. – P. 397–405.
7. McLucas, B. Pregnancy following uterine fibroid embolization / B. McLucas, S. Goodwin, L. Adler et al. // Int. J. Gynaecol. Obstet. – 2001. – Vol. 74, № 1. – P. 17.
8. Siskin, G. The effectiveness of uterine fibroid embolization after therapy with a gonadotropin releasing hormone agents / G. Siskin, P. Meo, D. Pyne et al. // J. Vase. Interv. Radiol. – 2003. – Vol. 14. – P. 82.
9. Goodwin, S. C. Uterine artery embolization for the treatment of uterine leiomyomata : midterm results / S. C. Goodwin, B. McLucas, M. Lee et al. // J. Vase. Interv. Radiol. – 1999. – № 10. – P. 1159–1165.
10. Worthington-Kirsch, R. Uterine artery embolization: state-of-the-art and new developments / R. Worthington-Kirsch // Intervention. – 2000. – Vol. 4, № 2. – P. 35–38.

Материал поступил в редакцию 23.09.14.

EMBOLISATION OF UTERINE ARTERY IN TREATMENT OF UTERINE FIBROIDS

E.S. Petunina¹, R.S. Kashkarov², A.S. Yanpolskiy³, L.V. Stepanyan⁴

^{1,4}obstetrician-gynecologist, ^{2,3}Doctor of X-ray Vascular Diagnostics and Treatment

⁴Candidate of Medical Sciences, Teaching Assistant of Department of Obstetrics Gynecology of Medical Faculty

^{1,2,3,4}Alexander-Mariinsky Regional Clinical Hospital of Astrakhan

⁴Astrakhan State Medical Academy of Russian Health Ministry (Astrakhan), Russia

Abstract. *Based the method embolization of uterine artery (EUA) in treatment of uterine fibroids in 130 patients (60 temporary and 80 EUA – constant) demonstrated the efficacy of this technique. In addition studied the characteristic symptoms postembolizatsionnogo syndrome.*

Keywords: *uterine fibroids, embolization of uterine artery, postembolizatsionny syndrome.*

Study of art
Искусствоведение

УДК 72.01

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР СОЗДАНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ**

Е.С. Бакушкина, аспирант, кафедра художественного образования и декоративного искусства
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), Россия

***Аннотация.** В статье рассматривается понятие экологическая архитектура и роль экологического сознания при ее создании. Говорится о процессе проектирования экологической архитектуры. Приводится работа современного архитектора Питера Цум Тора как пример ее реализации.*

***Ключевые слова:** экологическое сознание, экологическая архитектура, экологическая безопасность, преобразование.*

Архитектурное сооружение и структура - «Человек», это храмы, созданные на благо. Биологическая организованная галактика создала структуру человека как природный храм жизни, дав человеку экологическое сознание в наследие. Он построил материальный храм – архитектурный, где обязан вложить свое экологическое сознание, дарованное ему.

Российский теоретик архитектуры, А. В. Иконников пишет: «Архитектура – одно из самых древних и значительных по своему воздействию искусств. Сила ее художественных образов умножается постоянным и не навязчивым воздействием на человека – вся его жизнь проходит в среде, основу которой составляет архитектура. Архитектура служит средством организации системы жизненных процессов, разделяя их или связывая в необходимой последовательности. Формы произведений архитектуры образуют своеобразный язык, воздействующий на эмоции и диктующий характер поведения человека». [1, с. 5]

Люди прошлых веков, осознали значение архитектурных сооружений. Здания строились на века, к примеру, 150 лет для строительства готического собора считалось нормой. За 150 лет не было никаких изменений в понимании устройства, культурных норм, канона. Сегодня, все меняется каждые 5 –10 лет: творческая направленность, вкусы, предпочтения. Сознание людей потеряло свою «экологичность». «Мы живем в ландшафте, но и ландшафт живет в нас. Раны, нанесенные природе, выбоины на теле городских архитектурных ансамблей, уродливые здания – все это внешние материализованные свидетельства раскола и отчуждения или внутреннего пространства человека от «души мира» – пишет в своей монографии финский архитектор, педагог и теоретик архитектуры Юхани Палласмаа. [3, с. 21]

Понимание правильного значения экологической архитектуры и роли экологического сознания в ее создании является важной и значимой задачей, как для людей архитектурной профессии, так и для современного общества и самого человека.

Экологическая архитектура – система структур, созданная экологическим сознанием человека, выраженная в материальном мире посредством композиционных средств архитектуры, необходимая для выполнения работы преобразования.

Основное правило экологической архитектуры – создание пространства, способствующего преобразованию на всеобщее благо.

Для создания экологической архитектуры необходимо самому архитектору иметь экологичность сознания – знать единые законы и отвечать за *безопасность* сохранения правильного кода преобразования, начиная с себя – как единицы, энергетического потенциала, создающего общий объем. Экологическая безопасность сознания человека – сохранения чистоты, которая позволяет без зашумлений выполнять работу преобразования на общее благо по единым законам. Эти законы человек знает, посредством экологического сознания – взаимодействия собственного сознания с окружающим миром.

Процесс создания архитектурного объекта так же должен быть экологичным, выстроенным во взаимодействии сознания архитектора с окружающим миром. Зарождение нового сооружения начинается, еще в процессе обдумывания, эскизного осмысления. «Творческая работа требует двойной перспективы: человеку необходимо сфокусироваться одновременно на мире и на себе, на внешнем окружающем пространстве и внутреннем пространстве собственной души. Любое произведение искусства артикулирует эту границу между личностью и миром, как в работе художника, так и в последующем процессе восприятия результата зрителями, слу-

шателями или обитателями». [3, с. 21]

Финский архитектор Алвара Аалто так описывал процесс ассоциативного творческого поиска, в котором сама рука бессознательно создает идеи: «Я делаю так – и иногда совершенно неосознанно – я отбрасываю на время весь груз проектных проблем, который в какой-то момент становится совершенно невыносимым из-за необходимости удовлетворить множеству совершенно разных требований. Я начинаю работать так, как работают в абстрактном искусстве. В этих эскизах я не стараюсь непременно выразить определенные архитектурные идеи, а просто рисую инстинктивно что-то, часто напоминающее наивные детские почеркушки. Таким образом, на основе отвлеченных композиций, постепенно формируется идея, некая обобщающая субстанция, которая помогает мне объединить все противоречивые составляющие проекта в одно гармоничное целое». [4, с. 5]

В процессе проектирования важно выполнение автором работы преобразования. Архитектор входит в единение с рукой, идеей, пониманием, знанием. К сожалению, с появлением различных компьютерных программ моделирования, в большинстве архитектурных мастерских эта цепочка исчезает, что приводит к утрате «человечности» в архитектуре и в итоге созданию «пустых», ничего не дающих объемов, которые демонстрирует современная архитектура.

Одним из современных архитекторов, чьи работы и процесс их реализации является экологичным, является швейцарский архитектор Петер Цумтор. Его отношение к созданию архитектурных сооружений, от обдумывания концепции до момента реализации объекта, демонстрирует глубокое понимание работы архитектора во взаимодействии с окружающим миром, показывает процесс формирования экологической архитектуры.

«Сейчас мировые архитекторы с именами-брендами работают как производители узнаваемых образов. Я не поставлю образы. Я – автор, я строю как ремесленник, как инженер, и в то же время я работаю как композитор, который пишет музыку. Это означает, что я отвечаю за все. Во всех проектах, над которыми я работаю, решающий голос всегда принадлежит мне. Я забочусь о каждом здании, обо всем его наполнении, и я, совместно с клиентом, руковожу долгим процессом строительства. Я строю здание сам от начала до конца, и сам несу ответственность за все, доброе и худое. Я верю в целостность своей работы, и я на этом стою», - говорит архитектор, рассказывая о принципах своей работы. [2]

Петер Цумтор, прославившись очень медленным, по меркам современного мира, продумыванием концепций и подготовкой проекта, берет ответственность за выполняемую им работу. Создает здания, которые не имеют ярких запоминающихся образов, создавая «надуманную» архитектуру, к удивлению многих архитектурных критиков, нравятся всем, потому что человеку, приходящему в эти здания хорошо. Цумтор говорит: «Я изготавливаю огромное количество моделей, чтобы изучить все подробности, огромное количество чертежей, чтобы уменьшить количество ошибок. Я не хочу построить здание и увидеть: вот она, ошибка! То, что я делаю, можно назвать «медленной архитектурой», но это, скорее, «тщательная архитектура», когда работаешь очень осторожно: для этого нужно время. Я начинаю строить только тогда, когда уверен, что все правильно. Мой труд – это творчество, а не услуги. Современные архитекторы часто просто предоставляют услуги. Я действую скорее как художник, как творец. Я считаю архитектуру искусством и работаю только над таким количеством проектов, с которым могу справиться. Я все определяю и контролирую в работе до мельчайших подробностей. Это как писать симфонию – не отдельные ноты или тональности, а всю симфонию в целом» [2].



Рис. 1. Термальный курорт «Термы Вальс», Швейцария. Архитектор Петер Цумтор, 1996

Термальный курорт на горячих источниках – «Термы Вальс» расположен в небольшой горной деревне в Швейцарии, среди зеленых гор с белыми вершинами, хвойным лесом и голубым небом, является примером экологической архитектуры. Идея его проектирования, по словам самого архитектора, заключалась в том, чтобы переосмыслить отношения между архитектурой и геологией горного ландшафта, его энергетикой.

«Мы вместе с заказчиком стали размышлять, чем должно стать это здание. Как ощутить воду? Нужна

тишина – если шуметь, ты не сможешь ее почувствовать. В восточной, греческой и римской традициях существует ритуал купания, и ты об этом вспоминаешь, когда начинаешь задаваться вопросом, что вода означает в нашей культуре. Мы стали обдумывать все сами, и я убедил жителей городка отправиться в это путешествие вместе с нами: исследовать воду и звук, воду и пространство, взаимоотношения воды, света и тени... Мы поняли, что вода и камень – они как возлюбленные: вода любит камень, а камень любит воду. Разработка проекта длилась годы, мы обсуждали все это, делали модели, а теперь множество людей приезжает сюда, чтобы расслабиться. Я сам, чтобы избавиться от проблем, приезжаю в Вальс, иду купаться... Это помогает». [2]

Петер Цумтор решил разобрать гору на части и создать ее заново слой за слоем. Здание построили на склоне горы по принципу «камень на камень», а материалом послужили плиты кварца, добытые в местном карьере. Концепция природного окружения внутреннего пространства бассейнов состоит в том, что они расположены ниже уровня земли, и половина конструкции крыши, с посеянной на ней газонной травой, вкопана в склон холма. Тем самым архитектор создает, как бы грот, возвращая посетителей к древним ритуалам купания, помогающим обрести душевное спокойствие, путь к которому лежит через прочувствование гармонии окружающей природы в чистоте архитектурных форм.

Экологическое сознание – сознание, работающее во взаимодействии с внутренним и внешним миром, создает условия для воплощения архитектурной структуры: выстраивает процесс проектирования в форме творческого поиска, формирует необходимый объем, преобразовывает внутренний мир автора в материальный на общее благо.

Таким образом, экологичность сознания самого архитектора, правильно выстроенный процесс проектирования архитектурного сооружения, являются необходимыми условиями создания экологической архитектуры, которая будет восприниматься сознанием людей как Храм, построенный на благо, будет способствовать выполнению работы преобразования, начиная с самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иконников, А. В., Степанов, Г.П. Основы архитектурной композиции / А. В. Иконников, Г. П. Степанов. – М. : Искусство, 1971. – 225 с.
2. Петер Цумтор. «не хочу построить здание и увидеть – вот она, ошибка». Интервью для газеты Коммерсант. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kommersant.ru/doc/837729> (дата обращения 18.09.2014)
3. Палласмаа, Ю. Мыслящая рука : архитектура и экзистенциальная мудрость бытия / Ю. Палласмаа. – М. : Классика – 21, 2013. – 175 с.
4. Passinmäki, P. The Trout, the Stream, and the Letting – Be. Alvar Aalto's Contribution to the Poetic Tradition of Architecture / P. Passinmäki. [Electronic resource]. URL : http://www.alvaraaltoresearch.fi/files/3213/6093/2171/AAM_RN_Passinmaki.pdf (дата обращения 18.09.2014)

Материал поступил в редакцию 22.09.14.

ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AS A FACTOR OF THE ENVIRONMENTAL ARCHITECTURE

E.S. Bakushkina, Postgraduate Student, Department of Art Education and Decorative Arts
Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg), Russia

Abstract. *The article discusses the concept of ecological architecture and the role of ecological consciousness in its creation. The author describes to the process of ecological architecture designing and analyses the work of contemporary architect Peter Tsumthor as an example of its implementation.*

Keywords: *ecological consciousness, ecological architecture, environmental security, transformation.*

УДК 792.01

«ТОТАЛЬНЫЙ ТЕАТР» И ЕВРОПЕЙСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Р.А. Мухаев, кандидат искусствоведения, доцент
Российская Государственная Специализированная Академия Искусств РФ. Москва

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена феномену взаимодействия жизни и театра в контексте эстетико-философских проблем, связанных с понятием «тотальный театр» - порождённым европейским типом мышления и, как следствие, театрализации жизни, продиктованной самой действительностью. Анализ представленной темы даётся в контрастном противопоставлении Запада и Востока, а основное внимание уделено европейской культурной традиции.

Ключевые слова: театр, трагедия, подражание, игра, античность, запад, восток.

«Театр — это целительная прививка от болезни ужаса»
Жан Луи Барро

Театр, как один из наиболее древних видов искусства, насчитывает не одно тысячелетие со времени своего возникновения. Однако игровые, драматизированные элементы, неотделимые от жизни и деятельности человека, уходят корнями в более далёкие времена, так как игровое начало неизменно присутствует у него в силу объективных причин, будь то доисторический человек или наш современник. Ещё Аристотель отмечал, что, «во-первых, подражание присуще людям с детства и они тем отличаются от прочих животных, что наиболее способны к подражанию, благодаря которому приобретают и первые знания; а во-вторых, продукты подражания всем доставляют удовольствие» [1, с. 48]. И далее древнегреческий философ обуславливает данную особенность тем, что человек обретая знания посредством искусства, получает удовольствие независимо от того, приятны они ему или нет.

Конечно, реальный Гамлет вряд ли получит удовольствие от неожиданно открывшихся истин о мировом зле, а король Лир от познания истинных нравов своих современников. Если человеку все же приходится познать нежелательное, то нет достаточных оснований утверждать, что он при этом получит удовольствие. Не всякое познание есть удовольствие, но любое познание есть необходимость. Это касается жизни, а в искусстве реальность преобразуется в гиперболу, не соотносимую с действительностью, даже искусство натурализма всё равно будет склоняться к преувеличению, дабы выглядеть правдивее самой действительности.

Аристотель точно определил игровую, склонную к подражанию природу человека и ему несколько не противоречит точка зрения учёного из далёкого XX века. «Одна старая мысль гласит, - пишет он, - что, если проанализировать любую человеческую деятельность, она покажется не более чем игрой» [14, с. 7]. При этом Хейзинга связывает игровой феномен с понятием «культура», отграничивая игру как биологическую функцию. Вместе с тем он признаёт, что «игра старше культуры», ибо «животные играют — точно так же, как люди» [14, с. 9].

Жизнь и Игра переплетены между собой так, что шекспировское «весь мир — театр, а люди в нём актёры» не вызывает недоумения от масштаба театрального действия применительно ко всему человечеству. А фраза — «Что наша жизнь? — Игра!» из либретто Модеста Чайковского к опере П. И. Чайковского «Пиковая дама», отнюдь не удивляет, более того, она в определённом смысле формулирует жизненное кредо, которое можно расценивать как некий усилитель вкуса, если прибегнуть к гастрономической аналогии. Азартная игра на фоне игровой природы бытия, — странная и возможно пугающая метафора, вызванная стремлением к подражанию, о котором говорит Аристотель. Человек подобно гётевскому Фаусту, нередко играет с судьбой в поисках острых ощущений, потому что он не в силах от них отказаться.

Тотальная игровая среда овладевает человеком и воздействует на его воображение с первых шагов его жизни. В свою очередь игра воображения — это тоже игра, причём более увлекательная, ибо она крайне редко бывает тождественна умозрительному идеалу, то есть тому, что принято называть творческим замыслом. Материализованный творческий акт, подражая игре воображения, находит выражение в слове, в музыке, в движении, в сценической обстановке, а в совокупности в драме — высшем художественном воплощении по мнению того же Аристотеля: «Трагедия стоит выше, достигая своей цели лучше эпопеи <...> Она обладает жизненностью и <...> цель подражания достигается в ней при её небольшом сравнительно объёме, ибо всё сгруппированное воедино производит более приятное впечатление» [1, с. 137].

Театр, как драматизированная квинтэссенция бытия, возник на почве ранних культовых воззрений, когда человек не имел научных объяснений природным явлениям и достаточной защиты от враждебных ему сил. В борьбе за существование он пытался запечатлеть картину известного ему мира посредством магии театрализованного ритуала. В драматизированной форме он воспроизводил сценарии желательного исхода во время охоты, в деле отражения врагов, в обрядах задабривания богов и т.п. Естественно, это не могло ещё являться эстетическим актом, а именно магическим, в ритуальной форме воспроизводящим целенаправленную мысленную форму. Такого театра не мог знать Аристотель, живший в то время, когда театр прошёл период становления как

вид искусства и в своей «Поэтике» философ подводит итог.

Одним из важнейших открытий, вытекающих из содержания «Поэтики», является положение о катарсисе, подразумевающим очищающее, возвышающее и оздоравливающее воздействие на человека через контекст магической силы искусства. Впрочем, Аристотель не сообщил ничего конкретного о катарсисе помимо очищающего эффекта от сострадания и страха. «Мы очень мало знаем сейчас достоверного о самом процессе катарсиса, но мы все же знаем о нем самое существенное, именно то, что разряд нервной энергии, который составляет сущность всякого чувства, при этом процессе совершается в противоположном направлении» [3, с. 260]. Выготский полагал, чем выше степень расхода нервной энергии, тем большее потрясение вызывает искусство, а «всякое чувство есть расход души». Он пишет о том, что эстетическая реакция напоминает взрыв, «разрушающий нашу нервную энергию» [3, с. 246]. Действительно так, когда этот взрыв вызван неожиданными событиями, вытекающими естественным, а не искусственным образом. Только в этом случае его воздействие будет намного сильнее, о чем сказано у Аристотеля [1, с. 70]. И это связано в большей степени с перипетией, узнаванием и состраданием. Относительно эстетической реакции и чувства как такового, тезис о «расходе души» выглядит не совсем верным. Справедливее назвать это замещением части душевной энергии, когда при внешнем воздействии «страшное и жалкое может быть произведено театральной обстановкой, но может также возникать и из самого состава событий» [1, с. 82]. В результате происходит частичное вытеснение нервной энергии («расход души») и замещение вытесненного многократной энергией удовольствия. Не ради красного словца мы обычно говорим о духовном росте человека, не задумываясь о тайных механизмах этого роста. Понятие «расход души» скорее всего имеет отношение к духовной деградации, когда душа расходует часть своей энергии, не находит замещения и качественно меняется не в лучшую сторону. Преображение души происходит в такие мгновения, когда приоткрывается завеса тайны на неведомые истины и, происходит как бы «случайное» «узнавание» неожиданно вскрывшихся обстоятельств. В некотором приближении Шекспир даёт объяснение принципу воздействия катарсиса, например, в трагедии «Гамлет» устами королевы Гертруды:

Гамлет, перестань!
Ты повернул глаза зрачками в душу,
А там повсюду пятна черноты
И их ничем не смыть!
(Акт 3, сцена 4. Перевод Б. Пастернака)

«Повернуть глаза зрачками в душу» – казалось бы эффектная метафора, на первый взгляд не имеющая ничего общего с реальностью. Отнюдь нет, только реальный, жизненный опыт позволяет заглянуть в метафизические глубины, балансируя на грани реального и ирреального. Сила драматического искусства заключается в способности воздействовать на подсознание во многом благодаря своей синтетической природе. Чтобы исчерпывающе раскрыть содержание, не всегда достаточно отдельно взятой словесности, живописной картины или божественного звучания музыки. Для полноты восприятия нужен язык, выражающий всю совокупность художественных средств, чем безусловно, обладает театральный язык. Кроме того, язык театра обладает способностью приблизить настоящее к прошлому, оживить в действии недоступную «реальность», в том числе культовые представления далёких времён. Очевидцем подобных представлений некогда был уроженец города Элевсин и отец древнегреческой трагедии Эсхил, воочию наблюдавший закрытые для непосвящённых древние таинства элевсинских мистерий. «Посвящение в элевсинские таинства происходило ночью. Посвящаемого переводили из одного помещения в другое. То он попадал в кромешную тьму, то на яркий свет. Он видел то статуи благоприятствующих ему богов в роскошных одеждах, то фигуры грозных чудовищ, вышедших из преисподней. Все это сопровождалось звуковым оформлением, и посвящаемый слышал то леденящие сердце звуки, то звуки мелодичные, вселявшие чувство радости и спокойствия. Наконец, чередование контрастов прекращалось, и посвящаемый попадал и освещённое ярким светом факелов помещение, где его сажали на некое седалище, вокруг которого служители элевсинского храма совершали особую культовую пляску. Все пережитое посвящённым ночью в храме символизировало загробные мучения грешников и вечную радость людей добродетельных и удостоенных посвящения в таинства богини <...> На некоторых из посвящаемых эти эффекты производили такое сильное впечатление, что они лишались чувств» [6, с. 55]. Невозможно отрицать тот факт, что элевсинские мистерии в значительной степени повлияли на Эсхила как драматурга.

Жанр трагедии определял категорию трагического и вместе с тем закладывал традицию в европейском сознании, в известной степени созвучной с высказыванием философа Протагора – «Человек есть мера всех вещей». Хотя Протагор ставит в нём под сомнение объективный взгляд на окружающую действительность и формулирует основы антропоцентризма, но это не означает, что до Протагора его не существовало. Антропоморфные обитатели Олимпа являлись определённой мерой, но с существенной оговоркой – они были бессмертными, в то время как человек смертен и в его конечности сказывается трагизм существования. Не случайно в верованиях древних греков царство мёртвых представлялось мрачным местом и мучительным для пребывания души человека после его физической смерти. В поэме Гомера «Одиссея» душа героя Троянской войны Ахиллеса говорит спустившемуся в царство Аида Одиссею о том, что «лучше быть последним батраком на земле, чем быть царём в царстве душ умерших».

Почему же у древних греков возникло подобное трагическое мировосприятие? Ведь когда-то, на раннем этапе развития они ощущали себя в единстве с природой, не противопоставляя себя ей, как меру всех вещей. «Представление о части и целом возникло в Древней Греции в связи с рационализацией сознания, когда появилось понятие о цели, целесообразности. Если есть «начало», должна быть и конечная цель» [4, с. 74]. В один прекрасный момент греческие философы сделали акцент на борьбе противоположностей, в результате которой одна из них должна была приводить к гибели другую, тем самым способствуя поступательному движению к цели.

Ничего подобного мы не встретим на Востоке, где противоположности действуют друг в друге (инь – тёмное, исполнительное начало и янь – светлое, творческое) представляя собой вечный источник движения. «В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небытии» – говорит Лао Цзы. Жизненный круг в восприятии восточного человека не внушает ему пессимизм, смерть для него всего лишь угасание человеческой жизни, за которой следует новое рождение. «Небытие, согласно восточным учениям, не нечто потустороннее, не тайна, внушающая ужас, знак неизбежной смерти, исчезновения, а нечто противоположное: Небытие – не раскрывшееся, не ставшее ещё бытие, как бы «Со-бытие», а не «послебытие» [4, с. 42]. Именно поэтому в восточном театре не существует жанра трагедии, он просто не мог там возникнуть. Человек в восточной драме не ставит в центр человеческую личность, он рассматривает её как часть всеобъемлющей природы, не выделяя и не противопоставляя природе, подобно европейцам [15, с. 14]. Таким образом, мы обнаруживаем у древних греков и, следовательно, в европейском сознании – конечность, а в восточном сознании цикличность бытия. Показателен пример, приведённый Т. Григорьевой о конференции ЮНЕСКО в 1968 году, на которой «японские музыковеды <...> выражали сомнение в возможности западно-восточного синтеза в музыке именно потому, что японская традиция издавна рассматривает человека как часть природы, западная же противопоставляет человека природе как демиурга, способного подчинить природу своей воле» [4, с. 81].

Восточное мышление стремится к идеалу через гармоничное слияние с природой, не отделяя себя от неё, в движении от эмпирического бытия (сансара) к успокоенному бытию (нирвана) и как результат – однобытие с миром. Любые противоположности рассматриваются в данном случае как внутреннее свойство самих вещей. В древнегреческом или западном типе мышления противоположности расходятся и сталкиваются, высекая источник движения.

Мышление древних греков имело сходные черты с восточным. Например, Платон говорит о цикличности бытия: «Бог, согласно древнему сказанию, держит начало, конец и середину всего сущего. Прямым путём приводит он всё в исполнение, вечно вращаясь при этом, согласно природе» [10, с. 168]. «Начало, середина и конец» звучит как рефрен. Высшая сущность отмеривает цепь бытия для всего сущего в виде начала – середины – конца, которую диалектически осмысливает человек. Круг жизни смертного противопоставляется вечному существованию бессмертных богов. «Прямой путь» воспринимается как данность с его конечностью (начало – середина – конец), цикличностью и изменчивостью – «всё течёт и движется, и ничего пребывает» (Гераклит). «Круг – олицетворение полноты, совершенства. Земная жизнь противоположна божественной. Значит, жизнь несовершенного человечества и предназначена до поры до времени развиваться по прямой, несмотря на идею цикличности» [4, с. 66]. Иной взгляд, отличающийся от восточного, объясняет побудительные мотивы того пути, по которому пошла античная и европейская цивилизации, в том числе в сфере искусства.

Древние греки высоко ценили театр как всеобъемлющее искусство, сочетающее в себе мифологию, эпос, лирику, архитектуру, живопись, музыку, исполнительское искусство актёра. Однако главное заключалось не столько в сочетании видов художественного творчества, сколько в генезисе жанра трагедии, имевшим прямую связь с культовой обрядностью. Не волей случая жанр трагедии становится для Аристотеля предметом исследования в его «Поэтике». Аристотель планировал также коснуться жанра комедии, но посвящённый ей раздел, к сожалению, не сохранился. Мы только знаем, что комедия по его мнению «воспроизведение худших людей, однако не в смысле полной порочности, но поскольку смешное есть часть безобразного» [1, с. 53]. Трагедия и комедия, повествующие о «лучшем» и «худшем», апеллировали к двум борющимся началам – добру и злу, тотально управляющих бытием. «Лучшее» навевало ужас или грусть, а «худшее» смеялось. Хорхе Бургосский, герой романа «Имя розы» Умберто Эко, скрывает уцелевший экземпляр «Поэтики» Аристотеля именно потому, что человек – «единственный среди всех животных одарён способностью смеяться», а смех противоречит законам природы, он якобы заставляет лучшее уподобляться худшему. И Хорхе предъясняет веский аргумент: «Иоанном Златоустом сказано, что Христос никогда не смеялся!»

Европейский театр во многом является отражением человека европейского сознания, вынужденного быть заложником игры под названием «жизнь», которая заставляет его подражать, уподобляться, обставать «декорациями» свою среду обитания. Не ради позы Н. Евреинов однажды написал: «Между ламбрекеном балана и погребального катафалка разница только в цвете» [5, с. 92]. Смешное – грустное, доброе – злое, извечное противопоставление и предвкушение конечности. Для европейца понятие «красоты» часто зависит от целесообразности и рациональных доводов. Метерлинк, говоря о периодах в истории человечества, находит такие моменты, когда духовность достигала наивысшего расцвета в древнем Египте или Индии. Он сравнивает их с периодами античной Греции, Рима и Франции XVII–XVIII веков. В первом случае духовность превалирует над тяжёлым бременем материи, во втором главенствует красота, а духовность находится под спудом. «Не знаешь почему, – пишет Метерлинк, – но чего-то там нет. Тайнственные сношения отрезаны, и красота закрывает глаза». Как символист и убеждённый сторонник «теории молчания», он не доверяет словам и даже не находит их для объяснения тому, что в древнегреческих трагедиях нет «атмосферы души», в них есть тайна, но не столь глубокая, какую можно встретить в «произведениях менее великих и прекрасных» [7, с. 20].

На Востоке «красота» символ высшей гармонии и человек в ней заинтересован не рационально, а поэтически. В этом смысле очень точно сказал Ортега-и-Гасет: «Поэт начинается там, где кончается человек» [8, с. 247]. Вероятно, Метерлинк, как представитель европейской культуры, не был готов преодолеть антропоцентризм и блуждал в поисках духовной красоты с данной позиции. С другой стороны, он видел способ воплощения своих знаменитых маленьких символистских драм с помощью кукольного театра, отдавая предпочтение марионетке и отказывая в этом живому актёру, ибо человек по его мнению не способен воплотить то, что крайне интересовало Метерлинка, например, состояние смерти, а не смерть как материальный факт. Чтобы постигнуть высшую красоту или глубинный смысл сил, воздействующих на человека, он должен преодолеть своё *cogito*, только тогда душа способна преобладать над телом, соприкасаясь со скрытым и таинственным, что не всегда бывает доступно adeptам картезианского мышления.

«Смерть руководит нашей жизнью и жизнь не имеет другой цели, кроме смерти» – пишет М. Метерлинк [7, с. 28]. Человеческая жизнь (*Dasein*) изначально вручена смерти – подтверждает мысль Метерлинка М.Хайдеггер. «Едва человек приходит в жизнь, он сразу же достаточно стар, чтобы умереть» [12, с. 245]. «Они рожают верхом на могиле, мгновение сверкает день, потом снова ночь» – вторит им С. Беккет («В ожидании Годо»).

«Когда уста засыпают, - пишет Метерлинк, – просыпаются души и начинают действовать, ибо молчание – стихия, полная счастья, неожиданностей и опасностей, в которых душа свободно владеет собой» [7, с. 15]. Человек избегает публичного молчания, он заполняет его словами, ибо «молчание нескольких <...> в особенности молчание толпы – бремя чрезмерное, тяжести которого страшатся самые твёрдые души» [7, с. 14]. Действительно, подобной ситуации стараются избегать. Если по-настоящему воплотить на сцене безмолвие народа из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», невозможно представить, какое воздействие оно произведёт на свидетелей этой угнетающей паузы, перерастающей в беспредметный ужас. Между тем возникают вопросы: а не потому ли человек стремится к подражанию, к «театрализованной» форме жизни, дабы исключить возможность быть тем, каким он знает себя в минуты уединения? Не является ли это вынужденным бегством от стеснительной наготы бытия? Ведь человек от природы стесняется своей наготы, о чем сказано в Священном писании. Почему европеец избегает молчания и отсутствия театрализованности в жизни? Видимо потому, что жизнь без театральных условностей равнозначна молчанию. Или потому, что рациональное мышление не позволяет ему быть тем, кто он есть? Руссо в XVIII столетии обратил внимание на некоторые особенности поведения цивилизованных европейцев: «Если бы житель каких-нибудь отдалённых стран попытался создать себе представление о европейских нравах, исходя из состояния наук в наших странах, из совершенства наших искусств, из благопристойности наших театральных представлений, из мягкости наших манер <...> то у этого чужеземца сложилось бы о наших нравах представление как раз обратное тому, что они собой представляют в действительности» [10, с. 14].

В романе «Театр» Сомерсета Моэма актриса Джулия Ламберт, после откровенного разговора с сыном Роджером, обвинившим её в оторванности от реальной жизни, приходит к парадоксальному выводу относительно жизни и театра. Она вдруг понимает, что люди – «сырьё» для актёра, их глупые и мелкие чувства он преобразует в красоту, а жизнь есть иллюзия и реальны только актёры. «Говорят: игра – притворство. – рассуждает она. – Это притворство и есть единственная реальность». Если верить Джулии Ламберт и Сомерсету Моэму, в притворстве (подражании) воплощается подлинная реальность, в которой нет места тем, кому подражает актёр, привносящий смысл в их существование. Следовательно, игра и театральность являются основными признаками реального существования.

У Луиджи Пираделло в пьесе «Шесть персонажей в поисках автора» наоборот, актёры выглядят беспомощными по сравнению с художественно не реализованными персонажами. Они не столь прозаичны даже на фоне своей ординарной истории, по сравнению с актёрами, которые пытаются сценически соответствовать персонажам на репетиции, но только вызывают у них скептические улыбки. Актёры не способны понять проблем персонажей, так как им не присуще быть самим собой, а персонажи не в состоянии реализовать себя без помощи автора и театральной сцены. Подлинная реальность – смерть, срывающая репетицию. Реально тонет в бассейне Девочка, кончает самоубийством Мальчик и вместо шести персонажей на сцене остаются четверо. «Видимость! Реальность! Игра! Смерть! Идите все к черту!» – кричит ошеломлённый директор театра.

Оказывается, человек далеко не всегда в состоянии понять то, что находится за пределами театрализованной «реальности». И только смерть, эта единственная и пугающая реальность, заставляет его наполнять свою жизнь звуками и театральными эффектами, чтобы гарантировать себе бегство от безмолвного небытия, которое мужественно принимает Гамлет, произнося последнее слова: «Дальше – тишина». И здесь становится понятным, почему тема смерти так привлекала раннего Метерлинка, старавшегося увидеть таинственную границу, пролегающую между подлинностью и притворством.

Театр наполняет нашу жизнь и «с самого появления человека драматическое искусство всегда служило защитной реакцией». Играть – значит преодолевать состояние тревоги. Коротко говоря, театр – это целительная прививка от болезни ужаса» [2, с. 34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель. - М., 1957.
2. Барро Ж.-Л. Размышления о театре. Ж.-Л. Барро. – М., 1963.
3. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 1997.
4. Григорьева, Т. П. Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева. – М., 1979.
5. Евреинов, Н. Н. Демон театральности / Н. Н. Евреинов. – М., СПб. : Летний сад, 2002.
6. Каллистов, Д. П. Античный театр / Д. П. Каллистов. – Л., 1970.

7. Метерлинк, М. Сокровище смиренных. Погребённый храм. Жизнь пчёл / М. Метерлинк. – Самара : Агни, 2000.
8. Ортега-и-Гасет Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гасет // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991.
9. Платон. ПСС. В 4-х тт / Платон. – М. : Мысль, 1990. – Т.4.
10. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Наука, 1969.
11. Соболевский, С. И. Аристофан и его время / С. И. Соболевский. – М., 1957.
12. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. - М., 1997.
13. Хейзинга, Й. Homo ludens / Й. Хейзинга. – М., 1992.
14. Шахматова, Е. В. Искания европейской режиссуры и традиции Востока / Е. В. Шахматова. – М., 1997.

Материал поступил в редакцию 24.09.14.

«TOTAL THEATER» AND EUROPEAN THINKING

R.A. Mukhaev, Candidate of Arts, Associate Professor
Specialized Russian State Academy of Fine Arts (Moscow), Russia

***Abstract.** This paper addresses to the phenomenon of interaction between life and theater in the context of aesthetic and philosophical problems associated with the concept of “total theater” – begotten by European type of thinking and, as a consequence, the theatricality of life dictated by the reality itself. The analysis of presented topic is given in a contrasting opposition of East and West, and is focused on the European cultural tradition.*

***Keywords:** theater, tragedy, imitation, game, antiquity, west, east.*

УДК 7.045+78.021.2+128

МЕАНДР И ВСЕЛЕННАЯ

С.И. Политов¹, Я.С. Политов², М.Ю. Айбазова³¹ кандидат технических наук, профессор кафедры «Строительство»,² актёр театра и кино, член гильдии актёров России³ доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики¹ Филиал Северо-Кавказского Федерального университета в г. Пятигорске³ Северо-Кавказская Государственная Гуманитарно-Технологическая академия (Черкесск), Россия

Аннотация. В статье рассматривается суть одного из сложных видов меандра, который в Греции называют линией жизни. Рассматриваемый меандр состоит из 12 отдельных отрезков, количество которых соответствует количеству месяцев в году. Меандр укладывается в золотое сечение и его рисунок может быть переложен на музыку, мелодия которой гармонирует с Вселенской симфонией.

Ключевые слова: меандр, «линия жизни», Вселенная, музыка, Фибоначчи, Аристотель, орнамент.

Меандр (греч. Μαίανδρος) [8] – известный в Греции с древнейших времён орнамент, рисунок, разнообразие которых превышает тысячу видов!



Рис. 1. Отдельные виды рисунков в виде различных меандров

Орнамент использовали и применяют по настоящее время в строительстве (фриз каменного пола, настенный или потолочный рисунки, покрытие дороги на Крите), посуде, мебели, одежде и многих других дизайнерских решениях. Считают, что этот орнамент получил своё название от извилистой реки Меандр в Эфесе (ныне – Большой Мендерес в Малой Азии) и как писал Сенека [7], это «предмет упражнений и игры для всех поэтов, вьётся частыми излучинами, близко подступает к собственному руслу и опять поворачивает, не успевши влиться в себя самоё». В Греции меандр ещё называют «линия жизни» и в их представлении она символизирует вечность, которая достигается воспроизводством стареющего существа, которое сменяется молодым, то есть, становится бессмертным. Естественно, что жизнь представляет собой пространство – временной вид определённой формы, проекция которой на плоскость принимает форму меандра. Старая сущность линии жизни сворачивается, а, новая как бы раскручивается, реализует свой внутренний потенциал и так далее. Г-образные формы участков с прямым углом, из которых состоит меандр, раскрывают добродетельную суть знака, который несёт в себе магический смысл, отражает течение жизни человека.

Из сотен разновидностей меандра, остановимся на наиболее сложном виде (рис.2, а) и рассмотрим отдельно его типовой фрагмент (Рис.2, б), который может входить в цепочку прямолинейного или кругового рисунка.

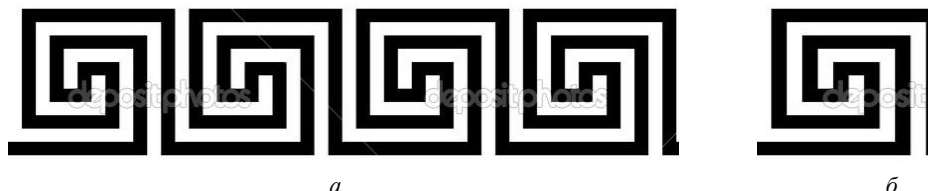


Рис. 2. Прямолинейная цепочка меандра (а) и отдельный, типовой его фрагмент (б)

Как видно на рис.2, б – типовой фрагмент меандра, состоит из 12 (!) отрезков различной длины, расположенных вертикально или горизонтально и меняющих направление под прямым углом при движении вперёд, вверх, вниз, назад. В тоже время, общеизвестно, что число 12 является магическим и выражает собой количество месяцев в году, является числом Истины, выражает количество подвигов Геракла, включает в себя два числа: число 1 – число силы, энергии, воли, которое приказывает и не терпит возражений и число 2 – это цель и средства.

Цифра 2 – самая слабая в плане внутренней энергии из всех цифр духовной нумерологии. Поэтому, как никакая другая цифра нуждается в силе единицы. Таким образом, число 12 в духовной нумерологии – является числом порога между жизнью и смертью, точнее, между переходом Сознания с одного уровня Бытия на другой.

У разных этносов число 12 несло сакральный смысл:

*В Древней Греции:

– 12 подвигов Геракла;

– 12 титанов;

– 12 Великих Богов Античной мифологии (Зевс, Гера, Посейдон, Деметра, Аполлон, Артемида, Арес, Афродита, Гермес, Афина, Гефест, Гестия (Дионис, Бахус).

*В Иудее и на Древнем Востоке число 12 соответствовало изобилию, законченности и целостности сущего:

– 12 колен израильских;

– 12 патриархов;

– 12 часов дня;

– 12 ангелов в Библии;

– Христианское Древо Жизни насчитывает 12 плодов. Помимо выше перечисленного, древние народы искусственно подстраивали к этому космическому числу собственную историю:

– 12 королевских предков;

– 12 жён короля;

– 12 малагасийских властителей.

*В Персии считали, что добро происходит из упорядоченного движения двенадцати знаков Зодиака. Двенадцать императоров (соответствующие знакам Зодиака) правили в Перу.

*Во Франции – 12 пэрв;

*12 рыцарей Святого Грааля.

*В Китае:

– 12 членов в совете Далай-Ламы;

– 12 императорских знаков отличия;

– 12 должностных постов;

– 12 внутренних органов у человека;

– 12 музыкальных тонов.

Числу 12 соответствует количество башен на крепостной стене в центральной части столицы Кипра – Никозии. Количество ветвей метрополитена в Москве – тоже соответствует числу 12, ибо Сталин знал о сакральном смысле чисел.

Число 12 символизирует полноту психического круга энергий и выход на новый уровень, который испытывает человека огнём. Через внутренний огонь человек способен овладеть огнём высшим. Именно число 12 символизирует проявление огня через отражение своего накопленного опыта.

Всегда идёт внутренняя работа и жизнь преподносит свои испытания, которые являются отражением наших неправильных действий в прошлом.

На основании вышеизложенного, рассмотрение фрагмента «типичного» меандра от «зародыша» и далее будет характеризовать подъём, рост существа, затем, его становление, укрепление, падение, отступление назад (ошибки) и опять подъём (после преодоления ошибок) и т.д.

Причём, если толщину линии и минимальный разрыв между ними (идентично рисункам Античного периода) примем за единицу, то, остальные линии чётко разбиваются на определённые целые числа – 2,3,4 и самое максимальное – 5. По предложению авторов настоящей статьи, музыкант – пианист из Афин (Греция) – Панайотис Граварис незначительно изменил форму (не соотношение!) составляющих меандра и написал на него мелодию(!), которая по звучанию гармонирует с Вселенской симфонией (как музыка числа «ПИ» или звучание Эоловой арфы в Пятигорске)!

Далее, если ортогонально ломаную линию меандра обогнуть кривой линией, то получим нижеприведенную форму (Рис. 3) орнамента, которая тоже имела место (и по настоящее время используется во всём мире) в Древнегреческих рисунках. В отличие от меандра с ортогональными соединениями отдельных участков, на данном рисунке переход осуществляется плавно по кривой линии.

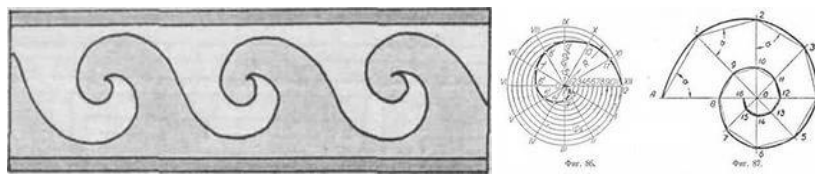


Рис. 3. Древнегреческие рисунки, подобные меандру: а – фрагмент криволинейного Древнегреческого рисунка; б – спираль Архимеда

На левом рисунке можно чётко рассмотреть отдельные фрагменты, которые представляют собой «типовой» фрагмент меандра, но... с плавным переходом кривой линии по всей длине участка из одной формы в следующую и так далее, что в большей степени отражает линию жизни человека. В тоже время, видно, что криволинейный меандр состоит из типовых участков, представленных в виде спирали Архимеда (Рис.3б), которая имеет тесную связь с последовательностью Фибоначчи и строго вписывается в каноны золотого сечения [4]. Подобную связь можно наблюдать у многих явлений и элементов Природы, которая проявляется в трёх основных формах:

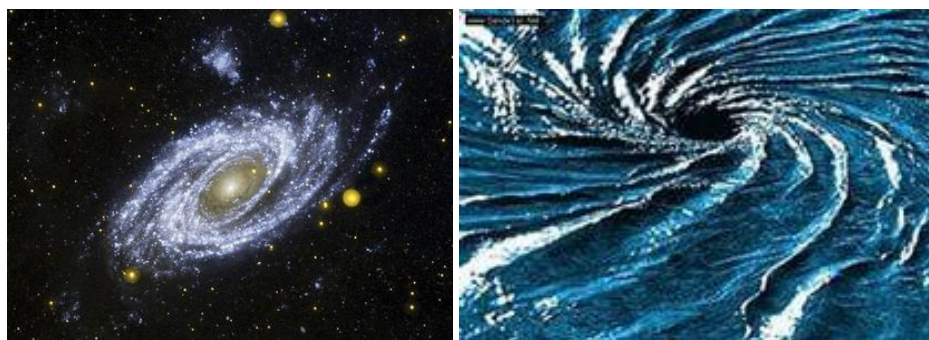
- застывшей (раковины, улитки – Рис. 4.а; стволы деревьев – Рис.4, б);
- расширяющейся (изображение спиральных Галактик – Рис.5, а) или
- сжимающейся (наподобие водоворота – Рис. 5, б).



а

б

Рис. 4. Застывшие спиралеобразные формы элементов Природы: а – панцирь улитки; б – стволы дерева



а

б

Рис. 5. Расширяющаяся и сжимающаяся формы элементов Природы: а – спиральная Галактика; б – водоворот

Спиральные формы представлены от периода эволюции (молекулы ДНК) до законов диалектики, клеток живых организмов. В Природе спиральные формы представлены в виде туманностей [1, 3, 6], циклонов, торнадо, смерчей, устройства растений, плетения паутины и т.д.

При рассмотрении любой системы, на основании рассмотрения входных составляющих, учёными был построен годограф, представляющий собой форму спирали, выход которой за определённые параметры, определяемые критерием устойчивости Найквиста, приводит к нарушению равновесия системы в целом [5].

Как отмечает проф. Г. В. Васильков [1]: «Возникшая во второй половине XX столетия междисциплинарная наука «синергетика» ставит перед собой цель осмысления процессов развития природы как целостной системы, выявления общности закономерностей развития всех уровней материальной и духовной организации, совместного взаимодействия отдельных частей какой-либо неупорядоченной системы, выделения общего в процессах развития сложных физических, химических, биологических, политических, экономических и прочих социальных систем... Синергетика, как и все без исключения науки, использует в своём языке такие понятия, как энергия, движение, взаимодействие, усиление, развитие, уровни развития, иерархия, система, элемент, структура, информация, нелинейность, неравновесность и др., которые являются общесистемными и отражают пространственно – энергетическое единство мира», о чём писал в своё время Аристотель – великий философ Античности.

Как свидетельствуют приведенные примеры, в Природе все процессы от зарождения, до свёртывания и последующего преобразования (сингармонии) гармоничны и представляют собой спиралеобразную форму, меандр, древо жизни человека, отступление от которого чревато разрушением Системы Миропорядка во Вселенной.

В продолжение развития этой мысли, с теологической точки зрения можно было бы сказать, что мерой всех вещей и наших действий является СоВесть (Весть свыше (то есть, от Бога?), так называемый «внутренний голос»),

при прислушивании к которому количество ошибок, совершаемых человечеством, резко уменьшится. В этом случае человек бы жил в духовном единстве и равновесии с Природой, по идеализированному меандру, а, не по обезображенному историческому (слово «и+сто+рия» в переводе с греческого языка на русский означает «в течение») руслу.

На основании выше изложенного можно сделать следующие **выводы**:

1. Меандр является проекцией на горизонтальную поверхность пространственной картины гармоничной линии жизни человека.
2. Соотношение составляющих меандра построено на принципах золотой пропорции.
3. Зарождение любых процессов во Вселенной имеет спиралеобразную форму, пространственный и геометрический виды которой согласуются с золотым соотношением.
4. Меандр (по крайней мере – рассматриваемый) – есть спираль Архимеда, представленная в виде ломаной (под ортогональными углами) линии.
5. Рисунок меандра, при условии использования некоторых музыкальных «хитростей», может быть переложен на музыку, звучание которой гармонирует с Вселенской симфонией (как и музыка числа «ПИ»).
6. Меандр представляет собой пространственно – временную гармонию жизни человека и ... Вселенной, а, история – трактует свершившееся, застывшее течение человеческой жизни или какого-либо процесса.
7. Отдельные виды растений и живых организмов, а, также, климатические процессы имеют генетическую связь с магнитными полями Земли, что находит отражение в их объёмном строении (улитки, циклоны, торнадо, деревья с кручеными стволами и т.п.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов, К. А. Проклятая планета 777. Ст. Ессентукская / К. А. Антонов. – Элиста, АПП «Джангар», 1999, 384 с.
2. Васильков, Г. В. Теория адаптивной эволюции механических систем / Г. В. Васильков. – Ростов-на Дону, Терра – Принт, 2007, 246 с.
3. Дюдкин, Д. А. Солнечно-земные связи и природные катастрофы (раскрытые тайны природы). Научно-популярное издание / Д. А. Дюдкин. – М. : 2009, 395 с.
4. Кимберли, Э. Геометрия дизайна. Пропорции и композиция / Э. Кимберли. – Питер. – Москва. – Санкт – Петербург – Нижний Новгород – Воронеж – Ростов-на-Дону – Екатеринбург – Самара – Новосибирск – Киев – Харьков – Минск. 2013, 108 с.
5. Малков, А. В., Першин, И. М. Системы с распределёнными параметрами. Анализ и синтез / А. В. Малков, И. М. Першин – М. : Научный мир, 2012, 472 с.
6. Рейд, Л. Магия Луны. Как Луна управляет нами / Л. Рейд. – М. : 2006, 126 с.
7. Сенека. Нравственные письма к Луцию / Сенека. - С1У: 15. – М. : 2013, 352с.
8. Хориков, И. П., Малеев, М. Г. (Под редакцией П. Персидиса и Т. Пападопулоса). Новогреческо – русский словарь / И. П. Хориков, М. Г. Малеев. – М. : «Русский язык», 1980, 853 с.

Материал поступил в редакцию 07.09.14.

MEANDER AND THE UNIVERSE

S.I. Politov¹, Ya.S. Politov², M.Yu. Aybazova³

¹ Candidate of Technical Sciences, Professor of “Construction” Department

² Theater and Cinema Actor, Member Russian Actors Guild

³ Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Psychology and Pedagogy Department

¹ Branch of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk

³ North-Caucasian State Humanities and Technology Academy (Vladikavkaz), Russia

Abstract. *The article deals with the essence of one of the most difficult types of meander, which is called lifeline in Greek. The treated meander consists of 12 separate segments, the number of which correspond to the number of months in the year. Meander fit into the golden ratio and its drawing can be passed on to the music, the melody of which is in harmony with the Universal Symphony.*

Keywords: *meander, “lifeline”, the universe, music, Fibonacci, Aristotle, ornament.*

Psychological sciences
Психологические науки

УДК 37.033

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РАБОЧЕМ КОЛЛЕКТИВЕ

И.А. Бакушкина, заведующая лабораториями
Кузбасский государственный технический университет (Кемерово), Россия

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы формирования экологического сознания в рабочем коллективе и влияние экологического сознания лидера на сознание всего коллектива.

Ключевые слова: экологическое сознание, коллективное экологическое сознание, ноосфера, лидер.

Все виды деятельности человека имеют экологические аспекты. Ни физика, ни химия, ни биология не имеют своего аспекта в правовом, политическом, экономическом, нравственном, эстетическом, религиозном сознании. Экологический же аспект присущ всем перечисленным формам, что в настоящее время способствует становлению экологического сознания как самостоятельной формы общественного сознания. На современных этапах развития биосферы человеческая деятельность становилась все более главенствующим фактором. По мере роста производительных сил темпы социально-экономического развития человечества все более опережают темпы природного эволюционного развития, а масштабы воздействия человека на природу стали превосходить все известные геологические процессы. Единственный выход из этого положения, как считал В. И. Вернадский, – создание ноосферы. Ноосфера – это новый этап в истории биосферы, когда определяющая роль ее развития перейдет от стихийного течения природных процессов и антропогенного воздействия на природу к гармоничному развитию природы и общества.

«Геологически мы переживаем сейчас выделение в биосфере царства разума, меняющего коренным образом и ее облик, и ее строение – ноосферы», – писал В. И. Вернадский [1]. Конечно, само по себе появление разума в голове человека еще не означает разумность и общественную полезную значимость его действий. По меткому выражению К. Маркса, «разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме». По утверждению В. И. Вернадского, в сфере разума – ноосфере – должна господствовать гуманистическая мысль, то есть в самой простой форме принципы биосферной этики таковы: уважение ко всему живому (и в частности, к человеку), уважение к природе, т. е. биосфере и ее окружению, и уважение к космосу.

В общественном сознании происходит своеобразное «движение вспять», возвращение к истокам. Осмысливая пройденный путь мнимого удаления от природы, человек приходит к пониманию возвращения к природе, к признанию ее и человеческой жизни как высших ценностей. Российские ученые В. И. Данилов-Данильян и К. С. Лосев утверждают, что человеку нужно думать не об управлении эволюцией, а об управлении самим собой, что означает, прежде всего, следование законам Природы.

Экологические ценности и идеалы являются общими для всех людей независимо от расовой, социальной и гражданской принадлежности. Существование любых социальных преобразований возможно только при наличии конкретных людей, наполняющих их своими чувствами, делами, мыслями. Для того, чтобы оставаться людьми, то есть мыслить, творить, чувствовать им необходимо земля, вода, воздух, им необходимо красота и многообразие природы. То есть на смену техногенной цивилизации приходит цивилизация экологическая, при этом сознание бытовое, материальное переходит в сознание экологическое.

У каждого человека, оценивающего или решающего конкретную задачу, возникает свой ответ на вопросы: «почему» и «к чему это приведет?» [2]. Любая небольшая группа людей семейная или производственная является элементом в общественном окружении. Она не может замкнуться только на своих внутренних проблемах. Поэтому в любом коллективе присутствует тематика, связанная с общественной жизнью в целом.

В рабочем коллективе в процессе общения, обмена идеями и мнениями происходит сравнение и возникает объединение взглядов, одинаковых для данного коллектива, то есть возникает коллективное сознание в виде сознания большинства. Именно общность взглядов отличает коллективное сознание от общественного. Общественное сознание – совокупность психологических свойств, присущих обществу, рассматриваемому как самостоятельная целостность, система, не сводимая к сумме составляющих его индивидов. Историческая реальность, отражаясь в умах людей, порождает общественные настроения, идеологии, социальные психологии, национальные характеры. Общественное сознание служит основой культурной деятельности и оказывает влияние на индивидуальную психологию каждого человека. На начальной стадии развития коллективного экологического созна-

ния оно характеризуется большой конкретикой, привязанностью к узким профессиональным интересам, чем выше развитие, тем большее значение приобретают абстрагированные элементы экологического сознания.

Это коллективное экологическое сознание формируется на основе мыслей немногих людей, выступающих в качестве лидеров. Лидеры живут интересами коллектива, некоей всеобщей идеей, в своей работе они руководствуются обстоятельствами. Лидеры обладают непререкаемым авторитетом у окружающих, который основывается на опыте, порядочности и справедливости. Большую роль в выборе лидера играет его мыслительный и эмоциональный фон, его интонация, умение говорить, профессионализм, доходчивость идей, его индивидуальное экологическое сознание [3].

В реальном коллективном сознании не может быть полного единства по всем критериям, поскольку каждый человек сохраняет свою индивидуальность, что обеспечивает свободу научных дискуссий и дает толчок для развития и совершенствования экологического сознания.

Конструктивное экологическое сознание допускает возможность компромиссных неоптимальных решений. Компромиссные решения могут быть вызваны требованиями людей, экономическими причинами и необходимостью подчиняться нормам морали и нравственности, законодательными предписаниями, а также теми ограничениями, которые экологическое индивидуальное сознание накладывает само на себя. Так при экологических катастрофах индивидуальное экологическое сознание заставляет себя подчиниться правилу спасения в первую очередь детей и женщин, а в обычных условиях – не рвать на клумбе декоративные цветы.

Таким образом, для коллективного экологического сознания важно наличие двух элементов. С одной стороны, в сознание людей должна быть подготовлена почва, благоприятная для усвоения тех или иных идей и действий. Люди будут идти только в том направлении и в направлении того видения, которое им интересно. С другой стороны, необходима личность, находящаяся в потоке экологического сознания, которая бы подготовила теоретическую базу, основные идеи в форме, приемлемой для обыденного коллективного сознания. Людям должно быть комфортно с человеком, к которому они присоединяются. Люди работают в коллективе. Члены коллектива должны одобрять ценности лидера. Им нужно верить, что ценности лидера соответствуют ценностям организации и их собственным.

Лидером становится тот, кто, восприняв разработанные теории, сумел донести их в виде, понятном для коллектива, готового к работе преобразования, и получил поддержку этого коллектива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский, В. И. Живое вещество / В. И. Вернадский. – М. : Наука. – 1978 г.
2. Киселев, Н. Н. Мировоззрение и экология / Н. Н. Киселев. – Киев : Наука, думка. – 1990. – С. 9.
3. Кочергин, А. Н. Экологическое знание и сознание / А. Н. Кочергин, Ю. Г. Марков, Н. Г. Васильев. – Изд-во : Новосибирск. : Наука, 1987 г.

Материал поступил в редакцию 25.09.14.

FORMATION OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS AT WORKING TEAM

I.A. Bakushkina, Head of the Laboratory
Kuzbass State Technical University (Kemerovo), Russia

Abstract. *This paper deals with the formation of ecological consciousness in working team and the impact of ecological consciousness of the leader on the consciousness of the team.*

Keywords: *ecological consciousness, the collective ecological consciousness, noosphere, leader.*

УДК 316.6

СЕМАНТИКА ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ ЛИЧНОСТИ МАНИПУЛЯТОРА И ЕГО ЖЕРТВЫ

Д.А. Басов, магистр, ассистент кафедры психологии образования и развития личности
Восточно-Сибирская государственная академия образования (Иркутск), Россия

Аннотация. Представлены результаты исследования семантики восприятия студентами ситуации манипуляции. Показаны семантические особенности самооценки студентов в контексте ситуации манипулирования. Выявлена зависимость оценки манипулятора и манипулируемого от их национальной принадлежности.

Ключевые слова: манипуляция, социальное влияние, психологическое влияние, психологическое воздействие, манипулятор, манипулируемый, семантический дифференциал, семантическая оценка.

Одним из важнейших вопросов, который интересует специалистов, занимающихся психологией влияния, является вопрос об особенностях личности манипулятора и манипулируемого. Значительный интерес представляет также исследование механизмов идентификации человеком себя с одним из участников манипулятивного процесса – с объектом манипуляции (жертвой) или манипулятором. Можно предположить, что исследование вектора неосознаваемой идентификации является основой для предсказания вероятного типа поведения человека в ситуации манипулирования.

На сегодняшний день еще слабо изучены особенности сознания манипулируемого и манипулятора, а также обусловленность готовности к манипуляционному или манипулируемому поведению, а значит, данная проблема является актуальной, в том числе, и для моделирования методов формирования устойчивости к манипуляционному воздействию. Проблема манипулирования индивидуальным и общественным сознанием сейчас еще интенсивней набирает обороты. Мы видим, как активно используют манипуляционные технологии в условиях нарастания политической напряженности.

Чаще под манипуляцией понимают побуждение, скрытое от адресата влияния, к изменению его отношения к чему-либо, принятию решения, выполнению действия, которые необходимы манипулятору для достижения его целей. [2, с. 114]

В зарубежной психологии существуют диаметрально противоположные точки зрения на данную проблему. Одни исследователи считают манипуляции необходимыми и полезными, аргументируя тем, что они заменяют грубые методы достижения цели, а другие рассматривают манипуляцию как форму принуждения и насилия, которая лишает человека свободного выбора, нарушает право человека на свободное самовыражение и волеизъявление. Манипулятор в первом случае видится как искушенный в различных приемах субъект общения, во втором – как личность несовершеннолетняя, неуверенная в себе и других.

Большинство отечественных ученых занимают промежуточную позицию, манипуляции ими признаются необходимыми, иногда приносящими пользу. [9] В целом же манипуляция рассматривается как вид психологического воздействия, превращающего партнера по общению в объект, вещь, средство достижения собственной выгоды.

Термин «манипуляция» трактуется А. Б. Мещеряковым как коммуникативное воздействие, которое ведет к актуализации у объекта воздействия определенных мотивационных состояний (а вместе с тем и чувств, установок, стереотипов), побуждающих его к поведению, желательному (выгодному) для субъекта воздействия; при этом не предполагается, что оно обязательно должно быть невыгодным для объекта воздействия. [1]

Конечно, манипуляция имеет положительный характер, когда она несет для адресата влияния нечто позитивное, например, заменяет неэффективное поведение эффективным. Так, родители, педагоги и психологи часто применяют в своей профессиональной деятельности манипуляции. Важным является мотив использования манипуляции и то, что адресат влияния для педагога и психолога не является объектом для получения ими выгоды.

Помимо термина «манипуляция» в литературе употребляются такие понятия как «социальное влияние», «психологическое влияние», «психологическое воздействие».

А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский влияние определяют как процесс и результат изменения индивидуумом поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и т. П. в ходе взаимодействия с ним. [8, с. 53]

В. Г. Крысько определяет влияние в процессе психологического воздействия как результат деятельности субъекта воздействия, приводящий к изменению каких-либо особенностей личности объекта, его сознания, подсознания и поведения. [4, с. 42]

Г. А. Ковалев объединяет понятия «психологическое воздействие» и «влияние». Под психологическим воздействием (влиянием) он понимает «процесс, осуществляющий регуляцию (саморегуляцию) активности взаимодействующих равноурядоченных систем определенного психологического содержания, результатом которого является поддержание функционального состояния этих систем или изменения состояния хотя бы в одной из них». [3]

В. Н. Куликов делает заключение, что по своей сущности психологическое воздействие представляет

«проникновение» одной личности или группы лиц в психику другой личности (или группы лиц). Целью и результатом такого «проникновения» является изменение, перестройка индивидуальных или групповых психических явлений (взглядов, отношений, мотивов, установок, состояний и т. П.). [6, с. 160]

Е. В. Сидоренко определяет психологическое влияние как воздействие на состояние, мысли, чувства и действия другого человека с помощью исключительно психологических средств с предоставлением ему права и времени отвечать на это воздействие. [10, с. 11]

В. П. Шейнов указывая на то, что в процессе психологического воздействия участвуют две стороны, одних он называет инициаторами влияния те, которые изначально стремятся повлиять на другую сторону; последних предлагает называть адресатами влияния. [12, с. 7–8]

Свое исследование мы проводили с целью определения психологических особенностей манипулятора и манипулируемого. Нас, прежде всего, интересовало, есть ли достоверные отличия в восприятии испытуемыми героев предложенной ситуации. Дополнительно задались вопросом, а будут ли статистически достоверные данные при оценивании манипуляторов и манипулируемых при различной их национальной принадлежности.

Исследование проводилось в 13-14 гг. на базе «Иркутского регионального колледжа педагогического образования» и Восточно-Сибирской академии образования. В исследовании приняли участие 57 студентов, в возрасте от 16 до 27 лет. [7]

Использовался модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда (исходный 25-шкальный вариант был усилен дополнительными 25 шкалами для повышения дифференциальных возможностей применительно к специфике оцениваемой ситуации). С помощью данной методики мы оценивали семантику нарратива психологической опасности. [7]

В качестве стимульного материала мы заимствовали историю из книги Р. Чалдини «Психология влияния» о пожилом мужчине и обманувшем его мошеннике [11, с. 238]. Для проверки предположения о зависимости семантической оценки участников ситуации от их национальной принадлежности, испытуемым предлагались для оценки два варианта текста: оригинальный (герои истории американцы) и переработанный (русские персонажи). Приведем оба текста:

1. *«Дэниэл 81-летний бывший работник коммунальной службы так и не понял, как мошенник убедил его расстаться с 18 тысячами долларов.*

Он помнит свои мечты о богатстве. «Я просто хотел пожить на широкую ногу в последние отведенные мне дни или годы, – говорит Дэниэл. – Когда же я обнаружил чудовищный обман, я не мог какое-то время ни есть, ни спать. Я потерял более 13 килограммов. Я до сих пор не могу поверить, что мог сделать что-либо подобное».

Он помнит вкрадчивый голос позвонившего ему агента. Мошенник представился агентом компании, имеющей эффектно звучащее название и соответствующий адрес. Он предложил ознакомиться с проспектами, в которых рассказывается о деятельности компании. Звоня второй раз, мошенник рассказал про громадные прибыли, которые может принести предлагаемая им сделка, а затем сказал, что пока вклады временно не принимаются. Через некоторое время мошенник позвонил в третий раз и сообщил запыхавшимся голосом, что он «только что пришел с торгового зала, появилась возможность чрезвычайно выгодно вложить свои деньги».

Мошенник убедил Дэниэла перевести в Нью-Йорк 1756 долларов, чтобы приобрести серебро. После еще одной серии телефонных звонков агент уговорил его перевести еще 6 тысяч долларов, чтобы купить нефть. Затем мошенники выманили еще 9740 долларов, но прибыли Дэниэл так и не дождался. «Мое сердце упало, – вспоминает Дэниэл. – Я не был жадным. Я только хотел увидеть лучшие дни».

2. *«Иван – бывший работник коммунальной службы так и не понял, как мошенник убедил его расстаться с 45 тысячами рублей, которые он откладывал на похороны.*

«Я просто хотел дожить последние отведенные мне дни или годы, – говорит Иван. – Когда же я обнаружил чудовищный обман, я не мог какое-то время ни есть, ни спать. Я потерял более 10 килограммов. Я до сих пор не могу поверить, что мог сделать что-либо подобное».

Он помнит вкрадчивый голос позвонившего ему агента. Мошенник представился агентом компании, имеющей эффектно звучащее название и соответствующий адрес. Он предложил ознакомиться с проспектами, в которых рассказывается о деятельности компании. Звоня второй раз, мошенник рассказал про большие прибыли, которые может принести предлагаемая им сделка, а затем сказал, что пока вклады временно не принимаются. Через некоторое время мошенник позвонил в третий раз и сообщил запыхавшимся голосом, что появилась возможность чрезвычайно выгодно вложить свои деньги.

Мошенник убедил Ивана перевести на счет фирмы 3500 рублей, чтобы приобрести серебро. После еще одной серии телефонных звонков агент уговорил его перевести еще 17 тысяч рублей, чтобы купить акции нефтяной компании. Затем мошенник выманил еще 25000 рублей, но прибыли Иван так и не дождался».

Как видно из представленных историй они соотносятся с выделенными Е.Л. Доценко четыремя способами манипулятивного воздействия и соответствующим основным признакам манипуляции.

1. Тайный характер манипулятивного влияния обеспечивается многовекторностью воздействия: отвлечение внимания адресата, ограничения внимания на требуемом содержании, снижение критичности адресата, повышение собственного ранга в его глазах, изоляция адресата от других людей и т. Д.

2. Для оказания психологического давления используются: перехват инициативы, введение своей темы, сокращение времени для принятия решения, рекламирование себя или намек на широкие связи и возможности и т. П.

3. Проникновение в психическую сферу адресата происходит через затрагивание «струн души», т. Е. значимым для него переживаний, хобби, любопытства и пр.

4. Эксплуатация личностных качеств адресата представляет собой имитацию процесса принятия решения им самим. Первый шаг – создание (или актуализация) конкуренции мотивов. Второй шаг – изменение побудительной силы конкурирующих мотивов в пользу того мотива, который нужен манипулятору. [2, с. 116]

Итак, испытуемые с помощью 50 шкал семантического дифференциала осуществляли оценку трех объектов: манипулируемого (Дэниэла или Ивана), манипулятора (мошенника) и самих себя.

На основе полученных данных была составлена матрица смещения размером 50 x 57, а на ее основе получена корреляционная матрица, которая затем подверглась процедуре факторного анализа методом максимального правдоподобия с вращением факторов варимакс-методом. Для оценки надежности вычисления элементов корреляционной матрицы и возможности ее описания с помощью факторного анализа использовался Тест Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) – его значение составило 0.857, а соответствующий коэффициенту Бартлетта уровень значимости составил 0.00, что свидетельствует о том, что данные приемлемы для проведения факторного анализа.

В результате ФА были получены семь факторов, объясняющих после варимакс-вращения 57% суммарной дисперсии переменных. Первый фактор, исходя из значения вошедших в него шкал (решительный, быстрый, коммуникабельный, активный, проворный), назван фактором «активности». Второй фактор – «эмоциональной оценки» объединил показатели: свежий, чистый, щедрый, трудолюбивый, любимый, добрый, родной, хороший, дорогой. Третий фактор «находчивости» включает шкалы: жизнерадостный, умный, внимательный, острый, бодрый, находчивый, интересный. Четвертый, выделенный фактор, назван фактором «усердия» (шкалы: трудолюбивый, усердный); пятый – фактором «простоты» (легкий, простой). Шестой фактор «одухотворенности» объединяет шкалы «одухотворенности» и «самокритичности»; седьмой – фактор «слабости» (шкалы: унылый, слабый).

Таким образом, при семантической оценке ситуации, связанной с манипуляцией сознанием жертвы и ее обманом, как доминантные оценочные характеристики выступают: активность, эмоциональная привлекательность, находчивость, усердие, простота, одухотворенность и слабость.

Сопоставление семантики манипулируемых (Дэниэла и Ивана) и манипуляторов с помощью критерия Манна-Уитни показало значимые различия в значении показателей по фактору активности ($p = 0.000$) и фактору эмоциональной привлекательности ($p = 0.000$).

Дифференцированный анализ восприятия испытуемыми мошенников и их жертв показал, что по 41 из 50 оценочных шкал семантического дифференциала выявлены статистически достоверные различия.

Обратимся к личности манипулятора. Никколо Макиавелли охарактеризовал личность манипулятора в своей книге «Государь». Впоследствии такой тип личности, называемый макиавеллический, или манипулятивный тип личности стали использовать в психологии индивидуальных различий. Изучался такой тип многими западными и отечественными психологами (Р. Кристи, Ф. Гейтс, М. Амес, А. Кидд, Д. Уилсон, С. Л. Братченко, В. В. Знаков, Б. Г. Мещеряков, А. В. Некрасова, и др.).

Макиавеллизм – это эксплуататорская установка в отношении других. Отношение к ним как к слабым, зависимым, которых можно использовать для достижения своих целей. Р. Кристи и Ф. Гейс получили данные о том, что уже в десятилетнем возрасте присутствуют индивидуальные различия в макиавеллизме. Частое применение манипуляций и их результативность может привести к деформациям личности. [2, с. 127]

В нашем исследовании испытуемые не атрибутировали манипулятору свойства активности. Хотя он и более активен по сравнению с манипулируемым (находчив, ловок, организован, остроумен, решителен, быстр, коммуникабелен, проворен), но различия не достигают уровня статистической достоверности.

По фактору эмоциональной оценки манипулятор эмоционально не привлекателен для испытуемых. Анализ среднего значения по шкалам данного фактора, показывает, что ему дана оценка как грязному, злему, чужому, плохому.

Заметим, что манипулятору испытуемые не всегда приписывают негативные характеристики, особенно это проявляется при использовании неявной оценки, актуализирующей глубинные бессознательные процессы в оценивании, манипулятор воспринимается более позитивно в сравнении с манипулируемым. Манипулятор оказывается более легким, большим, упорядоченным и горячим, а манипулируемый оценен как более «хаотичный» и «холодный». Манипулятор также оценен как более «творческий» и «умный», что кажется закономерным. Но вот по шкале «радостный – унылый» манипуляторы получают отрицательные оценки, т. Е. он оценивается как безрадостный.

Потребность в необходимости прогнозирования возможных сценариев поведения испытуемых обусловили исследование степени близости их самооценки по шкалам семантического дифференциала с их оценкой участников ситуации манипуляции. Определение статистической значимости различий в семантике образов манипулятора и испытуемых показало, что по 15 шкалам оценка идентична (значимость уровня различий недостоверна: $p \geq 0.05$). Причем, отсутствие различий фиксируется по шкалам с неявными оценочными коннотациями – испытуемые оценивают себя так же, как манипулятора, по характеристикам: «легкий», «горячий», «упорядоченный», «влажный» и «острый». Это те шкалы, по которым оценка испытуемыми манипулятора была достоверно выше, чем оценка манипулируемого. Юноши и девушки воспринимают себя такими же «расслабленными», «творческими», «свободными», «усердными», «оптимистичными», «практичными», «внимательными», «отчаянными», «волевыми» и «бодрыми» как и манипулятора. При этом значимые различия в семантических самооценках и оценках манипулятора зафиксированы по шкалам, содержащим явную оценочность,

например, «плохой – хороший», «добрый – злой» и пр. Таким образом, шкалы, предполагающие апелляцию к осознанной оценке, обладают в случае оценки себя и мошенника большей дифференциальной силой. Идентификация же происходит по критериям, апеллирующим к не осознаваемой смысловой оценке.

Манипулируемый оценивается испытуемыми также, как и манипулятор по фактору активности весьма низкими значениями, что говорит о его пассивности.

Статистическое сравнение с помощью критерия Манна-Уитни семантики самооценки студентов с их оценкой манипулируемого показало, что по 11 оценочным шкалам различий в семантической оценке испытуемыми себя и жертвы не обнаружено ($p \geq 0.05$). Причем семантику этих шкал характеризуют, главным образом, эпитеты с явным оценочным значением. Например, испытуемые такие же «хорошие», «светлые», «приятные», «добрые», «мягкие», «щедрые» и «трудолюбивые», «усердные», «практичные» и «бережливые».

Таким образом, обнаружены меньшие основания для суждения о близости семантики самих себя с семантикой жертвы, чем о близости самооценки студентов и их оценки мошенника. Причем очевидно содержательное разделение оценок по критерию их осознанности и неосознанности. Полученные результаты позволяют предположить, что современные юноши и девушки, декларативно и на уровне осознанных оценок реализуют социально приемлемые установки, при этом проявляя не осознаваемую готовность к реализации манипуляционных аттитюдов. Возможно, это обусловлено социально-экономическими условиями становления личности, особенностями современного общества, для которого характерны, с одной стороны, декларация приоритетности традиционных нравственных ценностей, а с другой, очевидная социальная и экономическая успешность тех, кто этих ценностей не разделяет и умело манипулирует сознанием окружающих. В детском возрасте бессознательно усваиваются представления о таких моделях поведения как успешных. Отметим, что о необходимости освоения манипуляцией и их пользе указывали М. Монтень, Б. Паскаль, Ф. Ларошфуко, Г. Франке, Д. Карнеги и др.

В процессе исследования верифицировалась также гипотеза о различии семантики манипулятора и манипулируемого в зависимости от их национальной принадлежности. Именно для этой цели проводилась семантическая оценка двух ситуаций: с американскими и русскими участниками. Мы исходили из суждения о том, что семантика жертвы или мошенника детерминирована национальностью, т. е. на ролевыми семантику участников ситуации психологической опасности влияет наделение персонажей культурно специфичными атрибутами. [7]

Оценка статистической значимости различий семантической оценки манипулируемых: Ивана и Дэниэла – с помощью критерия Манна-Уитни показала достоверность различий по 17 шкалам. Иван оценен как более «слабый» ($p = 0.000$), «робкий» ($p = 0.007$), «медленный» ($p = 0.000$), «мягкий» ($p = 0.006$), «унылый» ($p = 0.013$) и «доверчивый», менее «коммуникабельный» ($p = 0.021$), «находчивый» ($p = 0.004$), «проворный» ($p = 0.003$), «ловкий» ($p = 0.032$) и «оптимистичный» ($p = 0.014$), несмотря на то, что как сами ситуации, так и тип поведения жертв был абсолютно идентичен. Единственным значимым различием в оцениваемых рассказах была национальная принадлежность героя. Интересно, что по шкалам, не нагруженным явной оценочной коннотацией, также есть достоверные различия в оценках – Иван более «холоден», «сух» и «мягок». А Дэниэл оценивается как более щедрый и трудолюбивый. Неожиданной явилась оценка Ивана как более «чужого» в сравнении с Дэниэлом.

Оценка математической значимости манипулятора в «русском» и «американском» сюжете показала различия по семи шкалам. Русский манипулятор воспринимается испытуемыми как более «тяжелый» по сравнению с американским ($p = 0.004$), более «твердый» ($p = 0.030$) и «быстрый» ($p = 0.023$), «умный» ($p = 0.014$) и «находчивый» ($p = 0.030$) и даже более «дисциплинированный», хотя и менее «радостный». Д. Пибоди отмечает, что в обыденной жизни американцы жизнерадостны [5]. Иностранцы же считают русских весьма угрюмыми.

Таким образом, дифференциальные различия, связанные с семантикой национальной принадлежности, проявились в большей степени при оценке манипулируемого: Ивана и Дэниэла. Семантика манипуляторов оказалась менее чувствительной к влиянию дополнительной переменной – национальной принадлежности. При этом можно констатировать наделение русского манипулятора чертами большей жесткости и изошренности, т. е. он более опасен. По шкалам, связанным с интеллектом русский манипулятор оценивается выше манипулятора американского.

Интерпретационный интерес представляют различия семантической оценки манипулируемых: Ивана и Дэниэла. Мы видим, что в данном случае оценка в значительной степени обусловлена культурными стереотипами. В обыденном сознании русских часто атрибутируются такие свойства, как пассивность, медлительность и доверчивость. А американцев считают хоть и практичными, но простодушными и легковерными. Отмечают, что при всей их расчетливости их нетрудно обмануть и даже обворовать. [5]

Несмотря на важность учета культурных стереотипов, которые могли оказать влияние на выявленную разницу в семантике американских и русских участников оцениваемой ситуации, нужно понимать, что в оценках проявилась тенденция к более критичной и низкой оценке русских персонажей, чем американских. И это тревожный знак, который связан с теми культурными деформациями, которые происходили в нашем обществе в последние годы.

Результаты проведенного исследования показали, что семантическая оценка ситуации манипуляции детерминирована следующими факторами: 1) идентификации оцениваемыми себя с одним из участников ситуации: манипулятором или манипулируемым, 2) национально-культурной идентификацией персонажа. Показана большая критичность студентов к жертве обмана, когда он является русским. Выявлена тенденция к идентификации себя с жертвой манипуляции на осознаваемом уровне, с манипулятором – при неосознанной оценке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь / Сост. И общ. Ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 672 [6] с.
2. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2010. – 576 с.
3. Ковалев, Г. А. Психологическое воздействие : теория, методология, практика: автореф. Дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01 / Г. А. Ковалев. – М., 1991. – 477 с.
4. Крысько, В. Г. Словарь справочник по социальной психологии / В. Г. Крысько. – СПб. : Питер, 2003. – 416 с.
5. Крысько, В. Г. Этническая психология : Учеб. пособие для студ. Высш. Учеб. заведений / В. Г. Крысько. – М. : Академия, 2002. – 320 с.
6. Куликов, В. Н. Прикладное исследование социально-психологического воздействия / В. Н. Куликов // Прикладные проблемы социальной психологии. – М., 1983. – С. 158–172.
7. Кыштымова, И. М., Басов, Д. А. Семантическая оценка нарушения психологической безопасности: культурные детерминанты / И. М. Кыштымова, Д. А. Басов // Сибирский психологический журнал. – Томск, 2014. – № 52. – С. 93–103.
8. Психологический словарь / Под общ. Ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. И доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.
9. Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. Ред. А. А. Бодалева. – М. : Изд-во «Когито-Центр», 2011. – 600 с.
10. Сидоренко, Е. В. Тренинг влияния и противостояние влиянию / Е. В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 1997.
11. Чалдини, Р. Психология влияния / Р. Чалдини. – СПб. : Питер, 2013. – 304 с.
12. Шейнов, В. П. Психологическое влияние / В. П. Шейнов. – Мн. : Харвест, 2013. – 800 с.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

**SEMANTICS OF THE STUDENTS' PERCEPTION OF MANIPULATOR
PERSONALITY AND HIS VICTIMS**

D.A. Basov, Master Degree Student,
Teaching Assistant of Educational Psychology and Personal Development Department
East-Siberian State Academy of Education (Irkutsk), Russia

***Abstract.** The article includes the study results of students' perception semantics of manipulation situation. The author explains the semantic features of students' self-esteem of in the context of manipulation situation. During the study it was identified the dependence of the manipulator's evaluation and manipulated person on their nationality.*

***Keywords:** manipulation, social impact, psychological impact, the manipulator, manipulated, semantic differential, semantic evaluation.*

УДК 37.033

ЯЗЫК КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА

Л.А. Боровских, психолог

Муниципальное бюджетное учреждение для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Центр диагностики и консультирования» (Кемерово), Россия

***Аннотация.** В работе рассматривается понятие языка как способа обмена информацией между людьми, являющегося одним из факторов формирования экологического сознания общества. Определяется роль языка в познании и общении.*

***Ключевые слова:** язык, экологическое сознание, познание, информация.*

Введение

В основе и процессе человеческого общения происходит обмен мыслями, эмоциями, энергией. То есть сознание общества формируется в процессе преобразования энергоинформационного поля, которое несет в себе структуру данных при передаче сообщений между сознаниями людей. В этом смысле язык можно рассматривать как способ передачи этих сообщений.

Фердинанд де Соссюр был одним из первых, кто задался целью создать общую теорию языка. Прежде всего, ему нужно было ответить на вопрос: что такое язык? Все явления, связанные с процессами говорения и слушания, Соссюр обозначил общим термином речевая деятельность. В общей совокупности речевых процессов Соссюр выделяет два полярных аспекта: язык и речь. Соссюр отмечал, что язык только определенная часть, правда, важная часть, речевой деятельности. По определению Соссюра, язык – лишь сумма необходимых условностей, принятых обществом. Но именно она делает возможной речевую деятельность. Язык – это грамматическая система и словарь, т. е. инвентарь языковых средств, без овладения которыми невозможно речевое общение.

Сам предмет языкознания располагает большим количеством ответов на вопрос: что такое язык? Каждый из них оказывает прямое влияние на определение методов и направлений изучения языка, установление форм и закономерностей его развития и, в том числе, на формирование всей проблематики науки о языке.

В своих работах В. Гумбольдт рассматривал язык как орган, образующий мысль. Умственная деятельность – совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука речи материализуется и становится доступной для чувственного восприятия. Деятельность мышления и язык представляют неразрывное единство... Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное... Язык представляет собой беспрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли.

Гегель же в своих работах показывал, что язык есть деятельность теоретического разума в собственном смысле, так как он является ее внешним выражением.

При этом А. Шлейхер считал, что язык есть звуковое выражение мысли, проявляющийся в звуках процесс мышления... Законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы в главных чертах своих, и к организмам языков. Г. Штейнталь охарактеризовал язык, как выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков.

А. А. Потебня в своих трудах показал, что язык есть... форма мысли, но такая, которая ни в чем, кроме языка, не встречается.

Фортунатов Ф. Ф. формулировал положение о том, что язык состоит из слов, а словами являются звуки речи, как знаки для нашего мышления и для выражения наших мыслей и чувствований.

Таким образом, можно отметить огромное многообразие точек зрения на природу и сущность языка. Но они дают общее представление о различии подходов к изучению языка. Так как мы уже знаем, что язык – это система знаков, объективное, исторически сложившееся явление духовной жизни общества. Знаком принято называть «заместителей» других объектов.

Кроме языка, естественной знаковой системы, существуют искусственные, например, сигналы светофора, нотное письмо, символические записи, используемые в математике (цифры и символы ; +, -, =) и других науках. В отличие от этих искусственных систем, язык способен передавать сообщения любого, ничем не ограниченного содержания, то есть он универсален. Жестикуляция и мимика – системы невербального общения – придают звучащей речи лишь добавочные эмоциональные и смысловые оттенки.

Любая система состоит из множества элементов, которые находятся в связях друг с другом, образуют одно целое. Языковые единицы (знаки) объединяются в подсистемы и формируют уровни (ярусы) языка (таблица 1).

Система языковых единиц

Единицы	Уровни
Предложение	синтаксический
Части речи (словоформы)	морфологический
Лексемы (слова)	лексический
Морфемы (части слова)	морфемный
Фонемы (звуки)	фонемный

Таким образом, язык – представляет собой модель иерархии: большее включает меньшее как составную часть, меньшее проявляет свои функции в большем. Так, самые низшие единицы языка (фонемы) реализуют себя в единицах следующего, более сложного уровня, т. Е. в морфемах и т. Д.

Язык служит средством общения, познания, хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа. Язык обнаруживает себя только в речи и только через нее выполняет свое главное, коммуникативное, назначение.

1. Роль языка в процессе познания

Исследование роли языка в познании и общении считается, одним из самых продуктивных подходов, дающих достаточно полное представление о его природе. С одной стороны, язык есть органическая способность сознания, связанная со всеми его структурами, а также с психикой, бессознательным, телом. С другой – язык рассматривается в качестве универсального средства общения со всеми вытекающими отсюда социальными и культурно-историческим следствиями. Преимущества такого подхода к языку заключаются в его междисциплинарных возможностях, которые соединяют в себе универсальность философских наблюдений и конкретные значения целого ряда специализированных областей знания (лингвистики, психолингвистики, психологии и т.д.

Таким образом, благодаря фонологическим, синтаксическим, семантическим и прагматическим особенностям языка создаются необходимые условия его функционирования в сознании.

1.1. Влияние языка на сознание человека

Воздействие языка на человека настолько универсально, что трудно с уверенностью и однозначностью сказать, является ли он врожденной способностью или мы научаемся говорить, постепенно овладевая им. Ясно одно, что осознание человеком собственного бытия в разнообразии своих отношений к миру, к другому и к самому себе в значительной мере определяется возможностями его языка. Язык предоставляет ему необходимые условия и средства преодолеть ограничения своего психосоматического опыта, выйти за его пределы и удовлетворить свои жизненные, познавательные и коммуникативные потребности.

1.2. Назначение языка

Язык возникает, развивается и существует как коллективное достояние. Его основное назначение заключается в том, чтобы обслуживать нужды человеческого общества и прежде всего обеспечить общение между членами большого или малого социального коллектива, а также функционирование коллективной памяти этого сообщества

Язык – как носитель этнокультурных норм. Этнический язык – это прежде всего язык этноса, являющийся его признаком, как правило, он продукт данного этноса. Этнический язык создает основу внутриэтнического нормативного единства, обслуживает коммуникацию этноса в целом, обеспечивает социальное взаимодействие и социо-культурное отношение в процессе коммуникации между всеми членами этноса, принадлежащими к различным социокультурным слоям.

2. Роль языка в становлении экологического сознания

В процессе передачи информации с помощью языковых конструкций формируется так называемый энергоинформационный фон. Сознание, структура которого определяет дальнейшую работу преобразования у каждого человека. Когда информация поля чистая, т.е. мысли, слова, передаваемые посредством языка несут в себе чистый позитивный настрой, то формирующееся в процессе сознание является экологичным. При этом само становление экологического сознания идет по четырем направлениям:

1. научному (проявляется в стремлении реализовать на практике знания о существующих в природе связях о том, как можно избежать их нарушения в ходе производственной деятельности);
2. экономическому (через осознание экономической невыгодности производственной деятельности, разрушающей природу);
3. культурному (выражается в желании сохранить природу как элемент культурной среды);
4. политическому (проявляется в стремлении людей создать условия, соответствующие достоинству человека).

Таким образом, целью экологического сознания является переориентация человеческого мировоззрения.

Само, экологическое сознание — можно рассматривать как форму общественного сознания, находящуюся в стадии формирования, включающую в себя совокупность идей, теорий, взглядов, мотивации, отражающих экологическую сторону общественного бытия. Реальную практику отношений между человеком и средой его жизни, между обществом и природой, включая регулятивные принципы и нормы поведения, направленные на достижение оптимального состояния системы «общество — природа».

Основным компонентом содержания экологического сознания является состояние общественного сознания. Сознание, правильно отразившее бытие, само становится определяющим по отношению к нему, обу-

словливая преобразующую деятельность человека на экологическом направлении.

2.1. Понятия экологии и сознания

Введем понятие экологии и сознания, как основных элементов, формирующих работу преобразования с помощью языковых форм. Экология – наука, изучающая отношение организма к окружающей его внешней среде, в смысле совокупности условий существования (органических и неорганических). Экология имеет объектом изучения класс явлений, аналогичный тому, какой является предмет социология.

Экология является не только наукой о состоянии природной среды. Это еще и наука о путях сохранения среды обитания человека в условиях усиливающегося воздействия на нее его деятельности, и наука о путях восстановления разрушенных природных факторов. Поэтому вполне естественно говорить о наличии в структуре экологического знания как естественнонаучных, так и социальных компонентов.

Под сознанием понимается высшая, свойственная только человеку форма отражения объективной действительности, способ его отношению к миру и к самому себе, который представляет собой единство психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия. Сознание состоит из чувственных образов, предметов, являющихся ощущением или представлением и поэтому обладающих значением и смыслом, знания как совокупность ощущений, запечатлённых в памяти, и обобщений, созданных в результате высшей психической деятельности, мышления и языка. Сознание является особой формой взаимодействия человека с действительностью и управления ею.

В структуру сознания входят важнейшие познавательные процессы, с помощью которых человек постоянно обогащает свои знания. К числу таких процессов могут быть отнесены ощущения и восприятие, память, воображение и мышление.

Первая характеристика сознания дана уже в самом его наименовании: сознание. Человеческое сознание включает в себя совокупность знаний об окружающем нас мире. К. Маркс писал: «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это знание».

Вторая характеристика сознания – закреплённое в нём отчётливое различие субъекта и объекта, т.е. того, что принадлежит - «я» человека и его не - «я». Человек, впервые в истории органического мира выделившийся из него и противопоставивший себя окружающему, продолжает сохранять в своём сознании это противопоставление и различие. Человек единственный среди живых существ, способен осуществлять самопознание, т.е. обратить психическую деятельность на исследование самого себя. Человек производит сознательную самооценку своих поступков и самого себя в целом. Отделение «я» от не «я», это и есть путь, который проходит человек в детстве, осуществляется в процессе самосознания человека.

Третья характеристика сознания – обеспечение целеполагающей деятельности человека. В функции сознания входит формирование целей деятельности, при этом складываются и взвешиваются её мотивы, принимаются волевые решения, учитывая ход выполнения действий, и вносятся в него необходимые коррективы и т.д.

Четвёртая характеристика сознания – включает в его составе определённое отношение. «Моё отношение к моей среде и есть моё сознание», как писал К. Маркс. В сознание человека неизбежно входит мир чувств, где находят отражение сложные объективные и прежде всего общественные отношения, в которые включен человек.

В сознании человека представлены эмоциональные оценки межличностных отношений. И здесь, как и во многих других случаях, патология помогает лучше понять сущность нормального сознания. При некоторых душевных заболеваниях, нарушение сознания характеризуется именно расстройством в сфере чувств и отношений.

2.2. Экологическое учение В. Вернадского

В. Вернадский стал одним из учёных XX века, оставивших свой след в самых разных областях науки. В центре внимания Вернадского стояли биосфера и ноосфера Земли. В его представлении биосфера как совокупная оболочка Земли, пронизанная жизнью, закономерно под воздействием деятельности человеческого общества переходит в ноосферу – новое состояние биосферы, которое несёт в себе черты человеческого труда. Вернадский исходил из того, что человек составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение двух миллиардов лет. Возникшая ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. И в этом смысле язык человека, как фактор самовыражения, может рассматриваться как проявление внутренней экологии во внешнюю, единую ноосферу.

Заключение

На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что основное назначение языка заключается в обслуживании нужд человеческого общества и, прежде всего, в обеспечение общения между членами большого или малого социального коллектива, а также функционирование коллективной памяти. Язык и общество тесно связаны друг с другом. Как не может быть языка вне общества, так и общество не может существовать без языка. Их влияние друг на друга взаимное.

Таким образом, можно отметить, что язык играет очень существенную роль в общественной жизни, является основой взаимопонимания, социального мира и развития. Обладает организующей функцией по отношению к обществу, определяет методологию формирования экологического сознания, как экологии ноосферы.

Материал поступил в редакцию 27.09.14.

LANGUAGE AS A FACTOR OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS OF SOCIETY

L.A. Borovskikh, Psychologist

Municipal budgetary institution for children in need of psychological, pedagogical, medical and social assistance
“Center for diagnosis and counseling” (Kemerovo), Russia

***Abstract.** The paper deals with the concept of language as a way of information exchanging between people, which is one of the factors in the formation of society ecological consciousness. The author defines the role of language in cognition and communication.*

***Keywords:** language, ecological consciousness, knowledge, information*

УДК 371.134:159.9

ПРОБЛЕМА РЕФЛЕКСИВНОГО МЫШЛЕНИЯ В ПСИХОДИНАМИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ

Н.В. Дметерко, кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры психологии
Донбасский государственный педагогический университет (Славянск), Украина

***Аннотация.** В данной статье представлена характеристика рефлексивного мышления с позиций психодинамического подхода. Раскрыты глубинные детерминанты внутренней противоречивости психики как центрального противоречия, на разрешение которого направлено рефлексивное мышление. Рассматриваются социально-платонические факторы, предопределяющие эдипальную зависимость, что связано с процессом интроецирования. Показан защитно-компенсаторный характер способов разрешения внутреннего противоречия психики. Рассматривается влияние психологических защит на функционирование рефлексивного мышления.*

***Ключевые слова:** рефлексивное мышление, психодинамическая теория, эдипальная зависимость, внутренняя противоречивость психики, психологические защиты, «идеализированное Я», интроекция.*

Актуальность проблемы исследования рефлексивного мышления обусловлена не только философскими традициями и теоретическими положениями психологической науки, а и запросом психологической практики. Широкое внедрение психологической службы во все сферы общественной жизни определяет необходимость квалифицированных специалистов в сфере практической психологии.

Анализ научной литературы свидетельствует о внимании исследователей к проблемам профессиональной подготовки и профессионального становления психолога-практика. Если при определении профессиональной подготовки будущего психолога акцент ставится на овладении теоретическими знаниями дисциплин психолого-педагогического цикла, то профессиональное становление предполагает его личностное развитие. Важной составляющей профессионального становления психолога-практика является развитие рефлексивного мышления, ориентированного не только познание содержания психики, но и понимания смысла действий (как собственных, так и другого человека), что предполагает рефлексии (осознание) мотивов поведения. Их рассмотрение только лишь в плоскости сферы сознания в связи с социальными потребностями, без учета глубинных детерминант активности, является неполным, что ограничивает рефлексивное мышление в его познавательных возможностях. Последнее имеет особое значение в контексте профессионального становления практического психолога. Мы солидарны с мнением Т. С. Яценко: «Практическая психология является специфичной сферой профессиональной деятельности субъекта, в которой без надлежащего формирования личностных характеристик и коррекции деструктивных защитных механизмов путь к профессионализму может быть закрыт» [8, с. 10]. Вышесказанное свидетельствует об актуальности научного исследования проблемы рефлексивного мышления в свете глубинной психологии. Мы убеждены, что исследование проблемы рефлексивного мышления будет неполным без учета закономерностей целостного феномена психики в единстве и автономии сознательной и бессознательной сфер.

Цель статьи – раскрыть проблему рефлексивного мышления с позиций глубинной психологии.

Обобщение научной литературы (В. В. Давидов, А. В. Карпов, Г. П. Щедровицкий и др.) позволяет уточнить определение рефлексивного мышления как вида мышления, направленного на познание субъектом психического содержания как собственного, так и другого человека, что обеспечивает рефлексия причинно-следственных связей в поведенческом материале. Развитие и функционирование рефлексивного мышления, как и мышления вообще, рассматривают в причинной зависимости от внешних и внутренних условий [2; 4; 7]. Методологически ценным является одно из ключевых положений отечественной психологии мышления, которое делает акцент на взаимосвязи внешних и внутренних условий в мыслительном процессе. С.Л. Рубинштейн отмечает: «Мы исходили из того, что внешние причины (внешние воздействия) всегда действуют лишь опосредованно через внутренние условия» [5, с. 8].

При исследовании внутренних условий мышления (эмоций, мотивов, установок и др.), которые опосредуют действие внешних, наблюдается смещение акцента на социальные потребности и игнорирование глубинных детерминант активности субъекта. Вследствие этого вне внимания исследователей остался феномен внутренней мотивации (глубинных ценностей), что значительно ограничивает понимание причин внутренней противоречивости психики. Их адекватное понимание приобретает большое значение в контексте получения рефлексивных знаний человека о содержании собственной психики, которое обеспечивает рефлексивное мышление. Получение рефлексивных знаний является возможным, если рефлексивное мышление, как и любой процесс мышления, «...направлено на разрешение противоречий, объективно присущих реальному предмету мысли» [1, с. 310]. Таким образом, особенно остро необходимость исследования рефлексивного мышления в свете глубинной психологии ставится при определении противоречия как центральной категории, с разрешение которого связано его функционирование, как и процесса мышления вообще.

Глубинная психология является обобщенным названием психологических школ и теорий (психоанализ

(З. Фрейд), аналитическая психология (К. Г. Юнг), гуманистический психоанализ (К. Хорни, Э. Фромм); нео-психоанализ (М. Кляйн, А. Фрейд) и др.), ориентированных на познание глубинных детерминант психической активности человека.

В отечественной психологии глубинное направление исследований представляет психодинамическая теория, которая развивается в исследованиях академика НАПН Украины Т. С. Яценко. С позиций психодинамического подхода феномен психического рассматривается в его противоречивой сущности и взаимосвязи сознательной и бессознательной сфер. Внутренняя противоречивость, объективная дезинтеграция психики обусловлена разнонаправленностью внутренних тенденций («к жизни» и «к психологической смерти», «к людям» и «от людей», «к силе» и «к слабости») [8].

Достижения психодинамической парадигмы вводят в научный оборот исследования проблематики рефлексивного мышления феномен эдипальной зависимости в контексте его влияния на возникновения внутренней противоречивости психики и защитный характер способов разрешения последней.

Феномен «эдипальной зависимости» в данной статье рассматривается в связи с «эдипальным комплексом», который был введен З. Фрейдом для обозначения амбивалентного отношения ребенка к своим родителям, которое характеризуется одновременно принятием и отчуждением. В глубинной психологии понятие «комплекс» содержит оттенок патологии, что связано с вытеснением побуждений и их противостоянием сознательным намерениям человека. Понятие «зависимость» указывает на подчиненность психического функционирования человека остаточным явлениям эдипального периода (чувства неполноценности, вины, зависти, тревоги, ревности и др.).

Заслуживают внимания уточнения эдипальной зависимости, представленные в рамках психодинамической парадигмы. Данные уточнения, по сравнению с классическим психоанализом, заключаются в следующем: во-первых, отсутствует разделение на позитивный и негативный эдипов комплекс в зависимости от идентификации ребенка с родителем своего или противоположного пола; во-вторых, не рассматриваются отличия развития и преодоления эдипова комплекса у мальчиков и девочек; в-третьих, акцент смещается с чувственного на социально-платонический фактор эдипальной зависимости. В контексте последнего ведущее значение приобретает процесс защитного интроецирования, который подчиняется тенденции «от слабости к силе». Парадоксальность данного процесса заключается в бессознательном присвоении тех качеств первичных либидных объектов (крик, агрессия, обесценивание, манипулирование и др.), которые эмоционально разъединяли, обуславливали ощущения обездоленности, «слабости» человека. Интроецирование черт значимого взрослого позволяет снизить внутреннее напряжение, порожденное остаточными явлениями эдипальной зависимости (чувства неполноценности, вины и др., т.е. ощущения «слабости») [8].

Латентный характер интроецирования делает невозможной рефлексию человеком его компенсаторно-защитного характера. Интроецирование нежелательных, с точки зрения социума, черт отграничивается от осознания психологическими защитами, которые нарушают отражение внутренних реалий психики, что проявляется в отрицании, непринятии человеком определенных качеств у себя. Неосознаваемая готовность к упреждению травматических переживаний обуславливает повышенную чувствительность к проявлению этих качеств со стороны других, гиперболизацию угрозы травмы. Вследствие действия психологических защит закрытыми для осознания человека остается собственный вклад в разрушение отношений с окружающими. Интроецирование обеспечивает сохранения латентной связи с первичным либидным объектом, который интегрируется в сферу переживаний ребенка. В дальнейшем человек с ним настолько «слепливается», что теряет собственное «Я», «замораживает» переживания, не позволяя себе быть счастливым, отчуждая себя и других.

Отступления в отражении собственного психического содержания осуществляются в сторону «идеализированного Я». «Идеализированное Я» – это система неосознаваемых ожиданий восприятия себе другими; ожидания субъекта, связанные с подтверждением достоинств собственного «Я» [8]. Предпосылкой образования «идеализированного Я» является интроецирование, в ходе которого человек наделяет себя желаемыми качествами и чертами воображаемого образа, идентифицируется с ним. Эмотивный опыт инфантильного периода определяет конкретные черты «идеализированного Я», которые имеют индивидуально-неповторимую семантику.

В «Интернет-версии философской энциклопедии» идеализацию рассматривают как «гносеологическое понятие, которое обозначает представление чего-то в более совершенном виде, чем оно является на самом деле, в каком реальное прообразы могут быть указаны с большей или меньшей степенью приближенности» [3]. В контексте «идеализированного Я» особого внимания заслуживают мотивы его образования. Собственная идеализация, которая проявляется в преувеличении своих способностей или присвоении несуществующих качеств, позволяет снизить остроту переживаний, имеющих глубинно-психологическое происхождение. Анализ эмпирического материала свидетельствует о прямо пропорциональной зависимости между интенсивностью (силой) чувства неполноценности, вины и степенью идеализации. Чем более сильным является чувство неполноценности, тем большим является стремление доказать собственную идеальность и совершенство. Человек видит себя более совершенным и ожидает подтверждения извне. Чем более слабым является «реальное Я» человека, тем более зависим он от внешних оценок, признания и т.п.

Идеализация является способом иллюзорного преодоления неуверенности, тревоги и т.д., эмотивную реалистичность которого для субъекта обеспечивают психологические защиты путем искажения социально-перцептивной информации. Психологические защиты, действие которых направлено на уменьшение или устра-

нение любых изменений, которые угрожают целостности и стойкости психического функционирования индивида, нарушают обработку информации как на этапе сбора, (что проявляется в селективности восприятия, избирательности внимания), так и на этапе ее переработки и внутренней интерпретации. Следствием чего является принятие позитивных оценок, характеристик со стороны окружающих и повышенная чувствительность к их критике, требованиям.

Внутреннее напряжение, обусловленное остаточными явлениями эдипальной зависимости, определяет потенциальную активность человека в направлении его снижения, восстановления равновесия. Вариативность способов маскировки направленности активности обеспечивают ситуативные защиты. Вследствие их действия человек не рефлексирует подчиненность собственной активности защитным тенденциям, которые реализуются в реакциях переноса, замещения, идентификации (базальных формах).

Неосознаваемое желание «воздать», восстановить психическое равновесие, которое обусловило процесс интроецирования, задает тенденцию «назад в прошлое», которая энергетически ослабляет просоциальные стремления человека к успеху, престижу, признанию, социальной реализации и др. Мотивы интроецирования (приблизится к либидному объекту, избавиться от чувства неполноценности, вины, тревоги и др.) маскируются психологическими защитами, вследствие чего человек не осознает глубинный смысл (защитно-компенсаторный характер) собственной активности в ее просоциальной направленности. Ее рационализация опирается на условные ценности, личностную значимость которые человек осознает в связи с социальными потребностями.

При наличии внутреннего противоречия психики рефлексивное мышление является ограниченным и частичным, т.к. его функционирование подчиняется психологическим защитами, действие которых направлено на подтверждение ожиданий «идеализированного Я». Чем более стабилизированным является внутреннее противоречие (объективная дезинтеграция) психики, тем более жесткими и ригидными являются способы достижения субъективной интегрированности. Последнее проявляется в стереотипности, инертности, шаблонности мышления. Поддержание психического равновесия обеспечивается путем блокирования или избирательной ассимиляции входящей информации, что снижает ощущение интересов другого человека, обстоятельств ситуации.

Психологические защиты нарушают осознание человеком внутренних реалий психики, а, следовательно, и окружающей действительности. Д. Шапиро отмечает: «Утрата ясного ощущения, в чем человек убежден, что он чувствует или хочет сделать, в результате защитных ограничений или самообмана – это одновременно утрата ясного ощущения того в чем он убежден, что он чувствует или хочет сделать относительно кого-то или чего-то. В этом смысле отношение к себе не отличается от отношения к внешнему миру. Процесс защиты зависит не только от внутренней динамики. Ослабление или искажение ощущения внешней реальности неизменно сопровождается утратой или искажением самосознания» [6, с. 56].

Таким образом, постановка проблемы рефлексивного мышления с позиций психодинамического подхода определяет исследовательское внимание на познание глубинных детерминант внутренней противоречивости психики и понимание защитного характера способов ее преодоления. Психологические защиты в их системной организации (базовые и ситуативные), действие которых направлено на поддержание психического равновесия, маскируют внутреннее противоречие, вследствие чего оно остается закрытым для осознания человека. В связи с этим расширение рефлексивного мышления предполагает нивелирование действия психологических защит для объективации противоречий. Разрешение данной проблемы обеспечивает глубинная психокоррекция по методу активного социально-психологического познания (АСПП), разработанная Т. С. Яценко. Организационно-методологические аспекты глубинной психокоррекции в контексте развития рефлексивного мышления будут раскрыты в дальнейших публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь / сост. И общ. Ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб. : прайм – ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
2. Давыдов, В. В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов) / В. В. Давыдов. – М. : Педагогика, 1972. – 424 с.
3. Интернет-версия издания : Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. Обществ.-науч. Фонд; Предс. Научно-ред. Совета В. С. Степин. — М. : Мысль, 2000 — 2001. — ISBN 5-244-00961-3. <http://iph.ru/print.htm>
4. Карпов, А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А. В. Карпов. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 424 с.
5. Рубинштейн, С. Л. О мышлении и путях его исследования / С. Л. Рубинштейн – М. : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 147 с.
6. Шапиро, Д. Динамика характера : Саморегуляция при психопатологии / Д. Шапиро / Пер. с англ. В. Мершавки, А. Телицыной. – М. : Независимая фирма «Класс», 2009. – 216 с. – (Библиотека психологии и психотерапии).
7. Щедровицкий, Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия / Г. П. Щедровицкий – М. : Наследие ММК, 2005. – 800 с.
8. Яценко, Т. С. Методологія професійної підготовки практичного психолога / Т. С. Яценко, О. В. Глузман, О. М. Усатенко. – Дніпропетровськ, «Інновація», 2014. – 192 с.

Материал поступил в редакцию 26.09.14.

THE PROBLEM OF REFLECTIVE THINKING IN THE PSYCHODYNAMIC APPROACH

N.V. Dmeterko, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Candidate for a Doctor's Degree in Psychology
Donbass State Pedagogical University (Sloviansk), Ukraine

***Abstract.** This paper introduces the characteristics of reflective thinking from the standpoint of the psychodynamic approach. The author disclosed underlying determinants of the internal contradiction of the psyche as a central contradiction and the reflective thinking is directed on its resolution. The paper also considers the social-platonic factors that predetermine oedipal addiction that is associated with the process introjection. The author shows a protective and compensatory ways to resolve internal contradiction of psyche. The article includes information about the influence of psychological defenses on the functioning of reflective thinking.*

***Keywords:** reflective thinking, psychodynamic theory, oedipal addiction, internal contradictions of the psyche, psychological defenses, "Me –idealized", introjection.*

УДК 316.6

ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ НА СПЕЦИФИКУ ЕЕ АКТИВНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Н.С. Козлова¹, И.Р. Сушков²¹ кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии² доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии
Ивановский государственный университет (Иваново), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности активности личности в интернет-среде. Анализируется влияние особенностей отношения личности, ее общительности и потребности в общении, коммуникативных качеств на вовлеченность личности в виртуальный мир. На основе результатов эмпирического исследования делается вывод о роли коммуникативной сферы в процессе нахождения человека в сети.*

***Ключевые слова:** интернет-среда, общительность, потребность в общении, отношения, коммуникативные способности, мотив аффилиации.*

Изучение интернет-пространства как виртуального мира, становится все чаще предметом психологических исследований. Один из самых актуальных вопросов касается того, какие личностные черты способствуют вовлеченности человека в сеть и определяют специфику его деятельности. В рамках данной работы нам бы хотелось подробно остановиться на коммуникативной сфере личности, как детерминанте «существования» личности в Интернете.

Общение изначально является концептуальным понятием в психологии. В отечественной науке сложилась позиция, согласно которой в рамках психического развития и становления человека, процессов индивидуализации, и социализации, общение является необходимым условием. Об этом писали Б. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, М. М. Бахтин, В. Н. Мясищев и др.

В. А. Кольцова отмечает, что общение – «важное средство регуляции и саморегуляции поведения человека» [2].

О роли коммуникативной сферы писал Б. Г. Ананьев, выделяя именно коммуникативные способности как базовые в рамках становления и развития человека [1]. Д. Майерс на основе своих исследований, пришёл к выводу, что для ощущения счастья, в первую очередь, человеку необходимы близкие отношения с родными и друзьями [3]. В. Н. Мясищев разработал концепцию, определяющую отношения человека как «целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности». Более того, в его работах, а также в трудах Б. Г. Ананьева, высказывается мысль, что отношения могут превращаться в черты характера. А значит, они будут определять любую активность личности [1, 4].

В итоге, основываясь на том, что любая деятельность, активность личности связана причинно-следственной связью со взаимодействием людей, уровень общительности, потребности в общении, коммуникативные способности и характеристики межличностных отношений, мотива аффилиации играют в ней существенную роль в реальной жизни человека. Мы можем предполагать, что и в рамках виртуального мира они будут являться важнейшими детерминантами активности в интернет-среде.

В рамках проведенного эмпирического исследования мы рассматривали взаимосвязь активности личности в Интернете с различными аспектами ее коммуникативной сферы.

Потребность в общении

Респонденты с высокой потребностью в общении в Интернете ориентированы на поддержание контактов и общение с теми, с кем они общаются и в реальной жизни ($r = 0,36$, при $p \leq 0,05$), а вот возможность самовыражения и самореализации, через размещение в сети продуктов своей деятельности или творчества, их не интересуют ($r = -0,39$, при $p \leq 0,01$).

Стремление к публичности у них также не реализуются в виртуальной среде ($r = -0,30$, при $p \leq 0,05$), как и потребность в достижениях ($r = -0,32$, при $p \leq 0,05$).

Зато они считают, что Интернет помогает им реализовать потребность в защите ($r = 0,36$, при $p \leq 0,05$). Вероятно, это объясняется тем, что через сеть невозможно оказывать никакого физического воздействия, и это создает эффект безопасности.

Помимо этого, такие пользователи достаточно негативно оценивают Интернет: он не может способствовать повышению эрудированности ($r = -0,32$, при $p \leq 0,05$), не может служить средством полноценного развлечения ($r = -0,28$, при $p \leq 0,05$), не экономит время и деньги ($r = -0,28$, при $p \leq 0,05$).

Таким образом, высокая потребность в общении, при реализации в интернет-среде, сводится исключительно к контактам с лицами из постоянного круга взаимодействия, благодаря ощущению собственной безопасности. Кроме подобной активности, эти пользователи не интересуются никакими возможностями вирту-

ального пространства, сужая тем самым поле своей деятельности в Интернете, не воспринимая его полезные и практические функции.

Уровень общительности

Тем пользователям, у которых уровень общительности достаточно высок, по собственной оценке, Интернет не мешает заниматься профессиональной деятельностью ($r = 0,26$, при $p \leq 0,05$). Это связано с тем, что, испытывая потребность в постоянной коммуникации, они могут удовлетворить ее как раз в Интернете более легким способом. Это подтверждается весьма высоким количеством друзей в сети ($r = 0,25$, при $p \leq 0,05$). Они любят сообщать в виртуальной среде подробности своей личной жизни ($r = 0,29$, при $p \leq 0,05$), что вероятно дает иллюзию близкого общения.

Интернет действительно востребован людьми общительными, и способен удовлетворять потребность в коммуникациях. Но при этом нет критичной оценки того, как влияет Интернет на другие сферы жизнедеятельности, прежде всего на профессиональную. Кроме того, размываются границы «Я», и интимная информация становится предметом публичного характера.

Стремление к принятию

Для тех, для кого существенно актуален мотив стремления к принятию, характерно активное использование различных функций Интернета: развлекательные ($r = 0,30$, при $p \leq 0,05$), новостные ($r = 0,35$, при $p \leq 0,05$), практические ($r = 0,28$, при $p \leq 0,05$), слежения за изменениями в жизни знакомых ($r = 0,37$, при $p \leq 0,01$), общения с теми, с кем редко встречаются в реальной жизни ($r = 0,31$, при $p \leq 0,05$), мультимедийные возможности ($r = 0,31$, при $p \leq 0,05$). Им свойственно возникновение чувства идентичности в Интернете ($r = 0,31$, при $p \leq 0,05$). И, по их собственной оценке, Интернет способствовал тому, что они стали больше общаться ($r = 0,31$, при $p \leq 0,05$).

В целом же мы видим, что стремление к принятию связано с очень активным и разносторонним использованием Интернет-ресурсов.

Страх отвержения

При высоком страхе отвержения личность старается избегать в Интернет общения с теми, с кем часто взаимодействует в реальном мире ($r = 0,29$, при $p \leq 0,05$). При этом друзья занимают высокие места в структуре их жизнедеятельности ($r = 0,31$, при $p \leq 0,05$). В виртуальном пространстве они также пытаются реализовать потребность в достижении ($r = 0,30$, при $p \leq 0,05$) и привязанности ($r = 0,37$, при $p \leq 0,01$). В тоже время они достаточно сильно ощущают негативное влияние Интернета: появляются проблемы в семье ($r = 0,28$, при $p \leq 0,05$), часто возникает ошибочное мнение, составленное на основе информации из сети ($r = 0,38$, при $p \leq 0,01$), развивается лень ($r = 0,30$, при $p \leq 0,05$), прекращается чтение печатных изданий ($r = 0,40$, при $p \leq 0,01$).

Это свидетельствует о том, что, несмотря на весьма критичное отношение к виртуальному миру, личность с высоким страхом отвержения, все равно будет пытаться реализовать потребности в привязанности и достижении именно там. Вероятно, Интернет снижает страх в связи с доступностью исключения непосредственного взаимодействия.

Коммуникативные способности

Высокие коммуникативные способности связаны с тем, что личность ориентируется на общение в сети, причем и с теми, с кем взаимодействует достаточно часто ($r = 0,29$, при $p \leq 0,05$), и с теми, кто находится далеко ($r = 0,34$, при $p \leq 0,05$). Эти пользователи отмечают, что стали больше общаться ($r = 0,29$, при $p \leq 0,05$). А вот их автономность Интернет нарушает ($r = -0,29$, при $p \leq 0,05$).

Итак, мы выявили, что хорошие коммуникативные способности ориентируют личность на интернет-общение, обратной стороной которого является утрата автономности.

Выраженность поведения в области «включения»

Высокие показатели по данной шкале свидетельствуют о стремлении личности причислять себя к разным группам, о желании быть среди других и, чтобы окружающие проявляли интерес к ней.

Такая особенность, по итогам нашего исследования, связана с уверенностью, что Интернет способствует удовлетворению потребности быть в центре внимания ($r = 0,40$, при $p \leq 0,01$) и общения ($r = 0,29$, при $p \leq 0,05$).

Последствия, к которым ведет использование Интернет-ресурсов, также ограничиваются коммуникативной сферой: такие пользователи указывают, что стали больше общаться ($r = 0,30$, при $p \leq 0,05$) и это стало проще ($r = 0,31$, при $p \leq 0,05$), и они стали больше знать о других ($r = 0,36$, при $p \leq 0,05$). На такие сферы как досуг Интернет не оказывает влияния: они не престают читать ($r = -0,33$, при $p \leq 0,05$), посещать выставки, кино, театры и т.д., ($r = -0,31$, при $p \leq 0,05$).

Можно утверждать, что выраженное поведение в области «включения» ориентирует личность в виртуальном пространстве исключительно на общение.

Требуемое поведение в области «включения»

Речь идет о лицах, желающих чтобы другие старались быть с ним рядом, активно приглашая их к участию в делах, событиях и мероприятиях. Такие люди сами зачастую не предпринимают для этого собственных усилий. В виртуальной среде они интересуются новостями о мире ($r = 0,30$, при $p \leq 0,05$), активно пользуются мультимедийными ресурсами, в том числе, сами размещают различные файлы ($r = 0,44$, при $p \leq 0,01$). Но для трудовой деятельности они Интернет не используют ($r = -0,29$, при $p \leq 0,05$). К Интернету, как источнику информации, они испытывают доверие ($r = 0,32$, при $p \leq 0,05$). Что же касается структуры их жизнедеятельности,

то на первых местах у них развлечения ($r = 0,33$, при $p \leq 0,05$), а вот домашних дел они избегают ($r = -0,32$, при $p \leq 0,05$). Отмечают, что по мере приобщения к сети, стали больше смотреть фильмов, слушать музыки ($r = 0,30$, при $p \leq 0,05$), больше следить за своим внешним видом ($r = 0,35$, при $p \leq 0,05$).

Требуемое поведение в области включения формирует позитивное отношение к Интернету и его активное применение в развлекательных, досуговых целях.

Выраженное поведение в области «контроля»

Личность, стремящаяся держать всех под контролем, воздействовать на других, быть лидером, самой принимать решения за себя и за окружающих, в рамках своей интернет-активности стремится к знакомству с новыми людьми ($r = 0,32$, при $p \leq 0,05$), ищет единомышленников и группы по интересам ($r = 0,39$, при $p \leq 0,01$).

С другой стороны, такие пользователи совершают и интернет-покупки ($r = 0,34$, при $p \leq 0,05$), размещают продукты своей деятельности и творчества ($r = 0,28$, при $p \leq 0,05$), обращаются к этому источнику для поиска необходимой информации ($r = 0,31$, при $p \leq 0,05$).

Также широк и спектр последствий использования Интернета, который они для себя выделяют: стали больше общаться ($r = 0,35$, при $p \leq 0,05$), увеличилась эрудированность ($r = 0,36$, при $p \leq 0,05$), появилось уверенность в себе и выросла самооценка ($r = 0,29$, при $p \leq 0,05$), улучшились познания в сексуальной сфере ($r = 0,28$, при $p \leq 0,05$) и т.д.

Мы видим людей, которые очень широко и разнонаправленно пользуются интернет-возможностями. Но одновременно настораживают сплошные «плюсы», многочисленные выгоды, которые, как им кажется, они извлекают из интернет-пространства. Вероятно, такая личность не может критически оценивать воздействия Интернета при столь высокой собственной активности. Можем предположить, что это вызвано возникновением зависимости и уходом из реального мира в мир виртуальный.

Требуемое поведение в области «контроля»

Высокие показатели по этой шкале (свойственные людям нежелающим брать на себя ответственности, имеющим потребности в зависимости от других, стремящихся к контролю и руководству со стороны других) также связаны со спецификой активности в интернет-среде. Прежде всего они отражают ориентированность на общение с теми, с кем респонденты взаимодействуют в «реальном мире» ($r = 0,36$, при $p \leq 0,05$), на стремление узнать новости о них ($r = 0,33$, при $p \leq 0,05$), на создание групп и сообществ ($r = 0,33$, при $p \leq 0,05$), на попытки устроить свою личную жизнь ($r = 0,33$, при $p \leq 0,05$). Такие респонденты реализуют в сети потребность в пассивном подчинении ($r = 0,29$, при $p \leq 0,05$). Трудовой и профессиональной деятельностью в Интернете они не занимаются ($r = -0,38$, при $p \leq 0,01$).

В целом же, в данном случае, требуемое поведение в области «контроля» обращает личность к виртуальному общению, настолько сильно, что оно приобретает болезненный характер.

Выраженное поведение в области «аффекта»

Желание личности состоять в близких отношениях с другими и проявлять к ним теплые чувства также связано с ориентацией на взаимодействие с близкими людьми с помощью Интернета ($r = 0,31$, при $p \leq 0,05$), исключая какую-либо другую активность. Но в при этом, личность чувствует, что в сети не может реализовать ни потребность во внимании к себе ($r = -0,30$, при $p \leq 0,05$), ни в общественном признании ($r = -0,30$, при $p \leq 0,05$). Итогом ее вовлеченности в виртуальное пространство стало увеличение внимания к своему внешнему виду ($r = 0,57$, при $p \leq 0,01$).

Значит, выраженное поведение в области «аффекта», ориентированное на взаимоотношения с близкими, меняет соотношение внутреннего и внешнего в сознании личности: при неудовлетворенности данной потребности происходит переориентация на ведущую роль внешних признаков, создающих образ собственной личности.

Требуемое поведение в области «аффекта»

Данная шкала свидетельствует о потребности человека в вовлечении его в отношения, становлении близости с другими, в допуске их в свою жизнь на эмоциональном уровне. Пользователи с такой особенностью ищут в сети единомышленников, вступают в группы по интересам ($r = 0,41$, при $p \leq 0,01$). Этим их активность ограничивается. Чуть шире становится спектр влияния Интернета на их жизнь. Обогащается общение ($r = 0,35$, при $p \leq 0,05$), усиливается внимание к внешнему виду ($r = 0,39$, при $p \leq 0,01$) и что, на наш взгляд, важно – развивается собственное дело ($r = 0,49$, при $p \leq 0,01$).

По итогам исследования можно сделать ряд выводов.

Начнем с того, что было вполне ожидаемо – характеристики коммуникативной сферы личности влияют преимущественно на особенности взаимодействия личности в сети. Но влияние – это весьма дифференцированно.

Высокая потребность в общении, выраженное поведение в области «включения» сужают использование Интернета до сферы взаимоотношений с другими. Развитость коммуникативных способностей при такой же ориентации на общение в Интернете, характеризуется утратой собственной автономности. При высокой общительности пользователи склонны реализовывать эту же потребность в сети, но обнаруживая размывание границ собственного Я, сопровождающееся отсутствием критичной оценки. Выраженное поведение в области «контроля» превращает коммуникацию в Интернете в навязчивое, болезненное стремление индивида, а в области «аффекта» – запускает ориентацию на внешние признаки, в ущерб удовлетворению социальных потребностей. Все это приводит к сужению сознания в отношении реальных, объективных возможностей Интернета.

Преобладание мотива стремления к принятию, требуемое поведение в области «включения» наоборот, расширяет поле используемых функций. Особенно широко и многообразно оно у тех, кто характеризуется выраженным поведением в области «контроля», что сопровождается «радужным», абсолютно не критичным восприятием влияния Интернета.

Страх отвержения приводит к тому, что с одной стороны личность считает Интернет источником многих проблем в жизни, но все равно пытается реализовать там свои потребности в привязанности и достижениях.

Наибольший интерес вызывает то, что требуемое поведение в области «аффекта», то есть стремление личности, чтобы другие вступали с ней в близкие эмоциональные контакты, может способствовать развитию собственного дела в Интернете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – М. : Наука, 2000, 351 с.
2. Кольцова, В. А. Усвоение понятий в условиях непосредственного общения / В. А. Кольцова // Проблема общения в психологии. – М., 1981. – С. 60–79.
3. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. – СПб. : Питер, 1997. – 688 с.
4. Мясищев, В. Н. Личность и неврозы / В. Н. Мясищев. – Л., ЛГУ, 1960. – 426 с.

Материал поступил в редакцию 19.09.14.

EFFECTS OF COMMUNICATION SPHERE OF A PERSON ON THE SPECIFICS OF ITS ACTIVITY IN THE INTERNET

N.S. Kozlova¹, I.R. Sushkov²

¹ Candidate Psychological Sciences, Associate Professor of Social Psychology Department

² Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of Social Psychology Department
Ivanovo State University (Ivanovo), Russia

Abstract. *The article considers the particular activity of a person in the Internet. The authors analyze influence of personality relationship features, sociability and the need for communication, communicative qualities on the involvement of a person in the virtual world. On the basis of empirical findings, the authors make a conclusion of the role of communicative sphere in the process of person presence in the network.*

Keywords: *internet environment, communicative, need for communication, relationships, communicative abilities, affiliation motive.*

УДК 159.937.23

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ОЦЕНКЕ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ***Е.С. Назарова¹, Н.Ю. Шалаева²**¹ студент магистерской подготовки «Психология личностного и профессионального развития»,² аспирант кафедры общей психологии

Самарский государственный университет (Самара), Россия

***Аннотация.** В статье приводятся результаты исследования влияния помогающего поведения на оценку межличностной привлекательности человека. Автор рассматривает соотношение роли физической привлекательности и воспринимаемых личностных качеств, проявляющихся в поведении человека, с целью оценить силу каждой из переменных, задействованных в заключительной оценке межличностной привлекательности.*

***Ключевые слова:** социальное поведение, помогающее поведение, межличностная привлекательность, физическая привлекательность.*

Почему люди притягивают друг друга? Научного ответа на этот вопрос нет, в обыденных представлениях это объясняется произвольной симпатией, необъяснимым родством душ и т.д. В данной работе мы заинтересованы рассмотреть соотношение роли внешности человека (физической привлекательности) и воспринимаемых личностных качеств, проявляющихся в поведении человека, и оценить силу каждой из переменных, задействованных в заключительной оценке межличностной привлекательности.

Согласно Дж. И. Л. Палмер внешний вид играет центральную роль в физическом влечении к человеку, однако, и социальные качества имеют важное значение при выборе партнеров [7, с. 102].

Мы исходим из того, что восприятие другого человека социально обусловлено. Разделяя идеологию социально-перцептивного подхода [1, с. 49], сконцентрированного на вкладе в перцептивные процессы социальных обстоятельств, способных исказить восприятие предметной среды, мы заинтересованы в поиске факторов, способных повысить оценку физической привлекательности человека, но не связанных с манипуляциями с внешностью.

Lewandowski с соавторами полагают, что личностные качества оказывают влияние на оценку черт лица, которые кажутся более или менее привлекательными в зависимости от информации от владельца. Авторы выдвигают гипотезу о том, что результатом влияния информации на восприятие физической привлекательности будет увеличение привлекательности при положительной информации и уменьшение при негативной, и подтверждают это [10, с. 581].

Положение о том, что особенности поведения человека влияют на оценку межличностной привлекательности, подтверждает и наше исследование 2012–2013 года, в котором мы установили, что фактором формирования межличностной привлекательности является наличие эгоистического поведения, способствующее снижению ценности партнера для отношений различной степени близости и долговременности [4, с. 307].

По результатам исследования мы ожидаем, что информация о помогающем поведении определит оценку межличностной привлекательности человека.

Процедура и методы исследования. В оценке высоко привлекательных моделей приняли участие студенты психологического факультета очного и заочного отделения в возрасте от 18 до 37 лет, 19 мужчин и 79 женщин. В оценке средне привлекательных – студенты очного отделения психологического и механико-математического факультетов в возрасте от 18-ти до 23 лет, 62 женщины и 11 мужчин.

Степень физической привлекательности моделей была оценена группой испытуемых, состоящей из 10-ти человек, с использованием 7-ми бальной шкалы. Оценка физически привлекательных моделей составляет от 5-ти до 5.5 баллов, оценка средне привлекательных – 3.2 – 4.0.

Сконструированная нами ситуация межличностного восприятия включала оценку высоко или средне привлекательных лиц людей, опосредованную их фотоизображением. По данным Демидова А.А. [2, с. 24], восприятие индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица не зависит от того, происходит ли оно непосредственно через визуальный контакт или опосредованно фото- или видеоизображением.

В качестве информации мы составили 4 истории, основанные на реальных фактах. Варианты историй были составлены нами исходя из определения помогающего поведения, данного Ильиным Е. П. [5, с. 8]. В его понимании проявлением доброты считается действие, которое направлено на повышение степени благополучия другого человека, при этом оно не приносит внешнего вознаграждения помогающему субъекту. Например, спасение жизни утопающего человека.

Шкалы для оценки изображений людей составляют факторы Большой Пятерки, а также были добавлены шкалы, связанные с физической и межличностной привлекательностью. Данные шкалы содержат следующие измерения:

1) Привлекательности для романтических отношений: красивый, обаятельный, привлекательный как партнер для нескольких встреч, привлекательный как супруг, физически здоровый, материально обеспеченный.

2) Привлекательности для дружеских отношений: хочу иметь такого друга, хочу иметь такого коллегу, доброжелательный, общительный, сознательный, тревожный, умный.

Испытуемым в экспериментальных группах предъявлялись фотоизображения, а также истории, содержащие информацию о помогающем поведении, контрольным группам – изображения физически привлекательных и средне привлекательных лиц.

Результаты исследования. В работе использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Анализ результатов показал, что информация о помогающем поведении не влияет на оценку межличностной привлекательности физически привлекательных и средне-привлекательных моделей.

Были обнаружены достоверные различия по шкалам: доброжелательный ($U = 1772.5$, $p = 0.02$), сознательный ($U = 1661.5$, $p = 0.01$). Женщины более склонны рассматривать помогающих людей как более сознательных и доброжелательных.

Различий в оценках межличностной привлекательности в зависимости от пола испытуемых и пола модели при предъявлении фотоизображения физически привлекательных и средне привлекательных моделей обнаружено не было. Помогательное поведение мужчин и женщин, оцениваемое мужчинами и женщинами, не увеличивает привлекательность для деловых и дружеских взаимоотношений.

В целом, полученный нами результат противоречит зарубежным исследованиям, о которых упоминалось ранее. Также в исследовании Шалаевой Н. Ю. по изучению социальных представлений о привлекательности, выполненных на русскоязычной выборке был выявлен интересный факт. Так, испытуемых спрашивали о том, что значит для них красивый/привлекательный человек, и наиболее часто при описании красивого человека упоминалась категория «доброта» (отзывчивость, доброжелательность). Ее употребили более половины респондентов [8, с. 988].

Мы полагаем, что на сознательном уровне, люди верят в то, что внутренние качества делают человека красивым, недооценивая влияния внешней привлекательности. Если красота – это эволюционное преимущество, то ее притягательность обусловлена бессознательными импульсами, влияние которых и обнаруживается в эксперименте, и не выявляется в опросах. Испытуемые предъявляют исследователю социально желательные идеи, которые являются внешне «правильными», но на глубинном уровне не разделяются молодыми людьми.

Полученный нами результат противоречит обыденным представлениям о ценности внутренних достоинств при сравнении с внешними особенностями, характеризующими красивого человека. В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой указывается на то, что слова красивый, красота могут иметь два аспекта значения: внешняя красота и глубина внутреннего содержания [3, с. 986]. Согласно результатам исследования, при оценке незнакомого человека эти измерения независимы друг от друга.

В исследовании 2013-го по изучению поведенческого аспекта по отношению к привлекательному и непривлекательному человеку, были выявлены типы социальных установок в отношении красивого (привлекательного) человека, на основе которых была создана авторская классификация типов красоты, существующих в сознании современного общества. Кратко их можно представить как «Красота – это внутренний мир», «Красота – это внешний образ», Красота – это природная естественность», «Красота – это гармония внутреннего и внешнего», «Красота – это человеческое в человеке». [9, 136–137].

Можно предположить, что в нашем исследовании доминирующей установкой и, соответственно, доминирующим типом красоты является «Красота – это внешний образ» и участвовавших в исследовании молодых людей притягивала в большей степени внешняя привлекательность моделей.

Нами также было обнаружено, что помогающее поведение внутри пола не увеличивает привлекательность для деловых и дружеских взаимоотношений. Это указывает на низкую ценность помогающего поведения в современном обществе. Скорее всего, более привлекающими факторами будут выступать социальные связи и положение в обществе. Согласно Майерсу, вознаграждения, которые приносят отношения с окружающими, являются одним из факторов формирования межличностной привлекательности. По его мнению, человека влекут к себе люди, в отношениях с которыми он получает больше, чем вкладывает [6, с. 447].

Выводы и заключение. Сообщение о помогающем поведении незнакомого человека не оказывает влияние на оценку его межличностной привлекательности.

Оценка физической привлекательности внешне красивого человека не изменяется в результате получения информации о помогающем поведении этого человека. Оценка межличностной привлекательности, выраженная в приписываемых социально желательных чертах и в устанавливаемой социальной дистанции с внешне красивым человеком, не изменяется в результате получения информации о помогающем поведении этого человека.

Оценка физической привлекательности средне привлекательного человека не изменяется в результате получения сообщения о проявлении доброты этого человека. Оценка межличностной привлекательности тоже не изменяется под влиянием этой информации.

Существуют половые различия между испытуемыми в приписывании личностных черт незнакомому человеку. Женщины более склонны рассматривать помогающих людей как более сознательных и доброжелательных. Разницы в оценке непосредственно межличностной привлекательности обнаружено не было.

Помогательное поведение мужчин и женщин, оцениваемое мужчинами и женщинами, не увеличивает привлекательность для деловых и дружеских взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
2. Демидов, А. А. Оценка индивидуально-психологических особенностей человека по выражению его лица в различных ситуациях восприятия : Автореф. Дис. ... канд. Психол. наук : 19.00.01 / А. А. Демидов. – М., 2009. – 26 с.
3. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Т. 1. А-Л / Т. Ф. Ефремова. – М.: Издательство : АСТ, Астрель, Харвест, 2006. – 1168 с.
4. Зорина, С. В. Просоциальное поведение как фактор межличностной привлекательности / С. В. Зорина, Е. С. Назарова, Н. Ю. Шалаева // Эволюционная и сравнительная психология в России : традиции и перспективы / Под. ред. А. Н. Харитонова, Институт психологии РАН, Москва, 2013, с. 304–310.
5. Ильин, Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2013. – 304 с.
6. Майерс, Д. Социальная психология : Пер. с англ. / Д. Майерс. – СПб. : Питер, 1997. — 688 с.
7. Палмер, Дж., Палмер, Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo Sapiens / Дж. Палмер, Л. Палмер. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.
8. Шалаева, Н. Ю. Особенности социального представления о привлекательности в современном обществе / Н. Ю. Шалаева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 15, № 2 (4), 2013.
9. Шалаева, Н. Ю. Гудзовская, А. А. Типы социальных установок в отношении привлекательности/непривлекательности другого человека / Н. Ю. Шалаева, А. А. Гудзовская // Вестник Самарского муниципального института управления : теоретический и научно-методический журнал. – Самара : Изд-во «САГМУ», 2013. – № 3 (26). – 172 с. С. 133–141.
10. Gary, W. Personality goes a long way : The malleability of opposite-sex physical attractiveness / W. Gary, Jr. Lewandowski, A. Arthur and others // Monmouth University and State University of New York, Stony Brook. Personal relationships, 14 (2007), 571–585 p.

Материал поступил в редакцию 27.09.14.

BEHAVIORAL ASPECT IN THE ASSESSMENT OF INTERPERSONAL ATTRACTIVENESS

E.S. Nazarova¹, N.Yu. Shalaeva²

¹ Student of Master training program “Psychology of Personal and Professional development”,

² Postgraduate Student of General Psychology Department
Samara State University (Samara), Russia

***Abstract.** The article presents the results of a study on the effect of helping behavior on the assessment of interpersonal attractiveness. The author examines the ratio of the role of physical attractiveness and perceived personal qualities manifested in human behavior in order to assess the strength of each of the variables involved in the final evaluation of interpersonal attraction.*

***Keywords:** social behavior, helping behavior, interpersonal attraction, physical attractiveness.*

УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СТИЛЬ ЛИЧНОСТИ КАК СУБЪЕКТА ПРАВА

А.К. Свиридов, кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права
Университет Российской академии образования (Москва), Россия

***Аннотация.** В статье анализируются особенности проявления стиля индивидуальности при принятии управленческих решения, а также защитные механизмы, наиболее часто реализующиеся при принятии противоправных решений.*

***Ключевые слова:** стиль индивидуальности личности, правовое поведение, защитные механизмы, паттерны.*

Современное состояние правового развития российского общества все чаще связывается с невниманием к психологическому аспекту данной проблемы. Отмечается, что на фоне происходящих социально-экономических перемен происходит утрата смыслообразующих ценностей в общественном и индивидуальном сознании.

Современная наука все большее внимание начинает уделять психологическим проблемам правового поведения, роли индивидуального фактора в формировании мотивов правовой деятельности (Г. А. Берулава, В. В. Знаков, А. Р. Ратинов, О. Д. Ситковская и др.).

Психологические аспекты правовой деятельности рассматриваются в значительной степени с позиции социальной психологии, а также с точки зрения психологии личности. В рамках данного направления представлена стилевая тематика, в частности, исследования механизмов правовой активности субъекта в русле исследования стилевых паттернов поведения.

Стиль индивидуальности – интегральная характеристика функциональной системы индивидуальных свойств, которая проявляется в составляющих человеческой активности, не контролирующихся сознанием и направленных на удовлетворение базовых потребностей субъекта [1].

Стиль индивидуальности, который проявляется в разнообразных формах психической активности, в первоначальной стадии не контролируется сознанием, и здесь начальным моментом является то, что бессознательное не есть некая обособленная целостность, противопоставляемая сознательному. Неосознаваемые психические процессы могут вызывать изменения в осознаваемой психической деятельности и могут регистрироваться за счёт этих изменений.

Стиль индивидуальности, являясь достаточно устойчивым, в значительной степени детерминирует образ профессиональной деятельности человека. В различных профессиональных группах «образ мира» формируется по-разному, включая как компоненты индивидуального сознания, так и коллективного сознания той или иной группы.

Одними из самых значимых в современной ситуации правовой цивилизации являются прагматичные причины противоправных поступков [2]. Наибольшая группа прагматичных поступков связана с экономической ситуацией, как индивидуальной, так и общественной, производственной.

Зачастую при принятии противоправных решений профессионалами существует мотивационный конфликт, обусловленный тем, что прагматизм, экономические интересы идут в разрез с правовыми, моральными и этическими нормами. Нужно учесть, что в подобной ситуации часто срабатывает определенный механизм психологической защиты, человек либо оправдывает решения сиюминутной экономической выгодой, либо желает «соответствовать рабочему месту», продвигаться по службе и т. П.

Принятие противоправного решения политиками и властными структурами может иметь популистские цели, в случае, если оно предлагает решить реальные экономические или социальные проблемы. Обычно в этом случае в общественном сознании манипулятивным воздействием пропаганды средств массовой информации, подготавливается почва для положительной оценки решения. Положительные стороны противоправного по сути действия гипертрофируются, а информация о возможном ущербе замалчивается, либо в значительной степени минимизируется. Управленцы зачастую используют политику, как способ разрешения конфликтов разного уровня; между интересами государства и региона, между региональными группами интересов, интересов местного самоуправления и т. П. [5].

К прагматическим причинам противоправных поступков можно отнести и такие, целью которых является неоправданное использование различных объектов, как источника удовлетворения потребностей граждан. Например, с позиций сохранения природной среды, часто немалый вред наносится диким побережьям в ходе превращения их в рекреационные зоны, зоны активного туризма. Прагматизм и антропоцентризм данного отношения к природе налицо, однако, опять же, в силу преобладания антропоцентрического сознания такие действия находят поддержку у большой части населения.

Характерно, что у каждого человека существует базовая потребность быть в своих глазах и в глазах общественного мнения хорошим человеком и не быть злодеем. Вследствие этого совершение социально неодобряемых действий – есть всегда результат борьбы нескольких конфликтующих между собой мотивов. Мотив быть «хорошим человеком» преломляется после совершения поступка посредством защитных механизмов в некую когнитивную конструкцию, призванную обелить человека в своих глазах и в глазах общества.

С помощью использования определенных защитных паттернов, субъект бессознательно использует

психофизиологические защитные механизмы саморегуляции. В качестве таковых можно рассматривать следующие механизмы защиты, которые используются человеком после совершения каких-либо социально неодобряемых действий, для того, чтобы сохранить необходимую самооценку и которые, в рассматриваемом нами контексте, носят специфическую окраску и звучание:

- механизм вытеснения, который представляет собой процесс «извлечения» из сознания, «забывания» неприятных для человека событий;
- механизм проекции, связанный с перенесением своих мыслей и желаний на другие объекты;
- механизм замещения, состоящий в том, что человек объясняет себе, что его поведение является реакцией компенсации в ответ на незаслуженную обиду;
- механизм рационализации, используемый для доказательства человека самому себе, что его поступок имел рациональную основу;
- механизм компенсации, заключающийся в данном случае в стремлении сохранить самооценку за счет совершения параллельно каких-либо социально одобряемых действий;
- механизм фантазирования, который в данном случае состоит в том, что человек после совершения социально неодобряемых действий, понимая, что он совершил неблагоприятный поступок, стремится забыться в мире грез и фантазий;
- механизм ухода, как некий физиологический уход от проблемы за счет обращения к специальным средствам (алкоголь, наркотики и т. П.).

Защитные механизмы мышления – это не только операции, совершаемые в голове индивида, но и акты взаимодействия с миром. Исследование данных механизмов базируется на тезисе о том, что объединяющим началом для целостности психики является активный субъект, осуществляющий психическое как процесс взаимодействия с миром в процессе континуального развития [3].

Каждый человек пользуется только определенным набором защитных механизмов. Полученные данные свидетельствуют о том, что влияние стиля индивидуальности на выбор субъектом психологических защитных механизмов в процессе совершения социально неодобряемой деятельности является достаточно дифференцированным [4].

Наиболее предпочитаемыми для представителей с интегрально-теоретическим стилем оказались механизмы рационализации, проекции и замещения. Практически не используются лицами с данным стилем индивидуальности такие психологические механизмы защиты как вытеснение, компенсация, фантазирование, уход.

Лица с интегрально-деятельностным стилем индивидуальности предпочитают делать опору на механизмы рационализации и замещения. Незначительно представлены механизмы компенсации и ухода. Отсутствует статистически значимая опора на такие механизмы защиты как вытеснение, проекция, фантазирование.

Представители с интегрально-эмоциональным стилем индивидуальности чаще всего апеллируют к механизмам проекции, фантазирования, замещения и гораздо в меньшей степени – к механизмам ухода и вытеснения. Не представлены на статистически значимом уровне такие механизмы защиты, как рационализация и компенсация.

Наиболее предпочитаемыми для респондентов с дифференциально-теоретическим стилем индивидуальности, также, как и для лиц с интегрально-теоретическим стилем, оказались механизмы рационализации, проекции и замещения. При этом, по сравнению с указанным стилем, несколько в большей степени осуществляется опора на механизмы рационализации. Фактически не представлены механизмы компенсации, фантазирования и ухода.

Респонденты с дифференциально-деятельностным стилем индивидуальности наиболее часто делают опору на механизмы рационализации, проекции и замещения. В значительно меньшей степени они используют механизмы компенсации. Не используются ими для поддержания психологического комфорта в процессе противоправных действий механизмы вытеснения, фантазирования и ухода.

Наиболее предпочитаемыми для лиц с дифференциально-эмоциональным стилем оказались механизмы проекции, замещения и фантазирования. В значительно меньшей степени они опираются на механизмы рационализации и ухода. Отсутствует какая-либо опора на механизмы вытеснения и компенсации.

Таким образом, для поддержания удовлетворяющей самооценки после совершения социально неодобряемых действий наиболее часто используются такие защитные механизмы мышления как проекция, замещение, рационализация. Существенно реже используются фантазирование, компенсация, уход и совсем редко – вытеснение.

Поэтому учет стиля индивидуальности служит важным условием стимуляции правового поведения личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берулава, Г. А. Стиль индивидуальности: теория и практика / Г. А. Берулава. – М. : Педагогическое общество России, 2001. – 236 с.
2. Берулава, М. М. Стилиевые детерминанты управленческой деятельности / М. М. Берулава. – М. : МАГО, 2001. – 121 с.
3. Волков, Е. Н. Анализ жизненного решения: проверка на манипулирование и контроль сознания / Е. Н. Волков // Журнал практического психолога. – 2000. – № 1–2. – С. 126–128.
4. Худоянц, М. В. Влияние стиля индивидуальности на выбор субъектом психологических защитных механизмов в процессе правонарушений. Автореферат дис. ... канд. Психол. наук : 19.00.01. / М. В. Худоянц. – Сочи, 2003. – 24 с.
5. Яницкий, О. Российская экополитика в трех измерениях // Pro et Contra. Экология и политика. – Т. 7. – № 1. Издание Фонда Карнеги за Международный Мир / О. Яницкий. – М. : Издательство «Гендальф», 2002. – С. 7–32.

Материал поступил в редакцию 28.09.14.

PSYCHOLOGICAL PERSONALITY STYLE AS A SUBJECT OF LAW

A.K. Sviridov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Economics and Law Department
University of the Russian Academy of Education (Moscow), Russia

***Abstract.** The paper analyzes the manifestation features of individuality style in making management decisions, as well as defense mechanisms that are frequently realized when making unlawful decisions.*

***Keywords:** individuality style, legal behavior, defense mechanisms, patterns.*

УДК 159.9

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ДОВЕРИЯ ЛИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ОКРУЖАЮЩИМИ

В.А. Сумарокова¹, Л.А. Журавлева²^{1,2} кандидат психологических наук, доцент

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Москва), Россия

Аннотация. Доверие личности может быть дифференцировано на различные психологические виды. Организационное и управленческое доверие связано с поддержанием внутриорганизационной системы доверительных отношений. Правовое, политическое и экономическое доверие включают доверие общества органам власти и финансово-экономическим институтам. Нравственное и психологическое доверие основаны на уверенности в соблюдении морально-этических норм, способствующих доверительности отношений между людьми.

Ключевые слова: доверие, доверительные отношения, личность, социально-психологические феномены.

Феномен доверия часто рассматривается в контексте разработки ряда других социально-психологических проблем: социально-психологического внушения, социально-психологических аспектов авторитета, значимых других, восприятия и общения, межличностных отношений, в том числе доверительных отношений [5, 9, 11, 21, 29–30, 41]. Проблематика доверия отражена в ряде работ, где она выступает в качестве предмета специального исследования [1, 3, 7, 14–15, 17, 19–20, 36–38]. В настоящее время актуальным представляется изучение доверия в контексте общения личности [4, 16, 18, 22, 35].

Значительный интерес вызывают работы, рассматривающие доверие как социальную и общественную проблему. Феномен доверия включен в межличностные и межгрупповые отношения, во взаимоотношение личности и общества, что традиционно изучается социально ориентированными отраслями психологии [2, 10, 13, 23–28, 31, 33–34, 40, 42–44, 46]. Феномен доверия, доверительных отношений к другим людям рассматривается и в контексте проблем саморегуляции человека, социальной зрелости, индивидуального и группового опыта [6, 8, 32, 39, 45]. Следует отметить междисциплинарный характер изучения проблемы доверия. Исследования феномена доверия ведутся в различных отраслях науки. По терминологии А. Л. Журавлева [12] здесь вполне уместно говорить о «внешнепсихологической междисциплинарности». В последнее время развивается комплексное направление исследований доверия, включающее разные отрасли психологической науки (психология личности, социальная и дифференциальная, экономическая, организационная психология и т. Д.).

Во многих работах доверие рассматривается как однородный феномен, однако, он может быть дифференцирован на различные психологические типы или виды, так как в основе доверия могут лежать разные явления. В исследованиях авторы выделяют ряд основных видов доверия. Их можно представить следующим образом:

1. *Организационное доверие.* Под доверием в организации, как отмечают исследователи, понимается приобретение членами коллектива достоверной информации о разнообразных видах активности в организации, а также неразглашение информации, которая может принести вред организации.

2. *Управленческое доверие* предполагает эффективное функционирование организации при наличии доверительных отношений между руководителями и подчиненными. Доверие работников к руководителям коррелирует с компетентностью, справедливостью по отношению к нижестоящим.

3. *Экономическое доверие* – это более широкое понятие. Оно включает:

- доверие граждан к финансово-экономическим институтам (банкам, фондам, кредитным учреждениям);
- доверие государственных органов власти частным институтам;
- доверие граждан и предпринимателей государственным регулирующим органам;
- доверие частных структур друг другу.

4. *Политическое доверие.* Доверие населения к органам власти, уверенность в правильности деятельности власти и политических структур порождает чувство защищенности у населения.

5. *Правовое доверие* близко связано с политическим доверием и может быть охарактеризовано как уверенность в правильности действий сил, защищающих права граждан, их свободу.

6. *Нравственное доверие* – это доверие другому, основанное на уверенности, убежденности, что полученная информация или предпринимаемые им действия не будут использованы против кого-либо, а моральные или нравственно-этические нормы будут соблюдены.

7. *Психологическое доверие,* помимо нравственного доверия, предполагает наличие и других факторов, которые помогают испытывать доверие другому человеку без опасений. Такими факторами выступает предыдущий опыт общения, близость отношений, а также ситуативное проявление доверия (спонтанное желание раскрыться) и многое другое.

Подробно обсудим следующую точку зрения. Американские психологи Р. У. Lewicki и В. В. Bunker [47] выделили три типа доверия, возникающие в деловых отношениях. Первый тип – *доверие по расчету*; вто-

рой тип – *доверие, основанное на знаниях*; третий тип – *доверие по тождеству*. Первый тип доверия, основанный на чистом расчете необходим для извлечения пользы в отношениях с каким-либо человеком. Таким образом люди проявляют доверие не из-за личной симпатии к человеку, а в силу меркантильных потребностей. Второй тип доверия основан на знании о другом человеке. Достаточно хорошее знание другого человека помогает прогнозировать поведение, дает знание того, стоит ли ему довериться или нет. Третий тип доверия – доверие по тождеству. Такие отношения могут возникать из-за того, что люди воспринимают друг друга в чем-то похожими на себя, из-за этого легко возникает взаимопонимание в поступках, рассуждениях, планировании и т. Д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоненко, И. В. Социально-психологическая концепция доверия / И. В. Антоненко. – М. : Флинта, 2006.
2. Журавлев, А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии / А. Л. Журавлев. – М., 2011.
3. Журавлев, А. Л., Сумарокова, В. А. Доверие предпринимателей к разным видам организаций : региональные и половые различия / А. Л. Журавлев, В. А. Сумарокова // Ученые записки ИМЭИ. – 2012. – Т. 2. – № 1. – С. 34–42.
4. Журавлев, А. Л. Коммуникативные качества личности руководителя и эффективность руководства коллективом / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 1983. – Т. 4. – № 1.
5. Журавлев, А. Л. Основные тенденции развития психологических исследований в институте психологии РАН / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 6. – С. 5–18.
6. Журавлев, А. Л. Психология коллективного субъекта / А. Л. Журавлев // Психология индивидуального и группового субъекта. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
7. Журавлев, А. Л., Сумарокова В. А. Региональные и половые различия доверия предпринимателей к разным видам организаций / А. Л. Журавлев, В. А. Сумарокова // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 36–45.
8. Журавлев, А. Л. Роль системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 1988. – Т. 9. – № 6.
9. Журавлев, А. Л., Позняков, В. П. Социальная психология российского предпринимательства : Концепция психологических отношений / А. Л. Журавлев, В. П. Позняков. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
10. Журавлев, А. Л. Социальная психология : Учеб. пособие / А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, М. А. Красников. – М. : Форум, 2008.
11. Журавлев, А. Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 6–16.
12. Журавлев, А. Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии / А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2002. – № 6.
13. Журавлев, А. Л., Позняков, В. П. Экономическая психология : теоретические проблемы и направления эмпирических исследований / А. Л. Журавлев, В. П. Позняков // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т. 1. – № 3. – С. 46–64.
14. Журавлева, Л. А. Гендерные различия типов доверия личности к окружающим / Л. А. Журавлева // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). – 2009. – № 8. – С. 172–176.
15. Журавлева, Л. А. Исследование типов доверия и отношения личности к людям / Л. А. Журавлева, В. А. Сумарокова // Ученые записки ИМЭИ. – 2012. – Т. 2. – № 1. – С. 87–97.
16. Журавлева, Л. А. Связь общительности личности и доверия к людям : автореф. Дис. ... канд. Психол. наук : 19.00.01 / Л. А. Журавлева. – М., 2004.
17. Журавлева, Л. А. Типы доверия и отношение студентов к окружающим на разных этапах профессионализации / Л. А. Журавлева, В. А. Сумарокова // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 244–251.
18. Журавлева, Л. А., Сумарокова, В. А. Исследование характеристик общительности личности / Л. А. Журавлева, В. А. Сумарокова // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 2. – С. 176–183.
19. Журавлева, Л. А., Сумарокова, В. А. К вопросу о видах и функциях доверия / Л. А. Журавлева, В. А. Сумарокова // Современный взгляд на будущее науки. – Уфа, 2014. – С. 165–170.
20. Журавлева, Л. А. Психологические особенности доверия личности с разными социально-демографическими характеристиками / Л. А. Журавлева // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. – Нижневартовск, 2014. – С. 5–6.
21. Личность профессионала в современном мире. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
22. Ломов, Б. Ф. Особенности познавательных процессов в условиях общения / Б. Ф. Ломов // Психологический журнал. – 1980. – Т. 1. – № 5.
23. Ломов, Б. Ф., Журавлев А. Л. Психология и управление. Новое в жизни, науке, технике. Т. 7 / Б. Ф. Ломов, А. Л. Журавлев. – М. : Знание, 1978.
24. Макропсихология современного российского общества. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
25. Парадигмы в психологии : науковедческий анализ. – М., 2012.
26. Прогресс психологии : критерии и признаки. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
27. Психологические исследования проблем современного российского общества. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
28. Психологические проблемы современного российского общества. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
29. Психологическое воздействие : Механизмы, стратегии, возможности противодействия. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
30. Психология адаптации и социальная среда. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
31. Психология сегодня : Теория, образование и практика. – М., 2009.
32. Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
33. Психология управления в современной России: теория, эмпирические исследования, практика. – Тверь : Тверской гос. Ун-т, 2010.

34. Рубцов, В. В., Журавлев А. Л. Образование одаренных – государственная проблема / В. В. Рубцов, А. Л. Журавлев, А. А. Марголис и др. // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 4. – С. 5–14.
35. Сафонов, В. С. Особенности доверительного общения : дис. ... канд. Психол. наук : 19.00.05 / В. С. Сафонов. – М., 1978.
36. Сидоренков, А. В., Сидоренкова, И. И. Доверие в малых группах / А. В. Сидоренков, И. И. Сидоренкова // Вопросы психологии. – 2011. – № 1. – С. 94–105.
37. Скрипкина, Т. П., Тугова, Е. А. Доверие в структуре профессиональной компетентности учителя / Т. П. Скрипкина, Е. А. Тугова // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 1. – С. 45–51.
38. Скрипкина, Т. П. Доверие как социально-психологическое явление : дис. ... докт. Психол. наук : 19.00.05 / Т. П. Скрипкина. – Ростов н/Д., 1998.
39. Совместная деятельность : Методология, теория, практика. – М. : Наука, 1988.
40. Социальная психология экономического поведения. – М., 1999.
41. Социальная психология : Учеб. пособие. – М. : ПЭР СЭ, 2002.
42. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
43. Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
44. Теория и методология психологии : постнеклассическая перспектива. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
45. Феномен и категория зрелости в психологии. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
46. Шушпанов, С. С. Доверие и справедливость: зависимость формирования представлений о справедливости от общественного доверия / С. С. Шушпанов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (88). – С. 9–13.
47. Lewicki, R. J., Bunker, B. B. Trust in relationships: a model of trust development and decline / R. J. Lewicki, B. B. Bunker // Conflict, Cooperation, and Justice : Essay inspired by the work of Morton Deutsch. – San Francisco : Jossey-Bas, 1995.

Материал поступил в редакцию 05.09.14.

SOME TYPES OF PERSON TRUST IN THE INTERACTION WITH OTHERS

V.A. Sumarokova¹, L.A. Zhuravleva²

^{1,2} Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov (Moscow), Russia

Abstract. *The person trust can be differentiated into various psychological types. Organizational and managerial trust are associated with the maintenance of intraorganizational system of trust relationships. Legal, political and economic trust include public trust to authorities and financial and economic institutions. Moral and psychological trust are based on the assurance in observance of moral and ethical norms that promote trust relationships between people.*

Keywords: *trust, trust relationships, personality, social and psychological phenomena*

УДК 159.9

ГРАЖДАНСКИЕ УСТАНОВКИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОБЩЕГО УРОВНЯ СМЫСЛОВОГО РАЗВИТИЯ СОЛДАТ ПО ПРИЗЫВУ

И.С. Шахова, магистр психологии

Восточно-Сибирская государственная академия образования (Иркутск), Россия

***Аннотация.** В статье описываются результаты исследования смысловой сферы юношей, проходящих службу в армии, показана взаимосвязь между гражданскими установками личности и общим уровнем ее смыслового развития. Обоснован тезис о продуктивности использования модифицированных методик психосемиотического анализа текстов и методики предельных смыслов для диагностики гражданских установок.*

***Ключевые слова:** развитие; личность; личностные смыслы; гражданские установки, армия.*

Как Исторический опыт, так и события последних месяцев возвращают нас к пониманию огромной роли армии в жизни любого государства. Связующим звеном, духовно цементирующим общество и Вооруженные Силы, создающим предпосылки их целостности, является идея, сплачивающая людей в единый народ, которая должна присутствовать в общественном сознании. В данном случае под идеей подразумевается историческое существование и историческое сознание народа, а также выражение его исторических задач.

Влияние идей всегда было весьма значительным в военном деле. Без идейного обоснования невозможны не только победы на войне, но и само воинское воспитание, предшествующее этим победам. [1].

К числу важнейших идей, составляющих основу воинского воспитания, принадлежит идея государства. Гражданин, который несет свою государственную принадлежность против своей воли и без своего внутреннего согласия, представляет собой не только духовно нездоровое, но и политически опасное явление. Воспитанию гражданственности необходимо уделять внимание. В Вооруженных Силах создана система общественно-государственной подготовки, которая сегодня является одной из ведущих форм воспитательной работы. [2]

Осознавая важность развития такого качества личности как гражданственность, нами было проведено исследование смысловой сферы юношей, проходящих службу по призыву в армии. Под гражданственностью понимается осознание себя как гражданина своей страны, осознание своих гражданских прав и обязанностей по отношению к государству.

Заметим, что при психологической специфичности гражданственности, а также очевидной значимости этой личностной характеристики для процессов адаптации и самореализации человека, уровень ее изученности в психологии невысок. В представленном исследовании мы в некоторой степени пытались восполнить этот пробел.

Гипотезой явилось утверждение, что существует взаимосвязь между гражданскими установками личности и общим уровнем ее смыслового развития. При этом личностные смыслы мы, вслед за А. Н. Леонтьевым, понимаем как системообразующее свойство личности, являющееся доминантным в определении особенностей ее функционирования.

Психологическое исследование проводилось на базе гвардейской ракетной Витебской ордена Ленина Краснознаменной дивизии, дислоцирующейся в настоящее время в г. Иркутске. С момента создания в 1920 году по настоящее время соединением пройден огромный путь, полный героических примеров подвигов воинов-ракетчиков. Образована дивизия была в Армении в годы гражданской войны, во время Великой Отечественной войны сыграла немаловажную роль в битве под Сталинградом, участвовала в боях под Курском и Белгородом, в освобождении Белоруссии и Прибалтики. За годы ВОВ 32 воинам Иркутского соединения было присвоено звание «Героя Советского Союза». Имена героев навечно прописаны в именных книгах воинских частей Ракетной дивизии. Таким образом, молодые люди, пришедшие для прохождения службы, попадают в среду с богатым историческим и боевым прошлым.

Исследование проводилось среди солдат, проходящих службу по призыву, в качестве контрольной группы привлекались студенты Иркутского регионального педагогического колледжа. В нем приняли участие в общей сложности 55 человек (37 – солдаты, сержанты, проходящие воинскую службу по призыву, 18 – студенты – юноши Иркутского регионального педагогического колледжа). Возраст молодых людей экспериментальной и контрольной группы от 18 до 24 лет.

Исследование проходило в два этапа, первый этап – в период ввода в строй военнослужащих после призыва в ряды Вооруженных Сил, второй этап – перед увольнением в запас.

Для выявления взаимосвязи личностного смысла с гражданскими установками нами были использованы модифицированные варианты методики предельных смыслов (Д.А. Леонтьев) и психосемиотического анализа сочинений (И. М. Кыштымова).

С целью получения данных о зависимости динамики личностного смысла от гражданских установок методика психосемиотического анализа сочинений [3, с. 58–62] была дополнена категорией «Гражданские установки». При выделении «Гражданских установок» мы исходили из понимания гражданственности как сложного, интегративного социокультурно-обусловленного, развивающегося личностного качества, в основе которого лежит определенная система отношений личности к государству, обществу, другим людям, к себе как гражданину, к своим гражд-

данским правам и обязанностям, а также установки как совокупности доминирующих гражданских отношений с соответствующей этим отношениям избирательной активностью, проявляющейся, прежде всего, в реализации и отстаивании собственных гражданских интересов, а также интересов гражданского общества и государства.

Данный критерий оценивался нами следующим образом: нулевой уровень – не выраженность, первый уровень – в сочинении затронуты понятия, которые можно отнести к гражданским установкам, второй уровень – гражданские установки явно выражены, отражают личностную позицию и направленность автора, третий уровень – весь смысл сочинения направлен на выражение себя как гражданина, патриота, осознающего свою ответственность и долг перед Родиной. Учитывая, что сочинения писались на свободную тему, самостоятельный выбор смыслового содержания данной направленности представляется нам весьма значимым для оценки выраженности в смысловой сфере юношей гражданских установок.

При проведении анализа сочинений по категории «гражданские установки» средние показатели на начальном этапе службы 0,32, в период окончания службы 0,47, произошел положительный сдвиг социальных свойств, качеств (гражданственности) личности молодых людей. Данный показатель коррелирует ($p = 0,037$) с показателем «ОЖ» (осмысленность жизни) теста СЖО.

При проведении контент – анализа результатов методики предельных смыслов [4] нами был введен дополнительный критерий «индекс гражданских установок» (ИГУ) для выявления взаимосвязи гражданских установок с другими показателями личностного смысла. Нами был определен удельный вес категорий, выражающих гражданские установки личности. При проведении анализа по критерию r_s -Спирмена была установлена положительная корреляция данного показателя с показателем N (ПК) – количеством предельных категорий ($p = 0,033$). По-видимому, наличие в структуре смысловой сферы личности гражданских установок может послужить признаком, указывающим на то, что у человека хорошо развитое разветвленное, структурированное мировоззрение. Человек с более развитым смысловым древом более успешен в нахождении предельных оснований своей деятельности.

Выявлена отрицательная корреляция индекса гражданских установок с индексом неготовности ($p = 0,027$). При росте гражданских установок повышается готовность личности действовать сообразно со сформировавшейся социальной направленностью, готовность к достижению социально-значимых и индивидуально необходимых целей в соответствии с имеющимися в обществе, государстве условиями, личными и моральными нормами.

С целью получения данных о зависимости динамики личностного смысла от наличия гражданских установок в смысловой сфере военнослужащих был проведен сравнительный анализ диагностических показателей между группой юношей, показавшей наличие гражданских установок и тех, у кого они не выражены.

Результаты сравнения двух групп по критерию Манна-Уитни на начальном этапе прохождения службы показали значительные различия в смысловой сфере юношей. Статистически значимые различия были выявлены по показателям «индекс децентрации» ($p = 0,035$), «осмысленность жизни» ($p = 0,008$), «цели» ($p = 0,041$), «результат» ($p = 0,025$), «локус Я» ($p = 0,025$), «локус Жизнь» ($p = 0,032$), «количество предельных категорий» ($p = 0,014$). Можно предположить, что молодые люди со сформированными гражданскими установками характеризуются и более развитыми показателями развития смысловой сферы в целом, мотивация к воинской службе у них проявляется на более высоком смысловом уровне. На заключительном этапе различия между группой юношей, показавшей наличие гражданских установок и тех, у кого они не проявились, не так выражены. По нашему мнению это свидетельствует о положительном влиянии воинской среды на личность тех юношей, у которых ранее гражданские установки в смысловой сфере не проявились. Статистически значимые различия выявлены по показателю «индекс неготовности» ($p = 0,022$). Молодые люди с выраженными гражданскими установками более решительны.

При оценке динамики по критерию Вилкоксона в группе воинов, у которых гражданские установки не выявлены, статистически значимый сдвиг произошел по показателям «образность» ($p = 0,039$), «средняя длина цепи» ($p = 0,050$), «осмысленность жизни» ($p = 0,024$).

В группе молодых людей, которые имеют гражданские установки, динамика произошла по показателям «ответственность» ($p = 0,035$), «гармонический центр» ($p = 0,025$), «время» ($p = 0,041$), «локус Жизнь» ($p = 0,033$). Обращает на себя внимание тот факт, что сдвиг произошел по тем же показателям, по которым зафиксирована динамика при анализе всей группы военнослужащих. Значимость данного наблюдения увеличивается, если учесть тот факт, что группа военнослужащих с выявленными гражданскими установками значимо меньше (10 человек с гражданскими установками, 27 – без), что само по себе является тревожным фактом, свидетельствующим о низком уровне гражданственности молодого поколения россиян.

По результатам проведенного эксперимента можно предположить, что служба в армии активизирует процессы переосмысления действительности и себя. В группе юношей, в смысловой сфере которых присутствуют гражданские установки, более высокие показатели личностных смыслов, смысловое древо более структурировано, это проявляется в готовности к действиям, не противоречащим сформированной жизненной позиции.

Результаты диагностики могут оказать практическую помощь руководству воинского подразделения в построении воспитательной работы с военнослужащими, решении задач формирования их гражданского самосознания;

Предложенные в работе методы оценки гражданских установок личности, представляющие собой модифицированные варианты МПС Д.А. Леонтьева и методики психосемиотического анализа текста И.М. Кыштымовой, могут использоваться в диагностической деятельности психологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баклановский, С. В. Справочник войскового психолога, 2000 / С. В. Баклановский. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.scienceforum.ru/2013>
2. Кузьмин, А. В. Воспитание патриота как педагогическая проблема / А. В. Кузьмин. – Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия – [Электронный ресурс]. URL : http://www.rusnauka.com/31_ONBG_2011/Pedagogica/6_96767.doc.htm
3. Кыштымова, И. М. Психосемиотическая методика диагностики вербальной креативности / И. М. Кыштымова // Психологический журнал РАН. – Т. 29. – № 6. – М., 2008. С. 57–67.
4. Леонтьев, Д. А. Методика предельных смыслов (методические рекомендации) / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999.

Материал поступил в редакцию 30.09.14.

CIVILIAN INSTALLATIONS AS AN INDICATOR OF THE GENERAL LEVEL OF SEMANTIC DEVELOPMENT SOLDIER

I.S. Shakhova, Master of Psychological Sciences
Eastern Siberian state Academy of education (Irkutsk), Russia

***Abstract.** This article describes the results of studies of semantic fields of boys serving in the the army, shows the relationship between the civilian installations and the overall level of its semantic development. The author justified the use efficiency of modified methods of psycho-semiotic analysis of texts and the methodology of limit for civil installations of meanings.*

***Keywords:** development; personality; personal meanings; civilian facilities, army.*

Sociological sciences
Социологические науки

УДК 316.012

КОЛОНИЗАТОРЫ И КОЛОНИЗИРУЕМЫЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СЕПАРАЦИИ

В.В. Рахмайлов, аспирант кафедры социологии и социальной работы
Классический частный университет (Запорожье), Украина

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблемы дифференциации колонизаторов и колонизируемых в социологической теории и исторической социологии как части дискурса колонизации/антиколонизации.*

***Ключевые слова:** колониализм, неоколониализм, колонизаторы, колонизационный дискурс, сепаратизм, сепарация.*

Колониальная эпоха завершилась тогда, когда, согласно широко распространенному убеждению в начале 1960-х, большинство колонизированных стран обрели государственную независимость. Тем не менее, интерес к феномену колониализма неуклонно растет. С одной стороны, становится все более очевидным, что колониальное господство и эксплуатация были важной частью развития современного мира. История капитализма или глобализации были тесно связаны с колониальными порядками. С другой колониальные отношения полностью не исчезли в настоящее время, как разговоры об американской или китайской «империи». Именно поэтому колониализм находится в прямой и непосредственной связи с сепаратизмом.

Так что же такое колониализм и как он соотносится с сепаратизмом? В традиционных определениях акцентируется внимание на трех аспектах: во-первых, на определенном территориальном соотношении господства – колониализм отличается от более широкой концепции империализма, который также предусматривает формы неформального контроля без претензии на территориальный суверенитет; во-вторых, колонизаторы и колонизированные социумы имеют разные социальные заказы и концепции собственной истории; в-третьих, идеологема различий в уровне развития колонизаторов и колонизируемых.

Описание Юргена Остерхаммела полезной отправной точкой по-прежнему остается анализ колониальных империй. Однако поиск не должен заслонять тот факт, после возможного точного и общепринятого определения, что колониальная действительность в значительной степени была сложной и неоднородной. Современный колониализм с 15-го века прошел через разные фазы и получил свою материализацию в огромном разнообразии форм. Морские империи португальцев и голландцев в 16-м и 17-м веке, созданные на основе контроля отдельных торговых постов, были противоположностью британских колоний поселенцев в Канаде или Австралии или бюрократического господства Японии в Корее.

Города-колонии, такие как Гонконг или Макао, имели мало общего с колониями в сельских районах Восточной Африки, где болезнь офицера из колониальной администрации могла парализовать административную работу в течение нескольких месяцев. Климатические и географические условия, структуры коренных обществ, механизмы экономической интеграции, претензии и задачи колонизаторов, а также реакций местных компаний часто настолько различны, что надо скорее говорить о колониализмах, чем о колониализме как о едином феномене.

«Колониализм, – замечает Ю. Остерхаммель, – означает отношения доминирования между этносоциальными общностями, в которых фундаментальные решения о жизни колонизированной общности принимаются культурно-отчужденным и вряд ли адаптирующимся меньшинством колонизаторов, при приоритетности внешних интересов колонизаторов над интересами колонизируемых. Таким образом, общим знаменателем доктрины колониализма выступает убеждение о культурном превосходстве колонизаторов над колонизируемыми».

Учитывая эту большую неоднородность, становится понятным, что определения всегда бывают лишь предварительными и вряд ли может быть найден только один инструмент концептуализации феномена. Это, например, очевидно, когда две распространенные формы демаркации посмотрите поближе: географическое расстояние и территориальной господства.

Таким образом, в теории колониализма, как правило, описывается как функция пространственно-удаленного центра; географическое разделение как составная часть колоний была представлена даже в резолюции Организации Объединенных Наций в 1960 как своеобразный политический тест, предназначенный для предотвращения сепаратистских движений, которые могут продать свою независимость, сочетая ее с устремлениями к деколонизации.

Однако, в качестве аналитического определения критерий пространственной удаленности является слишком жестким. Многие исторические формы, которые особенно интересны как предельные случаи колони-

ального исторического анализа, поэтому уже исключены из исторической практики в принципе: британское правление в Ирландии, японское включение Окинавы и Хоккайдо, администрации поляков в отдельных районах Германской империи, итальянская политика модернизации в Меццоджорно и многие другие.

Во-вторых, разделение неформальной (империалистической) и формальной составляющих колониализма и сепаратизма имеет место далеко не всегда. Так, Египет, например, не был официально управляемым до 1914 года хедивом и номинально находился под сюзеренитетом султана. Но даже если появляется в качестве яркого примера неформального управления (Генеральный консультативный британский консул был после 1882 реальным правителем страны) – вряд ли кто из губернаторов колоний получает обилие власти. Переходы от неформального территориального господства к различным формам косвенного управления, экономического управления и империалистической инфильтрации часто размыты.

Эти примеры показывают, что понимание колониальных отношений должно основываться на конкретных временных условиях. В то же время, важно также не продлить срок так, чтобы она на пределе и аналитически бесполезным. Если и существуют формы асимметричных отношений, лишённые «колониальных» аспектов, то тогда термин «колониализм» теряет свою специфику и мало чем отличается от более общих понятий доминирования и власти.

Полезным является историко-социальный аспект понимания специфики колониальных времен и ситуаций. Это также относится и к высокой фазе колониального миропорядка, имевшей место между примерно 1880 и 1960 г., которые по-прежнему проявляются в их долговременных структурных эффектах и в настоящем времени, и потому особенно сильно запечатлены в общественной памяти.

Эта фаза последовала во многом после ранних эпох; в Британской Индии, в французском Алжире, в голландской Индонезии и во многих других местах колониальное правление не было новым. Не были в новинку также механизмы контроля, иммиграции и экономической эксплуатации, к которым прибегала колониальная администрация. Кроме того, в этот период проявились все признаки эпохи «высокого империализма», равно как и большие различия между разными колониальными театрами. Но учитывая эти различия, можно еще говорить о независимой эпохе в истории колониализма, включающей как минимум пять особенностей.

Во-первых, консолидация колониальных империй и раздел Африки совпали с моментом отмены работорговли и рабства и обещали восполнить ее нехватку путем получения прямого доступа к местной рабочей силы.

Во-вторых, колониальное проникновение в конце 19-го века было уже стоящим фактом для промышленно развитых стран. Индустриализация средств власти – от парохода до пулемета – создали усиленную асимметрию между колонизаторами и колонизированными. Также активизировалось промышленное производство в крупных городах (здесь подразумевается не только капиталы, но и колонизация общества в целом при возрастающем спросе на сырье в колониях, которые оказывались в то время все более интегрированными благодаря железнодорожному сообщению в мировой рынок).

В-третьих, связи с транснациональной экономикой, хотя и не были принципиально новыми, но и теперь доминируют в глобальной интеграции рынков.

В-четвертых, колониализм в конце 19-го века был связан с формированием национальных государств в Европе, Северной и Южной Америке и Восточной Азии. Это создавало выигрышные моменты для колониальных проектов, далеко не в последнюю очередь связанных с престижностью предприятия, что придавало колониализму дополнительную динамику; с другой стороны, он был политически поддержан внутренними национальными идеологиями стран с колонизированными элитами.

В-пятых, и, наконец, современная эпоха колониализма характеризовалась идеологической легитимностью, связанной с универсалистскими претензиями, сформулированными в эпоху ценностей Просвещения с учетом «объективных» принципов современной науки. Они нашли свое завершение в цивилизаторской миссии, на которую опирались во многих случаях также ведущие представители колониальных обществ [2]. Это создало для колониального правления эдакое подобие естественности, что также затрудняло образование сопротивления в течение длительного времени.

Начиная со второй половины 19-го века, если не раньше, колониальные отношения были неотъемлемой частью международного порядка. Тем не менее, важно понять, что колониализм был уже сформированным явлением, значение которого на уровне господства было хорошо известным. Различные формы трансграничного обмена преобладали над колониальным обменом: мировая экономика была основана на асимметричной купле-продаже сырья, рабочей силы и игнорировании торговых интересов неевропейских обществ.

Колониализм был, таким образом, не просто состоянием и центральным компонентом политического порядка в мире, но также и фундаментом правовой и идеологической легитимности этого порядка. Большая часть миграционных и расчетных проектов проходила в колониальных условиях. Также культурный порядок в мире – в том числе Всемирной ярмарки, миссионерской деятельности, идей модернизации и «развития» – были колониальными коннотациями.

Взаимозависимость мира, окончательно сформировавшаяся в конце 19 и начале 20-го века, имела место в колониальных условиях. Историки поэтому подчеркнули связь между колониализмом и ранней истории глобализации. Прежде всего, Британская империя, в которой после современной веры «никогда не заходит солнце», установила в 19-го веке свою политическую гегемонию через телеграфный кабель, доминирование на финансовых рынках, превосходство британского флота, идеологию свободной торговли, в рамках которой происходили многие трансграничные обменные процессы.

Самые непосредственные последствия были вызваны колониализмом в завоевателях самих территорий. Многие компании существенно изменились и трансформировались в ходе колониальных интервенций. Уровень их внедрения на колонизированных территориях колебался от назначения политических властей на инфраструктурные проекты, ориентации экономики на нужды мегаполиса до вмешательства в социальную структуру, образование и формирование системы культурных ценностей.

Тем не менее, они не достигли всего. Хотя многие исследователи утверждали, что в ходе колонизации Штатам удалось достичь полной управляемости и контроля подчиненного населения, на практике, это было однако, часто далеко не так однозначно. Особенно в сельской местности, наличие колониального государства, как правило, ограничивалось «островками власти». Так, количество британских колониальных чиновников в Индии составляло 1/28000 местных жителей; в Нигерии, коэффициент составлял 1/54000. Колониальные державы были поэтому зависимы для осуществления контроля территорий как от сопредельных государств, так и от местных элит, были переданы в господство и судебной роли. Особенно Британская империя опиралась на этих формы косвенного управления.

В любом случае, влияние на колонизированное население было неоднозначным. В общем, социально-исторический преобразующий характер колониальных интервенций, однако, нельзя упускать из виду. Ряд социальных институтов, таких, как образование и правовая система – пережили формальное окончание колониального периода, действуя, в том числе, и создавая подпитку конфликтов между национальными элитами и массами на колонизированных территориях в конфликтах в нынешний период.

Долгое время исследования, касающиеся воздействия колонизаторов на соционормативный уклад жизни зависимых стран в Африке, Латинской Америке и Азии, актуализировались в научном пространстве. Совсем недавно, однако, исследователи стали обращать внимание на обратную связь воздействия колонизации на социумы-колонизаторы. Имперская экспансия продолжилась в Европе, Японии и Соединенных Штатах, параллельно с продвижением социальных групп, которые были выявлены с этой целью; в то же время, в крупных городах создавались анклав территориальной экспансии колониального сознания: империи всегда были своеобразным внутренним состоянием.

На уровне воображения продвижению колониализма и формированию социального комплекса колонизатора способствовали колониальные международные выставки, диорамы и лекции, настольные игры и продуктовые магазины, журналы и колониальные романы, рапсодия среди широких слоев населения. Некоторые надеялись на колонии для решения социальных проблем в стране, осуществления за счет колонизации проектов реформ – для их тестирования в колониях, прежде чем они были применены также в Европе – от градостроительства до медицинских экспериментов или нового землепользования.

Конкретные воздействия социальных субъектов все чаще рассматривались в имперской и глобальной системе отсчета. Хорошим примером является цивилизаторская миссия. В конце 19-го века она глубоко проникла не только в колонии, но и в сознание малообеспеченных слоев внутри Европы. Кроме того, в Европе были представители маргинала, риторика и практика которых почти не отличались от культуры поведения самих колонизаторов.

Многие из вопросов, поднятых недавно, благодаря постколониальным исследованиям оказались в центре колониальной историографии. Это направление исследований возникло в 1980-е годы, в основном со ссылкой на публикации Эдварда Саида по «ориентализму» (1978)[3].

Исследования по этой тематике, однако, гораздо старше, и ведут происхождение от Махатмы Ганди, Франц Фанана и Эме Сезера, которые впервые сформулировали критическую позицию по отношению к колониальному дискурсу [4]. Постколониальные исследования представляют собой междисциплинарный подход, который имел большой резонанс, главным образом, в литературе и культурологии, и в истории науки. Вообще говоря, подход характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, постколониальные критики предполагают, что история колониализма не закончилась с формальным провозглашением независимости. Хотя большинство бывших колоний были освобождены и обрели государственный суверенитет в послевоенный период (в основном в 1960-х годах, в Мозамбике и Анголе – в 1975 году, в Гонконге – с 1997), политическая деколонизация колониальных отношений, однако, не была закончена одномоментно. Многие отношения зависимости, как в экономической, так и в политической и культурной сферах, сохранились и были обсуждены с 1960 года в русле проблематики неоколониализма.

В дополнение к этому, элиты во многих новых независимых государствах опирались на формы политики, только немного отличавшиеся от колониального периода. Во многих странах, осуществлявших программы национально-государственного строительства, модернизация продолжила политику колониального развития в широком смысле. Так, например, Ганди боялись, поэтому новое индийское правительство было только английским правительством без права англичан осуществлять правление, что продолжало линию идеологической ответственности колониализма.

Другими словами, постколониальный период не исчерпывается временем после формального окончания колониального правления. Постколониальная критика направлена также на деконструкцию и преодоление основных теоретических положений колониального дискурса.

Это подводит нас, во-вторых, к осознанию важности приписываемых представителям постколониальных исследований культурных и эпистемологических оснований колониализма [4]. Культура колониализма и сепаратизма была частью общего культурного поворота, произошедшего в социологии и других гуманитарных

науках с 1980-х годов. По отношению к социологии колониализма и сепаратизма это означало, что наиболее важными факторами колонизации являются не техническое и промышленное превосходство, экономическая эксплуатация или международная конкуренция, а культура и идеология.

Без основного колониального дискурса нельзя понять ни колониальные амбиции пропагандистов, ни готовность широких групп населения, уверенных в правильности проектов расширения территорий; даже со стороны жителей колонизированных территорий центральные положения этого дискурса подлежат самостоятельному исследованию.

Этот дискурс был основан на предположении об универсальном развитии человеческих обществ на основе линейного понимания времени, иерархических культурных различий между развитостью и регрессом одних и других, оправдывающих колониальные интервенции во имя цивилизации. Постколониальная критика направлена на этом фоне на евроцентрические основания этого мировоззрения и предполагаемую универсальность многих дискурсивных элементов – таких, как секуляризация, роль классов или наций, историческое мышление, гендерные различия.

Эта критика продолжала довольно методично – и это третий момент – исследовать влияние колониализма и сепаратизма на городские поселения в рамках единой аналитической области. Таким образом, он был направлен против господствовавшего долгое время методологического бинаризма в социологии, который принимал фундаментальную оппозицию между колонизаторами и колонизированными. Европейской экспансии, так эта логика привела к необратимому изменению коренных обществ, либо к положительным (модернизация), либо к отрицательным (угнетение и эксплуатация).

Этот вывод также указывает на то, что в так называемых колониальных практиках важное различие между этими группами часто оказывается более размытым, чем это обычно предполагается во взаимодействиях колонизаторов и объектов колонизации. Но аргумент был направлен в то же время он больше на социологическое рассмотрение европейской истории и колониальной истории не как истории отдельных лиц, а как продукт многочисленных социальных взаимодействий и отношений обмена. Это означало, что колониальное взаимодействие нашло свое отражение в европейских обществах и, следы его прослеживаются до наших дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Osterhammel, W. Kolonialismus und Separatismus: Diskurs in der Sozialgeschichte / W. Osterhammel. – Berlin, Heinz-Verlag, 2001. – 255 S. – S. 80–81.
2. Osterhammel, W. Kolonialismus und Separatismus : Diskurs in der Sozialgeschichte / W. Osterhammel. – Berlin, Heinz-Verlag, 2001. – 255S. – S. 85.
3. Said, E. Oriental Kolonie : Kolonialismus und Separatismus / E. Said. – Munchen, Beck, 1998. – 410 S.
4. Grummel, R. Erkenntnistheoretischen Grundlagen der Philosophie der Eroberer und die Eroberten / R. Grummel. – Bonn, Dorn-Verlag, 2002. – 155 S.

Материал поступил в редакцию 08.09.14.

COLONIZERS AND THE COLONIZED: THE PROBLEM OF SEPARATION

V.V. Rakhmaylov, Postgraduate student the Department of Sociology and Social Work
Classic Private University (Zaporizhia), Ukraine

Abstract. *The article deals with the problem of differentiation of the colonizers and the colonized in sociological theory and historical sociology as a part of the discourse of colonization / anticolonization.*

Keywords: *colonialism, neo-colonialism, colonizers, colonization discourse, separatism, separation.*

УДК 008

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

О.И. Анучин, аспирант

Поволжский государственный университет сервиса (Тольятти), Россия

***Анотация.** В статье дается историко-культурная характеристика системы благотворительности Среднего Поволжья в XIX веке; выдвигается и доказывается тезис о росте благотворительных учреждений и благотворительной активности общественности во второй половине XIX века; анализируется роль и значение государственных, церковных, земских, городских, общественных и частных учреждений в становлении системы благотворительности в регионе.*

***Ключевые слова:** благотворительность, попечение, земство, купечество, помощь, финансирование, сословное призрение Среднее Поволжье.*

Нарисовать коллективный портрет российского благотворителя рубежа второй половины XIX века – дело весьма и весьма сложное. Люди, которые легко расставались с огромными средствами, чтобы помочь другим, разнились социальным положением, уровнем образованности, вероисповеданием, величиной капиталов. Разнились и представлениями о жизни. Для одних благотворительность была модой, дыханием времени, для других – нормой жизни, традицией.

В дореформенный период говорить о наличии системы общественного призрения в Среднем Поволжье можно с большой долей условности. Например, в Симбирской губернии в 13 благотворительных учреждениях Приказа общественного призрения в 1861 году помощь получили лишь 3 820 чел. Число прочих благотворительных учреждений было незначительным (4 богадельни на 100 чел. И 2 общества) [9, с. 14].

В российской истории 60–70-е гг. XIX в. Прошли под знаком реформ, начало которым положил Манифест Александра II и «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», согласно которым было отменено крепостное право. Эти правовые акты создали качественно новую экономическую, политическую и социальную ситуацию в стране.

Немаловажную роль в переходе к новым реалиям сыграли представительные органы местного самоуправления – земства. Они начали функционировать с 1 января 1864 г. Система земских учреждений создавалась для «заведования делами, относящимся местным нуждам и пользам». В их ведение входило: управление местным хозяйством, народным образованием, медицинским и ветеринарным обслуживанием, общественное призрение и т.д. [11, с. 5].

Среди многообразия проблем, находившихся в ведении земских учений было: содержание в исправности дорог и дорожных сооружений, устройство и содержание земской почты, заведование страхованием, земскими лечебными и благотворительными заведениями, попечение о призрении бедных, неизлечимых больных и умалишенных, а также сирых и увечных, участие в мероприятиях «по охране здравия» и предупреждению и пресечению падежа скота, развитие средств врачебной помощи населению и санитарные мероприятия, работы по предупреждению и тушению пожаров и попечение о лучшем устройстве селений, попечение о развитии средств народного образования, содействие местному земледелию, торговле и промышленности, охрана полей и лугов от порчи вредными насекомыми, удовлетворение возложенных на земство «потребностей воинского и гражданского управлений» и прочие, – особое место занимал вопрос о снабжении населения продовольствием [10, с. 16]. Прежде всего крестьян, так как в неурожайные годы они зачастую оставались без средств к существованию.

В пореформенный период ситуация в сфере благотворения в Среднем Поволжье существенно меняется. Деятельность сменивших Приказы городских и земских самоуправлений, знакомых с потребностями населения, стала адекватно реагировать на нужды бедствующего населения. В условиях капитализации страны и либерализации законодательства произошел значительный рост благотворительных учреждений и благотворительной активности общественности. Также усилилось внимания государства к проблемам призрения неимущих, объясняющаяся попытками властей держать данную сферу под своим контролем и стремлением сгладить нарастающие социальные противоречия. Все это привело к количественному и качественному развитию благотворительной сферы региона.

Система общественного призрения Среднего Поволжья в это время представляла собой взаимодействие государственных, церковных, земских, городских, общественных (сословных и бессословных) и частных благотворительных учреждений, историческое развитие которых шло в рамках общероссийского процесса децентрализации и индивидуализации помощи нуждающимся.

Следует отметить, что первое в истории России губернское земское собрание состоялось в Самаре. Оно приступило к работе 28 февраля 1865 г. [10, с. 15]. Создание и становление земских учреждений в Самарской губернии происходило в своеобразных условиях. Здесь интенсивно шло развитие сельского хозяйства по так называемому фермерскому типу. Поэтому по социальному составу благотворители в Самарской губернии преимущественно относились к «третьему сословию». Купцы особенно активно участвовали в деле помощи малоимущему населению и делали самые крупные вложения по сравнению с благотворителями из других сословий.

В Симбирской губернии, относящейся к этому же региону, ситуация с благотворительностью была другой. Там основными жертвователями являлись дворяне, но ввиду их слабого материального положения их вклады были незначительны по суммам, особенно по сравнению с купеческими вкладами. Кроме того, они оказывали помощь преимущественно нуждающимся своего сословия.

Оценивая место системы общественного призрения в Среднем Поволжье необходимо признать наиболее развитыми системы благотворительности Казанской и Самарской губерниях, но в целом состояние дел в этой сфере региона было неудовлетворительным. Так, в Симбирской губернии общественное призрение распространялась на 1,5 % населения; Казанской – на 4,4 %; Самарской – на 2,9 %; Пензенской – на 1,4 % населения [9, с. 15].

Во второй половине XIX века на территории Среднего Поволжья существовало две группы благотворительных учреждений: благотворительные общества и благотворительные заведения. Структура обществ и заведений, за незначительными расхождениями, была однотипной и определялась соответствующими примерными уставами. При этом отсутствовала строгая централизация подчиненности призренческих институтов, благотворительную деятельность курировали разные ведомства [9, с. 15–16].

Все благотворительные заведения по своему функциональному назначению разделялись на шесть типов: призрения (детей и взрослых); дешевого и бесплатного проживания; дешевого и бесплатного пропитания; трудовой помощи; лечебной помощи. Благотворительные общества, как правило, оказывали сразу несколько видов помощи [3, с. 79].

С конца XIX в. В Среднем Поволжье наблюдается появление и закрепление новых направлений социальной практики: усиление внимания к профилактике обнищания и безработицы посредством выдачи пособий, устройства мастерских, ремесленных училищ и курсов, привлечения к общественным работам; переход к «открытому» типу общественного призрения, то есть к социальному обеспечению вне благотворительных учреждений; адаптация социально обездоленных посредством трудовой помощи и прочие [9, с. 16].

Основными источниками средств благотворительных организаций в Среднем Поволжье являлись членские взносы и пожертвования; проценты с капиталов, доходы от недвижимости, а также пособия от казны, городских, земских, сословных и прочих учреждений, поступления по займам и пр.

Анализ процесса финансирования трех наиболее развитых и активно действовавших благотворительных обществ в Симбирске: Александровского Попечительного общества о бедных (в ведении города); Местного управления общества Красного Креста (полуправительственная-полуобщественная организация) и общества Христианского милосердия (частное)¹ – позволяет понять финансовые проблемы системы общественного призрения региона. Основную долю доходов обществ составляли проценты с капиталов, сбор пожертвований и членские взносы. В частности, к 1898 г. Приход Александровского общества на 21 % обеспечивался сбором пожертвований, на 58 % – процентами с капиталов и на 10 % – членскими взносами [9, с. 16]. Таким образом, дела общества полностью зависели от непостоянных доходов: пожертвования и сборы с увеселений приносили до 50 % дохода, пособия – 16 %. Причем пособие от курирующей организации составляло всего 4,6 %, остальные добровольные пожертвования [3, с. 81]. Подобная ситуация была характерна для большинства благотворительных учреждений Среднего Поволжья, что свидетельствует о их финансовой неустойчивости. Губернии.

Таким образом, финансирование и бюджетного состояния системы благотворительных учреждений Среднего Поволжья находилось в достаточно трудном положении. Общественные и частные средства, распылявшиеся между множеством действующих учреждений, не могли обеспечивать полноценную работу системы. Объективные условия требовали повышения доли государственных средств в обеспечении социальных потребностей страны.

В исследуемый период подготовка кадров в сфере благотворительности на государственном уровне не проводилась. Однако начиная с 80-х – 90-х гг XIX в. В регионе начали действовать земские фельдшерские и акушерские школы, общины сестер милосердия, работа которых стала исходным пунктом и катализатором профессионализации деятельности в сфере помощи неимущим [3, с. 81].

Процесс профессионализации этой сферы также сопровождался трудностями финансового характера. Так, в частности, содержание сестер (в двух общинах, Симбирской и Ардатовской, – 25 сестер и 9 испытуемых) для местного бюджета было накладным (15–25 руб. в мес. Каждой), что предопределило неудачу этого дела. Введения в лечебные учреждения подготовленных специалистов медико-санитарного профиля и замена ими больничных сиделок не состоялась [9, с. 17]. Работа фельдшерской школы также не принесла должного успеха.

Это было связано с систематическим уклонением выпускников от обязательной семилетней службы земству. В то время как на обучение каждого слушателя фельдшерской школы было затрачено до 1 000 руб. [9, с. 17].

В Мордовии в городе Чуфарово имела многочисленная группа сестер милосердия, пополнявшаяся за счет командирования послушниц на курсы в специальные медицинские учебные заведения. Сестры трудились как в собственной монастырской больнице, не очень значительной, но в основном их отправляли на время в военные лазареты, например, в 1870-х годах чуфаровские медсестры участвовали в войне по освобождению болгар от турецкого ига. Трудились они и в лазаретах во время Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Из этих же документов стало известно еще об одном акте благотворительности, потребовавшем от монастыря очень значительных затрат: во время голода 1893 года монахини в течение нескольких месяцев кормили пострадавших от недорода; бывали дни, когда за стол садились до 300–400 сторонних едоков. Тогда же монастырь раздал крестьянам имевшееся в его закромах посевное зерно, фактически монахини спасли несколько сел еще от одного голодного года, потому что люди за зиму перевели на еду весь свой семенной запас [6, с. 52].

Земствами в Среднем Поволжье принимались и другие меры для расширения и развития базы профессиональной подготовки медицинских кадров: организовывались курсы по подготовке санитарных работников по уходу за холерными больными, курсы повивальных бабок, переросшие в повивальную школу [3, с. 83]. В целом, в регионе по этой отрасли призрения, несмотря на финансовые и прочие трудности, профессиональная подготовка кадров развивалась и совершенствовалась, хотя темпы были недостаточными.

Профессиональные кадры благотворительных учреждений Среднего Поволжья для других направлений, в основном, готовились в рамках взаимообучения и самообучения лиц, в них служащих.

В данных условиях проблема поиска более или менее соответствующих критериям кандидатов стояла чрезвычайно остро. Поэтому земства оживили деятельность бывших приказов. Работа в этой сфере благотворительности велась достаточно успешно во всех Поволжских губерниях. Например, в ведении симбирского земства находились богадельни, действовала система патроната, до 40 детей ежегодно содержались на земские стипендии в училище графа Орлова-Давыдова, обществе Христианского Милосердия, кроме того, регулярно выдавались пособия учебным заведениям, разным благотворительным обществам и т. Д. Тем не менее, из-за недостатка средств земство так и не смогло решить проблему призрения физически и психически неполноценных детей (до 1 460 чел.), затруднительным являлось содержание колонии для душевнобольных [9, с. 18–21].

Призрение «городовых обывателей» г. Симбирска осуществлялось через раздачу денежных пособий, бесплатное лечение, содержание престарелых и увечных, призрение детства. Проводились мероприятия по предотвращению нищенства, адаптации трудоспособных нищих. Основой деятельности системы призрения неимущих являлся значительный неприкосновенный капитал, пожертвованный разными лицами на благотворительные цели, что небезосновательно позволяло утверждать: «в редком, даже из самых богатых городов, дело общественного призрения стоит на такой высоте» [3, с. 81].

Однако уездные городские управы региона подобным благополучием порадовать не могли. В ведении лишь некоторых (напр. Алатырской, Курмышской и Сызранской) имелись благотворительные заведения. В основном уездные города ограничивались выплатой пособий из капиталов, пожертвованных как конкретным учреждениям, так и на благотворительность вообще.

Система сословного призрения в исследуемый период постепенно теряла свое значение, уступая место более эффективному всесословному призрению. Благоприятно складывалась ситуация только с развитием дворянского и купеческого внутрисословного призрения. Главное внимание дворянство уделяло воспитанию и образованию молодежи, большей частью в закрытых учебных заведениях. Для пожилых дворян организовывались богадельни. Например, симбирское дворянство абонировало при губернской земской больнице одну койку для лечения бедных дворян [9, с. 22]. Дворянская касса взаимопомощи и вспомогательный фонд оказывали своевременную поддержку нуждающимся своего сословия.

Специфика купеческой благотворительности заключалась в том, что она, в отличие от строго корпоративной дворянской взаимопомощи, охватывала широкие слои нуждающегося населения, распространяла свою деятельность на все сословия.

Благодаря крупным пожертвованиям симбирских купцов А. П. Кирпичникова и А. П. Конурина в 90-х гг. XIX в. Город получил обширную богадельню на 210 призреваемых (причем 50 мест были зарезервированы для призрения нуждающихся лиц купеческого сословия) и приют на 100 детей. Заведения полностью содержались на проценты с капитала жертвователей.

Благотворительность купечества чаще всего в регионе носила индивидуальный характер.

Законодательно возложенная на сельские общества обязанность призывать своих нищих по причинам, прежде всего, финансового характера, в Среднем Поволжье практически не выполнялась. Так, в Симбирской губернии призревало чуть более 2 % бедствующих из почти 5 000 нуждающихся. [3, с. 83].

Заведений общественного призрения, состоящих в ведении крестьянских обществ, в регионе было недостаточно. Аналогично обстояло дело с призрением мещанского сословия. Например, мещанские общества Симбирской губернии благотворительных заведений в своем ведении не имели, но при городской богадельне имелось 6 кроватей для призрения лиц мещанского сословия [3, с. 82].

В Саранске формировался благотворительный комитет. В конце 1891 года мещанин врач Михаил Васильевич Соколов изъявил желание пожертвовать на помощь землякам, пострадавшим от неурожая, 3000 руб-

лей, значительную сумму. Однако Соколов, понимая, что его вклада явно недостаточно для помощи нуждающимся, поставил условие, чтоб на эти цели город тоже внес посильную лепту 2000 рублей. Городские власти думали медленно, скорее всего специально медленно, так как в казне лишних денег не было. Сама история их потропила. 1892 год тоже выдался неурожайным, и часть населения Саранска, жившая с земли, столкнулась с очень большими трудностями, а в некоторых семьях начался голод. И тогда был учрежден временный благотворительный комитет с тем, чтобы собрать в пользу голодающих пожертвования на закупку продовольствия. И саранские жители откликнулись на беду: было собрано более 2200 рублей, из которых на продукты комитет израсходовал 2052 рубля, а остальные деньги было решено использовать в других благотворительных целях [6, с. 250].

Основной причиной такого неудовлетворительного состояния было то, что крестьянские и мещанские общины даже с выполнением основных повинностей справлялись с трудом, а обязанность сословного призрения являлась для них непосильной ношей.

Наиболее успешно в Среднем Поволжье развивалась церковная благотворительность. Так, в ведомстве православного вероисповедания в 1898 году состояло 23 благотворительных учреждения (около 20 % из всех имеющихся) [9, с. 20]. Однако в это время пока еще не соответствовала своему назначению система церковно-приходских попечительств. Из 269 ЦПП только 10 оказывали помощь неимущим [9, с. 20].

Общественная благотворительность, прежде всего всесословная, в рассматриваемый период развивалась именно благодаря общественной инициативе, разрешенной, но контролируемой государством. Среднее Поволжье имело разветвленную многофункциональную сеть благотворительных учреждений (153, не считая многочисленных обществ трезвости) [9, с. 20].

Вторая половина XIX века – это время наивысшего расцвета частной благотворительности. Абсолютное большинство благотворительных учреждений региона было создано по частной инициативе и в основном на частные средства. Свою лепту в развитие системы помощи неимущим внесли представители всех сословий. Основными благотворителями были представители купечества и дворянства при несколько меньшем значении последнего.

Купцу и промышленнику Н. Я. Шатрову, члену целого ряда благотворительных обществ Симбирска, по праву принадлежит особое место в становлении и развитии народного просвещения и медицины в крае. Он обеспечил прочное существование в городе Коммерческого училища, способствовал открытию Торговых школ, выступил инициатором открытия в для туберкулезных больных, в пользу Чувашской учительской школы им было пожертвовано более 100 тыс. руб. [3, с. 81].

Примеры помощи предпринимателей пострадавшим от неурожая 1891 года в Самарской губернии. В октябре, в разгар голода, А. фон Вакано был организован сбор средств на Жигулевском пивоваренном заводе. Была построена столовая на 100 человек. К концу октября в ней нашло пропитание 304 человека из 81 семейства, в том числе 174 малолетних и 130 взрослых. В это же время при макаронном заводе Товарищества «О.К. Кеницер и Ко», организована выдача «даровых обедов» из столовой Немецкого общества. Столовая была рассчитана на 150 человек нуждающихся, но фактически в ней кормились 208 человек из 53 русских и немецких семей. В ноябре в селе Долгоруково Бугурусланского уезда на средства землевладелицы Н. Н. Рычковой была открыта столовая «для нуждающихся женщин и детей». В конце ноября в селе Зубовка Самарского уезда была открыта на средства предпринимателей столовая для крестьян, пострадавших от голода. В декабре на средства землевладельца Н. В. Чарыкова в его имении при селе Богдановка Самарского уезда была открыта бесплатная столовая «для вдов и сирот, престарелых, поддержания домовладельцев и учеников земской школы. Столовая работала на протяжении полугода. Тогда же предпринимателем А. Н. Портновым была организована в собственном доме бесплатная столовая на 1000 человек. В каждом уезде губернии были открыты столовые для голодающих. Невозможно определить размер частных пожертвований пострадавшим от голода, однако располагая статистикой Губернского Благотворительного комитета, мы можем предположить, на основании установленного нами преобладающего участия в таких комитетах предпринимательства, а также места личной благотворительности в филантропической системе в целом, что пожертвования предпринимателей были огромны. В 1891 году Губернским Благотворительным комитетом с целью оказания помощи пострадавшим от голода, были открыты: 951 столовая, 270 пекарен, 22 участковых комитета и 279 сельских попечительств [7, с. 159–163].

Отдельные представители дворянства, обладающие значительными капиталами, в частности, граф Орлов-Давыдов, Н. Д. Селиверстов, создали в своих имениях целые благотворительные комплексы, объединяющие заведения разной функциональной направленности [3, с. 81].

В Саратовской губернии недостающая помощь покрывалась в основном пожертвованиями частных лиц. Например, кроме Балашовского комитета уездной управы здесь был утвержден частный продовольственный комитет под председательством предводителя местного дворянства кн. П. М. Волконского. Этот комитет открыл бесплатную столовую, ночлежный приют, попечительства в селах Репьевка, Зубриловка, Северко, Макарово.

В Аткарске на средства купцов Крюковых также была открыта бесплатная столовая для нуждающихся, в Вольске в фонд помощи комитета крупные пожертвования в размере 600 руб. Внесло товарищество братьев Меркульевых, в селе Большая Екатериновка по распоряжению гр. Е. А. Воронцовой-Дашковой бесплатно раздавалась ржаная солома для крестьянского скота [5, с. 17].

В конце XIX в. В Среднем Поволжье организационно оформляются крестьянские благотворительные общества: общества потребителей, взаимопомощи, трезвости. Так в начале 1892 г. Губернатор представил на

утверждение Особому комитету Положение о порядке действий Саратовского губернского благотворительного комитета, «основной целью которого являлось объединение и направление деятельности существующих в городе и губернии благотворительных учреждений по оказанию помощи нуждающимся в местностях губернии, постигнутых неурожаем, исследование нужд лиц» [5, с. 19].

Для решения поставленных целей в уездах создавались продовольственные комитеты, волостные и сельские попечительства. Они открывали бесплатные столовые, склады хлеба, больницы и лечебницы. С декабря 1891 по июль 1892 г. На местах открылось 204 бесплатных столовых на 3955 человек, 9 складов хлеба, 6 пекарен, 1 больница и 2 лечебницы. Однако оказываемая помощь была мала. Так, по Березовской волости Аткарского уезда благотворительную помощь получило всего 22 лица в размере 22 руб. 50 коп., тогда как для удовлетворения нужд в данной волости до нового урожая требовалось не менее 3 тыс. рублей. Аналогичная ситуация складывалась и в других волостях губернии [5, с. 32].

Деятельность губернского благотворительного комитета сыграла определенную роль в ликвидации последствий неурожая 1891 г., но ее было явно недостаточно. В последующие неурожайные, голодные годы эта помощь неоднократно возобновлялась.

В целом, частная благотворительность отдельных личностей играла стимулирующую роль в развитии системы общественного призрения, способствовала благополучию состояния социально-экономической и общественно-культурной жизни региона. Все проблемы социальной помощи неимущим благотворительность на том этапе исторического развития решить не могла, тем не менее, с ее помощью успешно решались проблемы здравоохранения и образования в Среднем Поволжье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благотворительность и социально-экономическая политика России : традиции и современность : Сборник сообщений и докладов / под ред. И. С. Писаренко. – Калуга : КПКУ им. К. Э. Циолковского, 1997. – 110 с.
2. Веселовский, Б. Б. История земства за 40 лет : в 4 т. / Б. Б. Веселовский. – СПб. : Тип. О. Ы. Поповой, 1909. – Т. 1. – 735 с.
3. Галимова, Л. Н. Благотворительная деятельность симбирского купечества / Л. Н. Галимова // Историко-этнографические исследования Симбирского Поволжья : Сборник научных статей / ред. Зорин А. Н. – Ульяновск : УлГПУ, 2002. – С. 79–83.
4. Герасимов, В. Бахрушины. Профессиональные благотворители / В. Герасимов // Деловые люди. – 1994. – № 2. – С. 86–89.
5. Гузенко, Е. С. К вопросу о традициях попечительства и благотворительности в России / Е. С. Гузенко // Попечитель. Журнальное издание. – Вып. 1. – Ульяновск : УлГУ, 2001. – С. 17–32. Зорин, А. Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А. Н. Зорин и др. – Ульяновск : Средневожский научный центр, 2000. – 693 с.
6. Прохоров, В. Л. Этапы развития благотворительности в России / В. Л. Прохоров // Вопросы истории. – 2005. – № 3. – С. 158–164.
7. Продолжение Свода Законов Российской империи, изданного в 1857 г. (с 01.01.1864г. по 31.12.1867 г.). Часть 1, статьи I, II, III, IV и V томам свода СПб, 1868
8. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание. Отд. I, т. 39 № 40457, с. 1–10.
9. Соболевская, А. Духовные истоки российского предпринимательства / А. Соболевская // Вопросы экономики. – 1996. – № 8. – С. 88–96.
10. Федулова, А. В. Общественное призрение и благотворительность в Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX века : Автореферат. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. В. Федулова. – Саранск, 2006.

Материал поступил в редакцию 26.09.14.

SOCIAL AND CULTURAL FEATURES OF CHARITY SYSTEM IN THE MIDDLE VOLGA REGION (SECOND HALF OF XIX)

O.I. Anuchin, Postgraduate student
Volga Region State University of Service (Toliatti), Russia

Abstract. *The article presents the historical and cultural characteristics of charity in the Middle Volga region of the XIX century. The author put forward and prove the thesis of the growth of charities and charitable activity of the public in the second half of the XIX century. The article also examines the role and importance of state, church, territorial, urban, public and private institutions in the development of the charity system in the region.*

Keywords: *charity, custody, district council, merchants, help, funding, the estates charity of Middle Volga.*

Наука и Мир

Ежемесячный научный журнал

№ 10 (14), Том 2, октябрь / 2014

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: info@scienceph.ru
www.scienceph.ru

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2308-4804

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Игнатова Анастасия Александровна

Лукиенко Леонид Викторович, доктор технических наук
Мусиенко Александр Васильевич, кандидат юридических наук
Боровик Виталий Витальевич, кандидат технических наук
Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Валуев Антон Вадимович, кандидат исторических наук

Подписано в печать 18.10.2014 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 56.